

**ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ИНСТИТУТ АФРИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

АРАБСКИЙ ВОСТОК: ИСЛАМ И РЕФОРМЫ

Москва – 2000

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ИНСТИТУТ АФРИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АРАБСКИЙ ВОСТОК: ИСЛАМ И РЕФОРМЫ
(СБОРНИК СТАТЕЙ)

Москва – 2000

Научное издание

АРАБСКИЙ ВОСТОК: ИСЛАМ И РЕФОРМЫ (Сборник статей)
М., 2000, 116 стр.

ISBN 5-89394-046-6

ISBN 5-89394-046-6

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока
© Институт Африки РАН

Лицензия ЛР № 030697 от 29.07.1996 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

АРАБСКИЙ ВОСТОК: ИСЛАМ И РЕФОРМЫ
(Сборник статей)

Подписано в печать 14.11.2000 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 7,25 уч. изд. л.

Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 282

Типография ГНЦ РФ «НИОПИК»
103031 Москва, Нижний Кисельный пер. 5

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ИСЛАМИЗМА

Основы исламского экономического учения содержатся в Коране, Сунне и иджитхаде. Неразрывно связанные с понятием нравственности и обычных человеческих отношений они основываются на принципах:

- неприкосновенности частной собственности. Она изначально принадлежит Аллаху, который как привилегию дает людям право на ее использование, поэтому ни одно правительство или социальная группа не могут лишить человека этого права за исключением случаев, когда это может быть сделано на основе законов шариата;

- недопущения чрезмерной концентрации капитала у отдельных личностей. Это достигается посредством закрепленной Кораном системы дробления наследуемого имущества между родственниками, исключающей прижизненное волеизъявление его владельца;

- запрещения использования капитала и доходов, связанных с причинением ущерба и потерь другим людям. Сюда относятся пути заработка денег, основанные на мошенничестве, взяточничестве, разбое, создании искусственного дефицита, эксплуатации, игорном бизнесе, сексуальной распущенности, на махинациях с алкоголем и наркотиками. Кроме того, в каждой экономической сделке ее участники должны делить, как наращивание богатства, так и возможный риск его потери. И в случае отсутствия такого риска получаемая прибыль считается запрещенной Кораном лихвой или рибой. Если же выполняемая работа не является запретной, то вне зависимости от ее вида считается, что она выполняется мусульманином ради Аллаха и потому почетна. Экономическая философия ислама всегда основывалась на отрицании лени, важности соединения надежд на Бога и собственных усилий мусульманина по обеспечению жизненных потребностей для себя и своей семьи в качестве религиозного долга. Ислам не одобряет ведение праздно-паразитического образа жизни, за исключением тех случаев, когда человек не может найти работу по причине болезни или инвалидности, не одобряется также и поведение тех людей, которые всецело посвятив себя религии, ожидают всесторонней поддержки со стороны окружающих. Просить же милостыню могут только те мусульмане, кто находится в безвыходной нищете, кто много задолжал или взял на себя долг и не может выплатить его;

- ежегодного перераспределения доходов в пользу малоимущих посредством разовых пожертвований – садака, имущественного налога –

закята и торговых сборов – ушр. Закят глава семьи выплачивает ежегодно (в определенные сроки по лунному календарю для каждого вида имущества) со всех нереализованных товаров, не введенных в обращение в течение прошедшего года денег, собранного урожая и выращенного скота. Его размер варьирует от 2,5% на капитал, торговлю и сбережения до 20% на урожай, выращенный при естественном орошении или без применения человеческого труда. Раздача милостыни (садака) в форме единовременных денежных пожертвований или отчислений части доходов – также одна из обязанностей каждого мусульманина, она используется для помощи нищим, беднякам, путешествующим, а также ведущим священную войну и может как напрямую передаваться дарителем, так и распределяться через духовенство.

– С экономическим смыслом переплетается и такая основа ислама, как хадж, который ежегодно собирал в Мекку мусульман со всех концов исламского мира и сопровождался обменом товаров и заключением экономических сделок.

Несмотря на колоссальные политические и экономические изменения, произошедшие в мусульманском мире за последние 50 лет, влияние ислама, даже в таких европеизированных странах, как Турция или Марокко, никогда не ослабевало. И в зависимости от обстоятельств призывы к чистоте ислама (в том числе и в области экономических отношений) могли служить инструментом борьбы как с монархизмом, так и с проникновением западного капитализма или идеями социализма. Соответственно, главными расхождениями в этих призывах были вопросы справедливости распределения и потребления государственных доходов, законности владения определенной собственностью (чаще всего это относилось к собственности крупных помещиков, предпринимателей-немусульман и, особенно, иностранных монополий) и степени привлечения иностранного участия в экономику. Еще в конце 1920-х гг. как ответ на распространение «западного влияния» и «атеистического коммунизма» в Египте возникло движение «братьев-мусульман», превратившееся с тех пор в активную политическую силу арабского мира. Его сторонники считают, что ислам представляет собой не только религию, но и упорядоченную систему, охватывающую все стороны социально-политической и социально-экономической жизни мусульманских государств, способную заменить коррумпированные правительства, пытающиеся направить экономическое развитие по заимствованным извне рецептам. Попытки египетского правительства запретить деятельность этой организации приводили только к расширению ее влияния. В глазах простого народа они стали борцами с государственной бюрократией, нуворишами, иностранным влиянием.

Активизация в распространении идей исламской экономики и исламского социализма началась в конце 50-х – первой половине 60-х годов: в Саудовской Аравии в это время ужесточилась борьба за власть внутри королевской семьи, и в Египте исламисты искали аргументы для противопоставления экономическим реформам Г.А. Насера.

Арабо-израильская война 1967 г. стала основным объединительным фактором всего исламского мира. Видя в странах Запада главный источник экономической и военной мощи Израиля, мусульманские государства решили создавать собственную промышленную и продовольственную базы на основе межарабской экономической интеграции, используя для этого свои доходы от продажи нефти. Одним из таких проектов была принятая в 1975 г. Арабским Фондом Экономического и Социального Развития комплексная программа развития агропромышленного комплекса Судана и превращения его в межарабскую продовольственную базу как альтернативу продовольственным поставкам с Запада. Программа была рассчитана на 25 лет и уже на первом этапе ее выполнения (1975-1985 гг.) предусматривалось инвестировать в экономику Судана более 6 млрд. долл. для строительства около 100 различных объектов, половина из которых непосредственно относилась к сельскохозяйственному производству.

С 1975 г. при Организации исламской конференции начинает действовать Исламский банк развития. Крупнейшими его акционерами стали Саудовская Аравия (26%), Ливия (16%), ОАЭ (14%), Кувейт (13%). ИБР стал предоставлять займы наименее развитым странам – членам банка в первую очередь для создания и расширения инфраструктуры, принимать участие к капитале смешанных предприятий, финансировать внешнеторговые операции стран-участниц (большая часть сделок была связана с импортом нефти и нефтепродуктов), оказывать техническую помощь, проводить лизинговые операции. Банк стимулировал в рамках интеграции государств-членов Организации исламской конференции создание и деятельность Центра по статистическим, экономическим и социальным исследованиям (Анкара, 1978), Исламской торгово-промышленной палаты (Карачи, 1978), Института по вопросам взаимного страхования (Хартум, 1978), Исламского центра по профессионально-техническому обучению и исследованиям (Дакка, 1977).

Однако с падением мировых цен на нефть в начале 80-х годов большинство проектов межарабской экономической интеграции было заморожено или же переориентировано на финансирование через различные исламские банки: наиболее крупные из них – Исламский банк Бахрейна, Исламский банк Фейсала (Каир), Исламский банк Дубаи, Иранский исламский банк, Мусульманский коммерческий банк (Карачи), Исламская инвестиционная компания, Суданский исламский банк Фейсала, Кувейтский финансовый дом и др. С 1978 г. большая их часть была объединена в Международную Ассоциацию Исламских банков (штаб-квартира в г. Джидда). Формально все исламские банки осуществляют свои кредитные операции на беспроцентной основе, и с заемщиков взимается только так называемый налог на услуги, который очень часто существенно превышает административные расходы банка и фактически соответствует процентной ставке на мировых заемных рынках (так стоимость административных услуг кредитования ИБР составляет обычно от 2 до 6% годовых от величины займа).

Своим вкладчикам исламские банки обычно предлагают 3 типа счетов: текущие (беспроцентные), долгосрочные депозитные под гарантию банка (с

низким уровнем дохода) и инвестиционные, по которым вкладчики могут рассчитывать на получение прибыли, только если сам банк заработал для этого средства в ходе успешной финансовой операции, при этом они должны ясно осознавать весьма нередкую вероятность полной потери всех их денег. Обходить запрет Корана на взимание ссудного процента – рыбы при финансировании экономических проектов исламскому банку (а также другим возможным инвесторам) помогает принцип мушарака (партнерство), основанный на долях каждого инвестора коммерческого предприятия в распределении прибыли, закрепленных специальным договором, определяющим также и возможные убытки (в пропорции доли вложения капитала), а не удельным весом принадлежащего ему капитала. Партнер при этом имеет право на постепенный выкуп доли банка. Различные формы взаимных обязательств в рамках мушарака позволяют создавать различные прибыльные предприятия. При этом извлекаемая инвестором прибыль уже не рассматривается как ростовщичество. Наиболее распространены в современных мусульманских странах формы мушарака, применяемые в банковском деле, – мудараба и мурабаха (кырад, муфавада).

Форма мурабаха заключается в перепродаже товаров исламским банком от основного продавца основному покупателю на комиссионных началах (при этом обычно взимается 5-10% начислений). Чаще всего так исламские банки финансируют внешнеторговые операции своих клиентов.

Форма мудараба – это слияние банковского и промышленного капитала. Банк предлагает капитал, а партнер – идею и подготовку проекта. В случае неудачи финансовые потери несет в основном банк. Это предоставление исламским банком формально беспроцентного кредита при условии отчисления банку строго фиксированной доли от прибыли предприятия получателя кредита. Банк в этом случае становится партнером предприятия, а не получателем рыбы. Чаще всего мудараба используется при финансировании проектов развития и в операциях с ценными бумагами.

Форма «кырды Хассан» – представляет собой или беспроцентный кредит, или перерасход средств по счету. Погашается в течение установленного договором времени.

Форма «иджара» – покупка финансовым институтом для клиента какого-либо оборудования или недвижимости и передача ему на правах аренды. Клиент же имеет возможность, выплачивая взносы (в сумме превышающие затраченные банком средства) на определенный счет, в дальнейшем получить арендуемое имущество в свою собственность.

С начала 80-х годов экономические принципы ислама все чаще становятся практической основой хозяйствования отдельных мусульманских стран – Саудовской Аравии, Пакистана, Судана, Ирана. В теоретическом плане экономическое развитие этих государств должно строиться на:

1. равном обеспечении всех граждан основными услугами (жильем, пищей, одеждой, здравоохранением, образованием и возможностью создания семьи);

2. достижении полной занятости, в том числе за счет выделения процентных кредитов и предоставления через кооперативы средств производства всем тем, кто может работать, но не имеет таких средств;

3. свободе выбора профессии, отсутствии принуждения человека к определенной работе и предотвращении эксплуатации чужого труда;

4. недопущении нанесения вреда другим, чрезмерной концентрации капитала и монополизма (в том числе на государственном уровне), спекуляции, ростовщичества и других не одобряемых Кораном действий;

5. запрещении расточительства во всех сферах экономики;

6. осуществлении экономического планирования страны таким образом, чтобы форма и содержание, а также время работы позволяли человеку не только прилагать усилия в своей сфере занятости, но и заниматься самосовершенствованием и самообразованием, повышать свой профессиональный уровень и активно участвовать в управлении делами страны;

7. привлечении науки и техники и подготовке специалистов в соответствии с потребностями развития экономики страны;

8. предотвращении иностранного экономического господства над экономикой страны;

9. всесторонней охране окружающей среды, в которой должна проходить общественная жизнь и развитие будущих поколений, с запретом любой деятельности, неразрывно связанной с загрязнением окружающей среды и нанесением ей непоправимого ущерба.

Однако часто выполнение всех задекларированных отдельными странами принципов своего экономического развития на практике остается невыполнимым из-за недостатка финансовых ресурсов.

В теоретическом плане межисламская экономическая интеграция имеет очень большие перспективы ускорения развития для каждой из участвующих в ней стран. Но реальные предпосылки для такого объединения в настоящее время отсутствуют. Это связано не только с соперничеством в праве на политическое и религиозное лидерство, но и с экономической конкуренцией, квотами нефтяных поставок, вопросами сотрудничества с немусульманскими странами, а также различным социально-экономическим уровнем развития отдельных стран. Поэтому в настоящее время межарабское экономическое сотрудничество ведется преимущественно на двусторонних основах.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА
ИСЛАМИЗМА: ВЛИЯНИЕ ИСЛАМА НА СТРАТЕГИЮ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
(на примере арабских нефтедобывающих
государств Аравии – членов ССАГПЗ)

Нефтедобывающие государства региона Персидского залива во второй половине XX века представили впечатляющий пример ускоренного скачка из патриархально-отсталой социально-экономической организации и всеобъемлющей зависимости от иностранных монополий к достаточно современным по масштабам стран Азии национальным производственным комплексам и социальным структурам.

Выделяя в данном процессе благоприятную роль нефтяного фактора и полученных аравийскими монархиями сравнительных преимуществ в системе международного внешнеторгового обмена и международного разделения труда, важно подчеркнуть, что возможности природно-ресурсной базы не могли бы быть использованы с максимальной эффективностью в отсутствие воли правящих кругов и в отсутствие выработки ими соответствующей стратегии развития. Подобная стратегия в этих странах ортодоксального (т.е. наименее подверженного ревизии) ислама не могла формироваться без серьезного учета положений исламской социально-экономической доктрины и рекомендаций общественно-религиозных институтов.

Можно утверждать, что практически во всех странах с устойчиво выраженным влиянием ислама как основы национального законодательства его положения и общественно-религиозные институты оказали и продолжают оказывать сильное и самостоятельное регулирующее воздействие на организацию экономики и социальной структуры (среди исключений – несколько иная обстановка в Судане, где правящая элита находится в противостоянии с исламистами, в Афганистане, поскольку в ситуации перманентной гражданской войны и перехода разных частей территории страны из рук одних групп в руки других и наоборот трудно, конечно, говорить о построении системы регулирования экономики и социальной сферы). Наибольшие масштабы практическая реализация положений ислама, включая его требования к развитию экономики в интересах всех слоев исламского общества, судя по всему, получила в Саудовской Аравии, Кувейте, Объединенных Арабских Эмиратах, Бахрейне, Омане, Катаре и Ливии, где благодаря многократно возросшим валютным поступлениям от

экспорта в период с конца 1960-х по начало 1990-х годов проблема накопления в денежной форме действительно не была острой. Это естественно, так как при благополучном положении в национальном хозяйстве возникает реальная возможность ориентации на перспективные цели развития, в отличие от ситуации, когда решаются лишь текущие повседневные задачи.

В частности, на примере таких арабских государств, как Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ и другие, можно рассматривать аспекты взаимодействия ислама с важнейшими областями экономической деятельности, среди которых:

- организация эксплуатации природно-ресурсного потенциала;
- модернизация национальной экономики и формирование ее порций;
- управление кредитно-банковской системой, являющейся одним из ключевых звеньев хозяйственного механизма.

Приходится констатировать, что ислам представляет собой религию, уделяющую очень значительное внимание определению первостепенных параметров социально-экономического устройства общества. Так, среди главных принципов социально-экономической доктрины ислама немало важных, например, следующие:

- признание в качестве основ экономики двух видов собственности (как частной, так и общественной);
- принцип обеспечения социальной справедливости, который реализуется посредством фискальных механизмов («закят» – предписываемый шариатом налог на имущество и доходы, направляемый на нужды общины и распределяемый среди наименее обеспеченных слоев населения);
- принцип обеспечения справедливого распределения общественно-го дохода;
- признание права государства вмешиваться в экономическую деятельность.

В основном в нынешних странах мусульманского мира принципы шариата как комплекса исламских норм и правил деятельности и поведения рассматриваются в качестве единственного источника всех отраслей права, согласно конституциям. Так, все исламские правоведы едины в том, что государственные акты, регулирующие хозяйственную деятельность (в том числе недропользование, кредитно-финансовую систему, торговлю) должны находиться в соответствии с исламским законом либо быть приведены в такое соответствие, равно как и различные действующие соглашения, хозяйственные договоры.

В подавляющем большинстве случаев, касающихся принятия решений в области хозяйственной деятельности, окончательные решения будут приниматься исходя из толкования или трактовки ситуации на предмет ее соответствия нормам ислама, а шариат будет превалировать и над государственными актами. Это полностью подтвердилось в странах Аравии в период с 70-х годов по настоящее время.

Содержащиеся в Коране положения развиваются с целью применения их к современным сферам экономики, производства. В отношении недропользования исламское право утверждает суверенные права государства на регулирование в пределах его территории деятельности, связанной с добычей и переработкой полезных ископаемых, и требует использования этих ресурсов в интересах всех членов общества. Исходным постулатом выступает сура (2:284) Корана: «Аллаху принадлежит то, что в небесах и на земле». Поскольку Коран напрямую не касается горнодобывающей промышленности, принципы отношений в данной сфере оформляются правовыми мнениями представителей исламских течений, школ, основывающимися на канонических сборниках хадисов и формирующими в наши дни правовую базу. Так или иначе, все правовые направления – мазхабы, занимающиеся развитием социально-экономической доктрины ислама, включая школу Ханбали, выступающую в качестве официальной доктрины в Саудовской Аравии, широко утвердившуюся в Кувейте, другие основные школы (мазхабы): школу Ханафи (распространенную в Турции, Египте, Сирии, Иордании, Ливане, Судане и других странах), школу Малики – имама Малика, оказывающую огромное влияние на исламское право в странах восточной части Аравии, Северной и Западной Африки (Египет, Судан, Ливия, Тунис, Марокко, Алжир, Нигерия), шафиитское направление (представляющее определенный компромисс между воззрениями ханафитов и маликов) – уделили и уделяют значительное внимание правовой регламентации процессов ресурсопользования, устранению неопределенных ситуаций, способных ущемить интересы исламских стран и исламского общества. Исламское право предписывает получение первоначального разрешения имама — верховного правителя на любую деятельность в сфере эксплуатации природных ресурсов в пределах исламского государства. Разумеется, что данное лицо (либо орган) не может принимать какие-либо решения, не соотносясь достаточно четко с принципами ислама, а следовательно, без опоры на правовую базу, разрабатываемую религиозными деятелями.

Согласно, например, положениям, развитым направлением маликитского мазхаба, ее минералы на территории принадлежат исламскому обществу как единому целому и находятся под прямым контролем имама. Теория школы Малики выступает в целом против признания частной собственности на природные ресурсы, включая минеральное сырье, основываясь на выводе о неизбежности злоупотреблений и спекуляции, которые в этих условиях приведут к нарушению интересов исламского общества, несправедливому распределению общественного богатства. В этой связи интересно, что доктринами исламских направлений права большое место отведено подразделению имущества, ценностей на различные категории с целью соответствующей организации управления ими. К примеру, имущество («мааль»), подразделяется на две главные категории: одна – это вещественное, материальное имущество, которое осязаемо, может находиться в реальном обладании («айп»), куда относят все физические вещи

материальной природы, движимое имущество, землю; другая – это не вещь и не вещь, которая не связана с имуществом («манфаа»), куда входят все интересы и права, которые только в перспективе могут привести к появлению осязаемого имущества или к возникновению финансово и экономически выражаемых ценностей.

Для осуществления юридически оформленных сделок в экономике исламское право подразделяет категорию материального имущества в свою очередь на различные категории. В частности, одна категория имущества выделяется как «маль мутакаввим» – имущество, которое должно иметь некоторую стоимость, от которого разрешается извлекать выгоду и которое находится в действительном владении. Другая категория имущества выделяется в качестве «маль гейр мутакаввим», это имущество, которое не находится в реальном владении, но в перспективе может оказаться в таком. Вторая категория включает любое имущество, не находящееся под индивидуальным контролем, или имущество «мульк аль-амма» (общественную собственность), либо имущество, не находящееся на хранении, под охраной или в действительном владении. Подобное имущество классифицируется исламскими правоведом как «маль мобах» (нулевое имущество) – имущество, которое не может быть предметом действительных юридических сделок и, следовательно, должно находиться под особой опекой государства. В этом режиме, например, рыба, находящаяся в море, не имеет стоимости и обретает стоимость только после ее вылавливания и превращения в собственность в результате обладания ею.

По мнению представителей маликитского мазхаба, минералы в залежах – это общественная собственность «мульк аль-амма», то есть будучи отнесенными к этой категории по исламскому праву такие минеральные ресурсы никогда не находятся в чьей-либо собственности (включая и собственность имама) и поэтому классифицируются в категориях «гейр мутакаввим» и «маль мобах» и исключаются из законного оборота. Это достаточно серьезное регулирующее положение, ограничивающее доступ к полезным ископаемым, режим распоряжения ими на территории исламского государства. Как маликитский, так и в целом все мазхабы ислама распространяют на полезные ископаемые, природные богатства весьма строгие регулирующие положения (безотносительно вопроса разрешения либо отвергания возможности частной собственности в горнодобывающем производстве). Мусульманское государство при этом рассматривается как важнейший контрольный орган, действующий в интересах всех мусульман, от их имени. Означенные вопросы широко разработаны такими исламскими идеологами и правоведом, как, например, Али Аль-Хафиф, А.Б. Бедран, М.А. Абд ур-Рахим и т.д.

В категорию имущества «маль мобах» (или так называемого нулевого имущества) исламскими идеологами были отнесены такие предметы, как птицы, дичь, леса, реки и т.д. (подробно разработано, например, в сочинениях Али Аль-Хафифа, в частности в «Ahkam al-Mua'mmalat al-Sharia», А.Б. Бедрана, в том числе в «Al-Sharia al-Islamiah Tarikhova wa

Nazariyaat al-Milkiah wa al-Ugud» – «История исламского шариата и теория собственности и контрактов», в трудах А. Зайдана, С. Махмассани, М.Б. Ас-Садра, имама Малика ибн Анас и многих других).

Ввиду неавтономной природы полезных ископаемых до их добычи, извлечения, как вытекает из указанного выше, по исламскому праву следует, что никакой концессионер не может приобрести в собственность полезные ископаемые до того, как они будут извлечены из залежей. В противном случае возникает нарушение принципов ислама, в том числе таких важнейших принципов, как «риба» и «гарар». В целях разработки полезных ископаемых с участием различных компаний, включая зарубежные, исламское государство предоставляет лицензию на проведение соответствующих работ. В исламском праве определены и виды лицензий на разработку. Есть лицензии типа «икта истиглял», они представляют собой контракты, создающие для инвестора не вещественные права распоряжения имуществом, например, право на добычу, производство минерального сырья, его продажу, транспортировку, когда по извлечении ископаемых у инвестора не возникает права собственности на них, а в случае национализации компенсируются только выгоды, потерянные от работ по лицензии. Другой вид лицензии – «икта тамлик» – вручает инвестору право собственности на минералы по их извлечении, однако простая добыча ископаемых далеко не всегда рассматривается как условие получения их в собственность (т.е. существуют дополнительные конкретизирующие условия).

Многие вопросы в области лицензий находятся в стадии дальнейшей разработки в соответствии с исламской социально-экономической доктриной, поскольку это современные виды экономической деятельности, которые должны быть приведены в соответствие с исламом. (Следует отметить, что исламские правоведы не всегда едины в ряде неосновополагающих вопросов, и многое оформляется применительно к рассмотрению конкретных прецедентов.)

Исламская экономическая доктрина признает недействительными проекты в области разработки полезных ископаемых в случае, когда методы финансирования противоречат шариату. В противоречие с исламом могут входить, например, различные схемы финансирования проектов в области разработки полезных ископаемых, в частности, связанные с использованием залежей или месторождений в виде обеспечения кредитов, некоторые схемы контрактов. По мнению многих авторитетных исламских правоведов, нельзя продавать и закладывать полезные ископаемые в залежах (нарушение принципа «риба»). Такие типы финансирования, как платежи за продукцию и покупка, продажа на срок (с поставкой сырья, продукции через определенный срок) не соответствуют исламскому закону. В случае выявления фактов использования в горнодобывающей отрасли в пределах юрисдикции исламского права подобных (обычных для практики США, Западной Европы, других стран) методов осуществления контрактов к вовлеченным в это должны быть применены жесткие административные и судебные меры.

Важным аспектом в части ресурсопользования выступает запрещение Кораном, Сунной захвата, узурпации объекта без лицензии или в ее нарушение. Подобные действия признаются недействительными, аннулируются, узурпатор обязывается немедленно возвратить объект и произвести работы, позволяющие восстановить, привести в первоначальное исходное состояние имущество, землю, территорию, а при невозможности этого выплатить справедливых размеров компенсацию.

Выводы исламских правоведов в отношении отмеченных выше проблем базируются на ряде хадисов – высказываний пророка Мухаммада, таких например: «Любой берущий несправедливым образом частицу земли у других, он в день воскрешения семь раз погрузится под землю» или «Он, кто покупает украденное имущество зная, что оно было украдено, участвует в грехе и позоре воровства» и т.д. (приводятся, например, в работах Аль-Шавкани «Sharh Montaga al-Akhbar», 1973 г.; Аль-Карадави «The Lawful and Prohibited in Islam», 1976 г., Кувейт).

Вместе с тем исламские школы не позволяют и государству или государственным органам лишать кого-либо справедливо приобретенных прав собственности или вмешиваться в его деятельность. Когда осуществляется частное предпринимательство, оно поощряется, но, естественно, что оно должно вестись без нарушения регулирующих норм исламского права.

Реальность, таким образом, показывает, что уже с 1960-х годов, когда в странах Аравии развернулся процесс модернизации национальной экономики при опоре на имеющиеся ресурсы полезных ископаемых, там активизировался процесс развития экономической концепции исламизма. Этот процесс не утратил своей динамики и в настоящее время и включает в область своего регулирования уже практически все сферы социально-экономической деятельности, включая столь важную, как недропользование. После выхода из под гнета экономического колониализма, распространения реального суверенитета на экономику и ресурсы в странах Аравии, естественно, схема государственного устройства и управления там приняла исторически обусловленную религиозно-светскую форму (тем более, что ислам понимается многими исследователями как учение более широкое, чем просто религия, особенно потому, что очень широко охватывает и регламентирует все сферы социально-экономической организации общества). Представляется, что в условиях соединения религии с официальным законодательством, как в странах Аравии, положения религии в отношении хозяйства и природных ресурсов в свою очередь внесли существенный усиливающий вклад в процесс обретения экономического суверенитета, установления достаточно справедливого режима разработки полезных ископаемых между арабскими нефтедобывающими государствами и иностранными компаниями, в процесс формирования и расширения экономической политики, ориентированной на приспособление недропользования к нуждам прогресса национальных обществ. Это подтверждает, в частности, тот факт, что в 70– 80-е гг. в арабских нефтедобывающих странах практически были поэтапно ликвидированы концессии

традиционного типа, при которых зарубежные компании имели практически безраздельное право определения объемов добычи, продаж и уровня цен на длительный срок, функционируя как государства в государстве, что в принципе входит в серьезное противоречие с определенным в исламе подходом к природным богатствам и пользованию ими.

По существу, в последние два десятилетия в странах Аравии применяются лишь модернизированные концессии и соглашения о разделе продукции («продакшн шеринг»), схемы которых не имеют почти ничего общего с традиционными «старыми» формами: с помощью множества положений этих контрактов обеспечиваются интересы государств – обладателей природного сырья, предусмотрена прогрессивно-возрастающая шкала налога с доходов в зависимости от объема реализуемой продукции. Большинство же проектов осуществляют национальные компании с преобладающим участием государственного капитала, когда национальная уполномоченная организация владеет исключительным правом распоряжения месторождениями от имени государства, а иностранные контрагенты участвуют в добыче, переработке, сбыте. По отдельным соглашениям иностранные партнеры получают нефть, газ, продукцию нефтехимии в виде компенсации вложенных усилий и средств с учетом разумного пропорционально обоснованного итогового превышения доходов над вложениями. При этом иностранные контрагенты, как правило, берут на себя обязательства обеспечивать рынки сбыта продукции. Редко применяемые концессии в целом уже касаются труднодоступных, во многом выработанных участков месторождений, не обладающих большими запасами, сконцентрированными в одном месте.

Показательно, что, например, в наши дни, когда в арабском мире с определенным импульсом разворачивается процесс приватизации, в ходе постановления в 1995 году в Национальной Ассамблее – парламенте Кувейта правительством Кувейта вопроса о некотором увеличении числа предоставляемых иностранным компаниям месторождений на условиях концессии сама постановка вопроса встретила резкое неприятие и противодействие этого органа представительной власти, хотя предлагались не лучшие участки и строгие механизмы контроля. И в этом в определенной степени прослеживается и влияние экономической доктрины исламизма. Конечно, в парламенте Кувейта широко представлены деятели, вышедшие из религиозных исламских кругов, и они проводят свою достаточно настойчивую линию в самых разных вопросах (в частности, начавшееся введение магазинов, куда могут ходить только женщины, отдельно от мужчин, запрет просмотра многих развлекательных и зарубежных телепрограмм в общественных местах, кафе и т.п.).

Как отмечалось выше, экономическая доктрина ислама, включающая принцип справедливого партнерства в хозяйственной деятельности, совершенно не исключает привлечения частного, в том числе иностранного капитала в области недропользования. Этот подход давно известен, он выражен, в частности, в заявлениях саудовского министра нефти Ямани,

сыгравшего немалую роль в формировании независимой политики недропользования королевства и других аравийских монархий и арабских государств. На XXVI ежегодной конференции Института Ближнего Востока в Вашингтоне в 1972 г. он, например, так представлял данный подход: «Когда принцип управления природными ресурсами народом, который владеет этими ресурсами, нашел всемирное признание и когда начался процесс национализации, Саудовская Аравия вступила на путь поисков альтернативного решения, которое сохранило бы стабильность нефтяной промышленности и обеспечило ее дальнейший рост». Как отмечал Ямани, единственной альтернативой полной национализации, которая противоречит экономической системе страны, являлся принцип участия государства, что позволяло обеспечить сбалансированность ключевых задач развития с интересами как населения, так и предпринимательских кругов. Здесь правящие круги во многом старались следовать в русле положений ислама применительно к экономике. Принцип участия, справедливо организуемого партнерства для ведения предпринимательской деятельности является одним из главных положений экономической доктрины ислама. Выражением данной, не входящей в противоречие с исламом линии стало достаточно обоснованное сочетание пропорций государственного и частного секторов в странах Аравии на конкретных этапах развития, подчиненное национальной стратегии развития сочетание национального и иностранного капитала как в сфере недропользования, так и в других отраслях, включая и кредитно-банковскую систему (банки, совместные предприятия с участием иностранного капитала и с контрольным пакетом у государства или квазигосударственных организаций).

Представляется, что широко развернутая и укоренившаяся в сознании аравийских и арабских обществ система принципов организации хозяйства в соответствии с исламом будет и в дальнейшем оказывать сильное влияние на основные отрасли экономики и социальной сферы, влияние, возможно, даже не меньшее, а большее, чем в начальный период обретения экономической независимости, когда соотношение политического, общественного и хозяйственного потенциала арабского мира и развитых стран не располагало к приближению арабских государств к собственной исламской модели. По всей видимости, в аравийских странах крайне маловероятен поворот к отдаче производств сферы недропользования и других основных отраслей хозяйства в бесконтрольное, без определяющего управления национальными уполномоченными организациями распоряжение или аренду иностранным монополиям и фирмам. Маловероятна возможность резкого пересмотра доли прибыли иностранных инвесторов в сторону повышения. Против этого ориентируют и положения исламской доктрины. Известно, например, что видный шиитский идеолог Мухаммад Бакир ас-Садр относит к первоочередным задачам исламских государств выделение не менее 20% доходов нефтедобывающих стран на нужды установления социальной справедливости; справедливое регулирование цен на труд и товары; стирание различий в уровнях жизни членов

общества с помощью установления минимума материального благополучия и ограничения сосредоточения капитала, богатств в руках немногих.

Разумеется, не только ислам, но и соображения общегосударственной целесообразности (также как и в других странах мира, включая страны-обладатели значительных запасов сырья) определяют в аравийских и других арабских странах соотношение пропорций государственного и частного, национального и иностранного участия в тех или иных отраслях, производствах. Однако ислам выступает как весьма мощный дополнительный фактор соблюдения общенациональных интересов, опережающего учета этих интересов в общегосударственных планах и программах развития и в законодательстве. Роль государства как исламского государства в экономике аравийских и многих других арабских стран находится на достаточно высоком уровне. Становление и модернизация их экономических, социальных систем происходили за счет повышения роли государственного сектора, что отражено во многих исследованиях отечественных арабистов и африканистов, посвященных периодам 60-х – 80-х, 90-х годов.

Развернувшийся в настоящее время процесс приватизации в аравийских странах и в арабском мире не имеет ничего общего с подходами какого-либо «обвального» или неуправляемого государством, или происходящего с полным уходом государства из экономики процесса. Если в течение трех десятилетий модернизации хозяйственных и социальных структур в рассматриваемом регионе основывались на идеологии всемерной опеки традиционных социально-экономических институтов, их плавного перевода к более новым формам включения в хозяйственную деятельность при помощи государства, то и в предстоящие годы подобная тенденция будет присутствовать, хотя усиление роли национального частного сектора во многих областях деятельности и материальном производстве приветствуется и поощряется, как, впрочем, было с самого начала процесса модернизации. При этом, исходя из исламской доктрины, паритет между общественными и частными интересами должен будет поддерживаться. Этому имеется множество подтверждений уже сейчас, среди которых оставляемая в Саудовской Аравии в целом в руках государства система энергоснабжения страны, когда создается государственная корпорация из ряда компаний, занимающихся энергоснабжением разных провинций королевства. Здесь осознается, что резкий рост тарифов на электроэнергию вызывает негативную реакцию населения в любой стране, а вместе с тем в условиях аравийских монархий закреплённая в сознании общества идея исламского принципа обеспечения социальной справедливости выступает дополнительным и мощным фактором, противодействующим переложению хозяйственно-коммунальных и других расходов на население. Кроме того, действительность второй половины века подтверждает, что в условиях какого-либо ухудшения социально-экономического положения населением мусульманского вероисповедания зачастую еще с большей силой овладевают идеи исламизма, включая подходы даже наиболее радикальных направлений. Другим примером озабоченности

правлящих кругов соблюдением требований общества и поддержанием стабильности выступает осторожный, взвешенный подход к осуществляемой приватизации, когда какое-либо предприятие при его передаче в руки частного владельца от государства проходит достаточно долгий испытательный период, в ходе которого уполномоченными органами отслеживаются различные параметры функционирования, профиль деятельности, эффективность и др.

В подходах современных исламских правоведов многие виды объектов имущества исключаются из области, где возможно частное владение имуществом (воздушное пространство, крупные реки, дороги общественного значения, мечети, больницы, школы), многие важные сферы деятельности рассматриваются как общественные (образование, наука, здравоохранение, поддержка малообеспеченных слоев населения). Этот фактор будет оказывать значительное воздействие на выработку экономической политики, формирование основных пропорций хозяйства.

Наконец, действительно особым оказался импульс, приданный исламом формированию такой ключевой сферы экономики, как кредитно-банковская система. Хорошо известно, насколько значительный вклад в развертывание и укрепление процесса создания системы исламских кредитно-банковских институтов, отвечающих социально-экономической доктрине ислама, процесса, инициированного с 1964 г. представителями Египта, аравийских монархий, Пакистана, внесли руководители, общественные деятели и предприниматели из стран ССАГПЗ. К концу 80-х годов уже было введено в действие более 100 исламских кредитных учреждений, находящихся не только в арабских, но и в других странах «третьего мира», а также в промышленно развитых государствах, при этом в ряде стран на исламские институты приходились довольно значительные доли кредитного рынка. Удельный вес исламских банков в общих пассивах кредитной системы к 1987 г. достиг 16% в Кувейте, 24% в Судане, 11,6% в Египте, 10,4% в Катаре, 8,6% в Иордании, 6,7% на Бахрейне. Были созданы мощные международные исламские банки и инвестиционные компании, такие как, например, Исламский банк развития, основанный правительствами Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЭ, Ливии, «Аль Барака Грун», учрежденная крупным саудовским предпринимателем и общественным деятелем шейхом Салехом Камилем, а также Международная ассоциация исламских банков и международная финансовая неправительственная организация для поддержки частного предпринимательства на основе исламских принципов «Дар аль Маль-аль-Исламий». Общепризнанным лидером в области создания исламского банковского дела стал саудовский принц Мухаммед аль-Фейсал ас-Сауд, при непосредственном участии которого были учреждены эти организации и многие исламские кредитные институты в арабских, африканских и других странах. Почти полностью на исламский механизм переведены кредитные системы Ирана, Судана, Пакистана.

Ислам запрещает взимание процента за отдаваемые в заем финансовые средства. Основой деятельности исламских кредитных институтов является замена фиксированного процента на отдаваемые в заем денежные средства на принцип определения дохода всех главных сторон кредитных отношений (вкладчика банка, самого банка и заемщика денежных средств или предпринимателя) по итогам хозяйственной операции, деятельности, которая финансируется. Причем все стороны кредитной деятельности рассматриваются как партнеры, несущие равный или пропорциональный убыток в случае убыточности хозяйственной операции, деятельности, в которую были направлены кредитные ресурсы. Это принцип участия в прибылях, доходах от кредитуемой операции, деятельности когда партнеры обязаны вести себя не как рантье, а как заинтересованные участники кредитной деятельности в ее неразрывной связи с хозяйственной деятельностью и участвовать на всех стадиях своими знаниями, информацией, навыками, опытом и т.д. Банк принимает на себя пропорциональную долю ответственности и риска по хозяйственной операции, которая финансируется. Ценные бумаги рассматриваются не как долговые обязательства, а как свидетельство на долю в собственности. При этом исламские суды не удовлетворяют измеряемые ставками ссудного процента иски банков к клиентуре по невозвращенным кредитам. В ходе кризисных явлений в арабских странах в условиях спада цен на нефть с середины 80-х годов конечная судебная инстанция – шариатские суды в Кувейте, ОАЭ, Саудовской Аравии, других эмиратах – отказывались удовлетворять большинство исков по просроченным и невозвращенным кредитам.

В настоящее время трудно перечислить все новые банки, создаваемые на исламских принципах или полностью перешедшие на эти принципы как в арабских, так и других странах. Процесс исламизации банков активно продолжается, несмотря на высказанные рядом аналитиков пессимистические оценки его перспектив. Только в последние годы не без участия принца Мухаммеда аль-Фейсала и шейха Салеха Камилля созданы такие крупные кредитные институты, как «Абу-Даби Исламик Бэнк» в ОАЭ с акционерным капиталом в 272 млн. долл., «Фёрст Исламик Инвестмент Бэнк» (100 млн. долл.), «Инвесторз Бэнк» (30 млн. долл., оплаченный), «Араб Бэнкинг Корпорейшн Исламик Бэнк», «АБН АМРО Глобал Исламик Файнэншл Сервисез», последние 4 разместили штаб-квартиры на Бахрейне, «Араб Исламик Интернэшнл Бэнк» в Иордании с акционерным капиталом в 57 млн. долл. По существу, все банки в арабских странах являются учреждениями, работающими без нарушения основного требования ислама к кредитно-финансовой деятельности, они сейчас получают прибыль в основном за счет комиссионных и доходов от совместного предпринимательства, совместных с заемщиками инвестиционных проектов, заменяющие процент комиссионные обычно невелики и составляют от одного до нескольких процентов. В перспективе все банки должны перерасти в полностью исламские, когда каждая группа операций будет точно соответствовать положениям, прописанным в экономической доктрине ислама, при строгом контроле специальных исламских религиозных

наблюдательных советов при банке. Сейчас в считаемых обычными банках данной группы стран поэтапно увеличивается число исламских отделов, абсолютно адекватных исламскому механизму.

По существу, в организованной по исламу кредитной системе невозможны кризисы накопления просроченной задолженности и ее «обвала» по аналогии кризиса 30-х годов в США или недавних финансовых потрясений в Азии и России, так как в подобной системе происходит каждодневная автоматическая саморегуляция баланса в зависимости от рентабельности хозяйственной и торговой деятельности, отсутствует обостряющая ситуацию претензия в виде процентов, процентов на проценты и расчет на эти суммы в будущем в ходе продолжения операций.

Нужно отметить, что в США после кризиса 30-х годов, краха банков на государственном уровне изучалась возможность заимствования механизма исламской финансовой доктрины для того, чтобы избежать новых потрясений. Сейчас все свелось к тому, что ряд западных банков, обслуживающих мусульманскую по вероисповеданию клиентуру, стал открывать исламские отделы для того, чтобы успешно выдержать конкуренцию с банками арабских и в целом мусульманских государств, поскольку имеет место экспансия ислама и исламского банковского дела, которое и в границах мусульманского мира превратилось в составную часть экономики. Среди открывших исламские отделы – лондонский банк «Клейнворт Бенсон», «Сити Бэнк», «Чейз Мэнхэттен Бэнк», «АПЗ Гриндлэйз Бэнк» и другие.

Хотя процесс исламизации кредитной системы достаточно сложен, поскольку не полностью адаптированы к практике механизмы ряда операций, не каждое прибыльно работающее предприятие готово делиться с исламскими банками частью дохода, равной доле банка как участника предпринимательской деятельности, отрасль показывает солидные темпы роста достаточно долго, а энтузиазм клиентуры базируется на значительно большей степени доверия именно к исламским банкам мусульманского населения и ряда предпринимателей. Они считают, что исламские банки исключают преднамеренное вовлечение средств вкладчиков в сомнительную спекуляцию и не могут неоправданно завышать сборы с вкладчиков и плату за обслуживание заемщиков, уверены во всесторонней заинтересованности исламских банков в реальной помощи предпринимателям. Такие ожидания во многом оправданы в условиях нередких и даже участвовавших потрясений, связанных с кредитными институтами обычной системы, построенной по западному образцу. Вообще следует отметить, что банки, функционирующие на принципах, разработанных в составе исламской экономической доктрины, в случае хорошо организованного контроля со стороны общественно-религиозных советов и государственных инстанций, во многом аналогичны банкам развития, призванным производить финансирование промышленного роста в реальном секторе, и хорошо соответствуют решению задач социально-экономической стратегии стран «третьего мира» (вместе с тем исламские банки успешно финансируют и торговую деятельность). Опыт развития Азии говорит о том, что экономический

рывок таких стран, как Япония, Южная Корея в принципе был обеспечен с помощью банковского кредитования по максимально низким ставкам ссудного процента, при которых большие ресурсы смогли быть инвестированы в промышленное производство.

Надо сказать, что роль и значение исламских принципов в организации социально-экономической жизни в большой мере зависит от экономического потенциала и во многом связанного с этим потенциалом политического влияния того или иного мусульманского государства. И нефтедобывающие государства Аравии с этой точки зрения находились и во многом продолжают находиться в более удобном положении для разработки и внедрения в хозяйство исламских принципов и норм, чем другие мусульманские страны.

В заключение можно отметить, что вопросы исламской социально-экономической концепции и практики актуальны и для Российской Федерации, стран СНГ, где есть значительная доля мусульманского населения, и представляется, что государству есть смысл принять участие в практическом внедрении некоторых из содержащихся в исламе форм организации экономической деятельности. Немаловажен вопрос о реальном создании в России системы кредитно-банковских учреждений, функционирующих на принципах, аналогичных разработанным и внедренным в арабских и других странах принципам исламского кредитно-банковского механизма. Учреждения подобного типа могли бы обслуживать как мусульманские по вероисповеданию, так и христианские и другие категории населения, что не будет противоречить законодательству о религии. Подобные учреждения должны функционировать без спекуляции и на принципах партнерства при прозрачности операций для общественности, под надзором соответствующих наблюдательно-контрольных советов, включающих религиозных деятелей, авторитетных людей, можно сказать, старейшин, материально не заинтересованных в махинациях по своему положению, статусу в означенных советах. Предварительно возможна проработка вопроса о включении в законодательство положений об организации и деятельности подобных кредитных учреждений. Такой подход можно рассматривать как реальный путь нормализации кредитно-финансовой сферы страны после того, как огромные массы населения потеряли сбережения, разочаровались в нынешних коммерческих банках в результате их банкротства и развала «финансовых пирамид», происшедшего в последние годы, включая кризис кредитно-финансовой системы августа 1998 года. Следует добавить, что при внедрении определенных полезных содержащихся в исламе начал с участием государства, т.е. просвещенным путем, во многом отсекается почва для экстремистских проявлений, апеллирующих к исламу.

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИСТЕМАХ ЦИВИЛИЗАЦИИ
АРАБСКИХ СТРАН, ЭФИОПИИ И РОССИИ**

Арабский мир, Эфиопия и Россия – это системы цивилизации, имеющие некоторые общие и родственные элементы. Общий элемент – доминирующая в мировой системе и в каждой из интересующих нас систем цивилизаций новая западная цивилизация. Родственные элементы – это разные ветви исламской цивилизации (в России и Эфиопии, а также Эритрее, где их представлено по две, но не одних и тех же, а в арабском мире – множество) и разные восточнохристианские цивилизации, во многих отношениях родственные между собой. Но сами по себе эти три (как и многие другие) системы цивилизаций имеют разные корни, не одинаковый характер, разное соотношение составляющих их элементов, разность самих элементов, не одинаковую историю их развития. Поэтому и протекающие в них сегодня процессы имеют черты сходства и различия.

Для арабского мира изначально характерно деление населения на этноконфессиональные группы и союзы племен. Этноконфессиональные группы подразделяются прежде всего на мусульманские и немусульманские.

Этноконфессиональные группы арабского Египта и стран Плодородного Полумесяца частью мусульманские (сунниты, шииты-мутаваля, алавиты, исмаилиты, друзы), частью христианские (марониты и шесть других католических этноконфессиональных групп; копты; греко-православные; сиро-яковиты; армяне-григориане; ассирийцы и пр.), частью еще более древние (евреи, самаритяне, субаи-мандеи, йезиды). Все они (кроме йезидов и части армян) арабоязычны. На Аравийском полуострове и на Бахрейне – в каждой стране своя особая подсистема этноконфессиональных групп, как правило, только мусульманских (лишь в Йемене также и этноконфессиональная группа йеменских евреев); центральное место в каждой из систем занимает одна из мусульманских этноконфессиональных групп: ваххабиты в Саудовской Аравии и ОАЭ, зейдиты в Йемене, ибадиты в Омане и т.д. В странах Северной Африки (кроме Марокко и Мавритании), входивших в Османскую империю, с XVI в. политически, но не численно, доминировала этноконфессиональная группа суннитов-ханафитов. В Иране при доминировании персов-шиитов имеются крупные территориально-этнографические группы арабов (хузистанские, приморские и бедуины Большой пустыни); все они исповедуют шиизм, как и соседние с ними иранские и тюркские народы.

Колониализм смешал иерархию этноконфессиональных групп османской империи, но сами эти группы не разрушил. В Ливии периода Сенусидского Королевства доминирующей стала этноконфессиональная группа сенуситов. В других арабских странах Африки принадлежность к исламским духовным орденам (турук), как правило, передающаяся по наследству и охватывающая целые племенные и территориальные группы арабов и неарабов, также сохраняет важное общественное значение. В Судане, Чаде и Мавритании – арабских странах южного, периферийного пояса – эта принадлежность может быть охарактеризована как этноконфессиональная. Она, переплетаясь с кланово-племенной, играет роль первостепенного политического фактора.

Как этноконфессиональные, так и племенные группы здесь очень замкнуты и фактически эндогамны. Но и там, где преобладает детрибализированное население, замкнутость и эндогамность сохраняются. Например, в Египте, Сирии, Ираке проживают бок о бок множество христианских этноконфессиональных групп, в том числе несколько католических (в Египте не менее шести). Но конты-католики, армяне-католики, греко-унииаты, марониты, халдеи и пр., хотя все они католики и говорят на арабском языке, заключают браки, как правило, внутри своих общин. Египтяне-мусульмане и египтяне-православные едва ли не чаще женятся на иностранках, в том числе на русских, чем на соотечественницах из чужой этноконфессиональной группы. Замкнутость этноконфессиональных групп очень медленно преодолевается в сфере экономики (отходит в прошлое или, по крайней мере, постоянно нарушается традиционное или неотрадиционное монопольное занятие членами этноконфессиональной группы определенных профессий). Усиливается миграция этноконфессиональных групп на новые территории и их распыление. Но самый заметный процесс – неодинаковый численный рост некоторых этноконфессиональных групп, имеющих консервативное крестьянское ядро (например, суннитов-шафиитов в Египте, шиитов-мутаваля в Ираке, Сирии и Ливане, алавитов в Сирии), и вытеснение ими других этноконфессиональных групп, особенно христианских (а также евреев).

Для всего арабского мира характерен прирост населения – один из самых высоких на Земле, но он не одинаков в разных этноконфессиональных группах. Сегодня у христианских этноконфессиональных групп, а также друзов и ливанских суннитов, он ниже, чем у шиитов. Это существенно влияет на соотношение элементов внутри динамической системы этноконфессиональных групп арабского мира.

В новое время внутри него появились или, по крайней мере, зародились новые этноконфессиональные группы (например, протестантские, выделившиеся из восточнохристианских или сформировавшиеся в результате христианизации и последующей арабизации южных язычников; среди мусульман образовались или начали формироваться этноконфессиональные группы ансаров Судана, сенуситов Ливии, причем в Чаде представлены обе эти группы). Ускорилось оседание на землю и в города

бедуинов, арабизация мусульман-неаравов (берберов в странах Магриба, нубийцев, кордофанцев и множества малых этнических групп западноафриканского происхождения в Судане и пр.). Начали складываться арабские нации. Наиболее далеко этот процесс продвинулся в Египте, Тунисе, Палестине, но происходит и во всех остальных арабских странах.

Исламская цивилизация проходит испытание развитием капиталистических отношений и информационных потоков, рынком и Интернетом. Она, как и другие цивилизации, легче усваивает технические идеи, чем мировоззрение. Вместе с тем внутри нее формируются сферы и элементы синтезированного типа, переходные и промежуточные между нею и западной цивилизацией. Таких элементов много во всех сферах, связанных с современной официальной и экономической жизнью, туризмом и пр.

Глобальное доминирование западной цивилизации привело к появлению ее колониальных и левантийских вариантов. Наивысшего развития они достигли в период до и во время Второй мировой войны, а затем начали разрушаться вместе с деградацией и массовым исходом в Европу тех этнокультурных групп, которые были причастны к колониальным и левантийским культурам. В настоящее время эти культуры все больше уходят в прошлое, частью растворяясь в синтезированных элементах западно-восточного типа в указанных выше сферах. В арабском мире культуры колониального и левантийского типа не породили ничего сколько-нибудь приближающегося по своему историческому значению к англо-индийской культуре конца XIX-XX вв. Сходные явления наблюдались и в Тропической Африке и в Средней Азии, в Индонезии, и в странах Индокитайского полуострова. Этому есть историческое объяснение. На стадии перехода от большой феодальной формации к капиталистической появляется ряд не только переходных, но и промежуточных явлений. Общеисторический процесс создает возможность их появления, но их конкретные формы являются плодами синтеза цивилизаций, одной из которых всегда является новая западная цивилизация.

Вместе с тем исламская цивилизация проявляет замечательную жизнеспособность, не дает себя разрушить или низвести до уровня субстрата. Это происходит во всех сферах цивилизации. Иной оказалась судьба восточнохристианских цивилизаций арабского мира. В течение целого тысячелетия они находились в разнообразных взаимодействиях с более молодой исламской цивилизацией: служили ей субстратом, вступали с ней в ассоциацию как элементы системы, центром которой являлась исламская цивилизация, ассимилировались и, наконец, поглощались ею. Сейчас восточно-христианские цивилизации в арабском мире существуют в виде исторических памятников и реликтов, каковыми является большинство дешних христианских этноконфессиональных групп.

Поэтому в системе цивилизаций арабского мира борьбу за доминирование и выживание ведут две цивилизации: исламская и западная, а прочие (реликты восточнохристианских и др.) самостоятельной роли не играют. Зато появились новые большие группы носителей других цивилизаций или

других ветвей исламской цивилизации: работающие по найму иностранцы в странах Аравийского полуострова, Ливии и некоторых других арабских странах. Если к этому добавить многомиллионную массу туристов (в том числе российских), особенно в Тунисе, Египте, Ливане, Сирии, ОАЭ и ряде других стран, то можно говорить о массовом присутствии людей существенно иного культурного облика в современном арабском мире. Вместе с тем подавляющее большинство этих иностранцев живет изолированно от арабов и встречается с ними преимущественно в деловой сфере или при покупках потребительских товаров, обслуживании и т.п.

В Эфиопии и Эритрее сложилась общая для них система цивилизаций, в которой центральное место традиционно занимает восточнохристианская цивилизация – аксумская. Она быстро обогащается за счет заимствования от западной цивилизации не только технических, но и мировоззренческих идей. Важное место к системе принадлежит исламской цивилизации (около половины населения как Эфиопии, так и Эритреи – мусульмане). Исламская цивилизация в этих двух странах, со всех сторон, кроме юго-западной, окруженных странами ислама, представлена несколькими ветвями, главным образом «эндемичной» эфиопской. Для нее характерен суннизм ханафитского мазхаба, специфический эфиопский народный ислам с местными древними исламизированными культами, тысячелетнее взаимодействие с аксумской цивилизацией.

Кроме того, представлена суданская ветвь (маликитский мазхаб, иной народный ислам, духовные ордены Восточного Судана, особенно хатмийя, или мирганийя, и другие ордены суданского пояса), сомалийская (шафиитский мазхаб, сомалийский народный ислам) и др. Аксумская и исламская цивилизации продолжают распространяться на периферии Эфиопии и Эритреи, где сохранились этнические культуры и осколки протоцивилизаций XIV-XIX вв. Вместе с тем усиливается влияние западной цивилизации на систему в целом.

В Северной Евразии система цивилизаций начала складываться еще в период Хазарского каганата и вторично сложилась в Улусе Джучи (Золотая, Белая и Синяя Орды), где центральное место постепенно заняла исламская цивилизация, а именно ее тюркско-ханафитская ветвь. В то время (XIV-XV вв.) эта ветвь исламской цивилизации заняла огромное пространство Северной Евразии от Среднего Поволжья с г. Касимовым до р. Тобол в Западной Сибири, она включала в себя большую часть Центральной и Малой Азии, степи Северного Причерноморья от устьев Дуная и Днестра до бассейна Дона, Предкавказье, а также Крым, где еще оставались очаги византийской и западной цивилизаций (до 1475 г.). На Северном Кавказе как элемент золотоордынской системы цивилизаций сохранялась северокавказская цивилизация восточнохристианского типа, на севере Евразии – цивилизации пермских и сибирско-угорских народов, христианизировавшихся в конце золотоордынского и в московский периоды.

Внутри этой системы северо-восточная ветвь европейской цивилизации Киевско-Новгородской Руси превратилась в особую великорусскую

цивилизацию; христианизация селян («крестьян») славянского и финно-угорского происхождения и строительство церквей и монастырей превратило Владимиро-Московскую митрополию и Великое княжество Владимирское, затем Московское – в Святую Русь.

Золотоордынская система цивилизации имела четыре основных центра: 1) в Поволжье, где от Казани до Астрахани протянулась сплошная цепь тюркско-мусульманских городов, 2) в Хорезме, 3) в низовьях Сыр-Дарьи и 4) в Крыму. Эти четыре центра были связаны цепью городов вдоль северного отрезка Великого шелкового пути. Смертельный удар золотоордынской системе нанес Тимур, уничтоживший города вдоль шелкового пути и вдоль Волги.

В XV в. золотоордынская система цивилизации дезинтегрировалась, но уже в XVI в. сформировалась новая система, внутри которой центральное место заняла великорусская цивилизация, а тюркско-ханафитская – подчиненное.

Речь идет только о северном, татарско-башкирском отростке этой ветви, тогда как турецкий и среднеазиатский отростки сохраняли независимость от российской системы цивилизаций. В XIX в. в эту систему была включена еще одна ветвь исламской цивилизации – кавказская. Она развивалась в течение более чем тысячелетия на основе прививки шафиитского суннизма и суфизма к древней восточно-христианской цивилизации Северного Кавказа и Дагестана. Здесь сформировались очень своеобразные народное христианство и народный ислам. У осетин, адыго-абхазских и вайнахских народов эти две религии переплетались, сосуществовали и распространялись параллельно, хотя и отдельными волнами, на протяжении многих веков (христианство с V-VIII вв., ислам – в VII-VIII вв.). На адыго-абхазском северо-западе Кавказа и в прикавказских степях с кавказской ветвью соперничала тюркско-ханафитская ветвь исламской цивилизации, причем у кумыков, карачаевцев, балкарцев эти влияния длительное время переплетались, а у северокавказских ногайцев и ставропольских туркмен этот процесс наблюдается в последние десятилетия. В XVI-XVIII вв. распространителями тюркско-ханафитского влияния были Крымское ханство и Османская Империя, в более ранний период – хорезмийско-мавераннахрский и волжский (булгарский и нижеволжский) очаги тюркско-ханафитской городской культуры.

Начиная с царствования Петра I, российская система цивилизаций усложняется, в нее включается периферия ламаистской цивилизации (культуры калмыков, бурят и некоторых других монгольских народов), часть культур Восточной Европы от Финляндии до Молдовы, причем в трансформированной системе центральное место заняла новая западная цивилизация; великорусская цивилизация низводилась на роль «простонародного» субстрата. Между отдельными цивилизациями и этническими культурами – элементами системы – происходило сближение под прямым давлением государственной власти. Главным направлением процесса была европеизация русских и мусульман.

Советская власть пыталась сконструировать новую цивилизацию, а для этого разрушить все существующие. Больше удалась последняя, разрушительная, часть этой задачи, но с распадом коммунистической системы европейская, исламская и некоторые восточнохристианские цивилизации (армянская, грузинская) начали возрождаться. Возрождение же великорусской цивилизации весьма проблематично. В системе цивилизаций России центральное место снова занимает западная цивилизация, преимущественно ее американская ветвь, а великорусская выступает как субстрат. В аналогичном положении оказалась и восточнохристианская цивилизация осетин, а также северокавказских армян.

В последние десятилетия появилась этноконфессиональная группа русскоязычных мусульман, численностью в несколько миллионов человек. Лишь несколько тысяч из них – принявшие ислам русские, подавляющее большинство – перешедшие на русский язык в семейном быту и массовых коммуникациях выходцы из традиционно мусульманских этносов. По своей цивилизационной принадлежности они мало отличаются от своих русских соотечественников, но исповедуют ислам, проявляют интерес к исламской цивилизации и истории своих предков. В этой среде несколько более высокая рождаемость, чем среди этнических русских и крупнейшего национального меньшинства РФ украинцев, но главным источником пополнения численно быстро растущей этноконфессиональной группы русскоязычных мусульман является ассимиляция городского мусульманского населения России. Заметную часть его составляют выходцы из ближнего зарубежья (около 3 млн. азербайджанцев, сотни тысяч таджиков, казахов и др.) и несколько миллионов выходцев из дальнего зарубежья (курдов, афганцев пуштунов и таджиков и пр.).

Уже началась предсказанная нами еще в 60-х годах массовая иммиграция в Россию из стран Азии и Африки. При вымирании русского народа иммигранты укоренятся, частично ассимилируются, образуют общины. Система цивилизаций России снова усложняется за счет азиатских компонентов, ее евразийский характер приобретает новые черты и нюансы.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРОЦЕССА УРБАНИЗАЦИИ В АРЕ

Египет – один из первых очагов цивилизации на Земле – имеет давнюю городскую традицию, которая в отличие от Европы практически не прерывалась на протяжении ряда тысячелетий. Исторические особенности городского роста проявляются и ныне и зачастую служат предпосылками сегодняшних противоречий городской жизни в АРЕ. В этом смысле весьма актуальным становится комплексное изучение исторических и современных аспектов «городской проблемы», позволяющее составить относительно полное представление о феномене урбанизации в крупнейшей стране Арабского Востока.

На ранних этапах эволюции человеческого общества в условиях относительно невысокого уровня развития производительных сил зависимость человека от природы была весьма значительной. Во многом перспективы развития общества в рабовладельческую и феодальную эпохи детерминировались природным фактором, в первую очередь, плодородием земель. В Египте уникальные естественные возможности, вызвавшиеся в ежегодном увлажнении и удобрении почв водами Нила, дополнились созданной человеческим трудом гигантской ирригационной системой. Природный и человеческий факторы, действующие в совокупности, дали жизнь интенсивному (для той эпохи) сельскому хозяйству, позволявшему получать значительный выход прибавочного продукта, что открывало перспективу быстрого роста городского населения, повышения его удельного веса.

Египетское рабовладельческое и феодальное общество было не аграрным, а аграрно-урбанистическим: доля городских жителей во всем населении страны достигала в греко-римском Египте, а также в Египте VII-XIV вв. по меньшей мере 20-30%. Весьма примечательно, что в Европе того же периода аналогичные показатели не превышали 2-5%.

Важнейшей особенностью урбанизационного процесса в Египте было возникновение уже на ранних этапах развития египетского общества одного-двух многофункциональных городских центров, концентрирующих не менее 50% горожан и создававших собственную сложную систему разделения труда.

Значительный прибавочный продукт, получаемый в сельском хозяйстве Египта в самых разнообразных формах, служил объективной основой расширения масштабов потребления, а также его дифференциации, что, в

свою очередь, создавало условия для возникновения различных видов несельскохозяйственной деятельности, концентрируемой в городах. Уже в рабовладельческую и феодальную эпохи египетские города превращаются в крупнейшие центры ремесла и торговли, науки и искусства и одновременно выполняют политико-административные функции, выступая мостами сосредоточения представителей господствующего класса, армии и бюрократии.

Необходимость постоянного контроля за ирригационной системой в Египте объективно привела к усилению вмешательства государства в хозяйственную жизнь, что сопровождалось разрастанием чиновничьей прослойки в социальной структуре египетского общества. Вместе с тем немалый прибавочный продукт, создаваемый в сельском хозяйстве, и налаженная система его изъятия и перераспределения способствовали небывалому разбуханию бюрократии, усилению ее паразитического начала.

Растущий разрыв в уровнях жизни богатых и неимущих, наиболее ярко проявляющийся в городах, вынуждал правящие классы как греко-римского периода, так и средневекового Египта прибегать к такому средству поддержания политической стабильности, как бесплатные выдачи горожанам продуктов питания и других жизненно важных предметов (одежды, обуви и т.п.), что явилось, на наш взгляд, прообразом современных государственных субсидий, способствующих сохранению сравнительно низких цен на товары первой необходимости в городах.

Система орошаемого земледелия Египта создавала возможности едва ли не круглогодичной сельскохозяйственной занятости деревенского населения. И в этих условиях домашние сельские промыслы не получили широкого развития в рабовладельческом и феодальном Египте, и места концентрации большинства видов несельскохозяйственной деятельности стали города. При этом высокая степень товаризации сельского хозяйства, достигнутая уже на начальных этапах развития египетского общества, обусловила приоритет денежных связей между городом и деревней по отношению к натуральным. Все это привело к рано сложившейся экономической противоположности между городом и деревней в Египте, которая усиливалась социальным разрывом между ними: подавляющее большинство представителей господствующего класса, в том числе и землевладельцев, проживало в городах. Дополнительной причиной глубокого отчуждения городского и сельского населения была их культурная, этническая, лингвистическая неоднородность, их происхождение из разных мест (в греко-римскую эпоху в городах значительную прослойку составляли европейцы, в средние века – арабы).

Рано сложившаяся поляризация египетского общества по линии город-деревня, низкий социальный статус сельского населения затрудняли и ограничивали миграцию сельских жителей в города. По нашему мнению, в греко-римском и средневековом Египте как сельское, так и городское население воспроизводилось в основном за счет естественного прироста, т.е. преимущественно на своей собственной основе.

Тесная зависимость процесса урбанизации в Египте в рабовладельческую и феодальную эпохи от относительно высокого (для той эпохи) уровня развития производительных сил в сельском хозяйстве предопределила такой механизм городского роста, при котором доля горожан во всем населении страны существенно не изменялась, а лишь подвергалась определенным колебаниям, детерминированным социально экономической и политической ситуацией в Египте. Так, в период хозяйственного подъема, при Птолемеях и в XI-XIV вв. удельный вес городского населения страны достигал примерно 30%. В свою очередь, во времена глубокого экономического упадка, следовавшие вслед за завоеванием Египта турками-османами, когда его население с XVI по XVIII вв. сократилось в 3-4 раза, доля городских жителей не падала ниже 15-18%.

Впервые социально-экономические структуры египетского общества подверглись определенной трансформации при Мухаммаде Али, установившем государственный контроль над ремесленно-мануфактурным производством и приложившем немало усилий для его развития. Вместе с тем вызревание элементов капиталистических производственных отношений на базе внутренней эволюции египетского общества было нарушено колониальной политикой Великобритании, которая затормозила развитие местной промышленности как главной предпосылки городского роста на новом этапе исторического развития и переориентировала сельское хозяйство Египта на монокультуру хлопка.

Сложившаяся под решающим воздействием внешнеэкономического фактора – спроса на хлопок на мировом рынке – хозяйственная структура обнаружила свою особую уязвимость после того, как экстенсивные факторы развития земледелия себя исчерпали, и начал действовать механизм аграрного перенаселения (начало XX в.), явившегося в буквальном смысле причиной «выталкивания» массы разорившихся крестьян из деревни в город. В результате действия факторов «выталкивания» изменился и сам механизм урбанизации: рост городов в значительной степени стал осуществляться путем миграции сельских жителей в города, которая с 1907 по 1947 гг. обеспечивала более половины прироста городского населения Египта.

В условиях колониальной и полуколониальной зависимости перелив рабочей силы из сельской местности в города не сопровождался быстрым ростом занятости в отраслях материального производства. Вместе с тем ориентация египетской экономики на вывоз сырья и ввоз промышленных товаров способствовала быстрому развитию сферы обмена и распределения, усиливала концентрацию населения в двух крупнейших городах.

В последние десятилетия процесс урбанизации в Египте протекал под влиянием новых факторов и тенденций как внутреннего, так и внешнего порядка, что привело к существенным изменениям в самом механизме городского роста в крупнейшей стране Арабского Востока.

Египет, остававшийся на протяжении тысячелетий крестьянской страной с абсолютным преобладанием сельского населения, всего за 40

лет послевоенного развития стал, по существу, страной городской. По итогам последней переписи населения в 1996 г. удельный вес горожан Египта составил 44%, а с учетом 2 млн. жителей городов, которые покинули Египет и нашли приложение своему труду в арабских нефтедобывающих и некоторых западных государствах, 50%.

Растущее влияние процесса урбанизации на всю социально-экономическую жизнь страны обусловлено не только и даже не столько абсолютным ростом численности городского населения, сколько той огромной ролью, которую играют города в складывании качественно новой структуры занятости, в преобразовании всей системы материальных и духовных запросов жителей Египта.

В ходе урбанизации за два-три десятилетия Египет из аграрно-крестьянской страны превратился в страну с абсолютным преобладанием несельскохозяйственной занятости: в 1998 г. удельный вес лиц, трудовая деятельность которых связана преимущественно с сельским хозяйством, не превышал 29%. К середине 90-х годов около 48% сельского населения Египта в качестве основного вида занятий называли торговлю, ремесло, оказание различной рода услуг и другие виды «городского» труда – явление, в полной мере отражающее процесс воздействия городов на формирование несельскохозяйственной структуры занятости в сельской местности.

Урбанизация значительно расширила рамки наемного труда (в 1995 г. свыше 60% всех занятых в народном хозяйстве составляли лица, работающие по найму).

Велика прогрессивная роль города и в складывании нового типа потребления, для которого характерна ломка старых потребительских привычек и возникновение потребностей более высокого порядка.

Города значительно расширили количественные масштабы потребления (по нашим подсчетам, в 90-е годы удельный вес городских жителей Египта не превышал 44-46%, а доля горожан во всем потребительском фонде страны составляла 70%), а также внесли весомый вклад в структурную перестройку системы потребностей в сторону сокращения расходов на питание, товары первой необходимости и расширения затрат на предметы длительного пользования, на образование, здравоохранение и культурный отдых, что, в конечном счете, отражало прогрессивные сдвиги в развитии «человеческого фактора» Египта.

В послевоенный период коренным образом изменились и предпосылки урбанизационного процесса: быстрый рост городского населения стал в значительной степени определяться не только действием фактора «выталкивания» из деревни, но также и новыми причинами – ускоренной индустриализацией, воздействием так называемого «демонстрационного эффекта» и демографическим взрывом.

После победы национально-освободительной революции 1952 г. Египет встал на путь последовательного развития национальной индустрии. Быстроразвивающаяся городская промышленность предъявляла повышенный спрос на рабочие руки и тем самым стимулировала приток

населения в города. Весьма характерно, что уровень безработицы в этот период не превышал 2,2%.

Вместе с тем было бы неверным проводить прямую связь между развитием крупной промышленности и городским ростом в Египте. Расчет коэффициентов корреляционной зависимости по группам таких показателей, как удельный вес городского населения египетских губернаторств, а также доля занятых в сельском хозяйстве, промышленности, строительстве и в сфере обслуживания показал, что процесс урбанизации в Египте наиболее тесно связан не с расширением занятости на предприятиях ценовой промышленности (коэффициент корреляции не превышает 0,334), а с увеличением всей несельскохозяйственной занятости (коэффициент корреляции равен 0,652). Дело, очевидно, в том, что современная промышленность, развивающаяся в условиях НТР, объективно ограничивает масштабы применения труда на высокомеханизированных предприятиях. В то же время современная индустрия опосредованно порождает рост занятости в других отраслях и секторах народного хозяйства – в мелком производстве, экономической и социальной инфраструктуре, отдельных секторах сферы обслуживания – и тем самым вносит немалый вклад в прогрессивное перераспределение трудовых ресурсов между сельским хозяйством и другими отраслями экономики.

Важнейшим социально экономическим фактором сельско-городских передвижений населения выступало формирование качественно новой системы материальных и духовных запросов жителей Египта. Ломка старых потребительских привычек, усилившаяся в годы «инфитаха», пропаганда городского образа жизни средствами массовой информации, возникновение новых потребностей у египетских эмигрантов, носителями и распространителями которых они являлись по возвращении на родину, – все это срывало с места огромные массы людей и бросало их в водоворот городской жизни.

Другой важный стимулятор городского роста в Египте, получивший название «демографического взрыва», оказал двоякое влияние на процесс урбанизации в этой стране. С одной стороны, он привел к расширению масштабов урбанизации на основе широкого естественного прироста горожан, а с другой, – увеличил отток из деревни в город сельского населения, которое в условиях быстро растущей его численности при крайней ограниченности земельного фонда в АРЕ оказывалось «избыточным».

В 70-80-е годы влияние демографического фактора на процесс урбанизации в Египте все более стало приобретать негативную окраску. Быстрый рост численности населения АРЕ требовал адекватного увеличения производства продовольствия и сырья. Между тем среднегодовые темпы прироста сельскохозяйственной продукции сократились с 2,5-3% в 60-70-х годах до 1,5-2% в 70-85-х гг. Так как аграрный сектор все в меньшей степени обеспечивал потребности населения в продуктах питания, а промышленности в сырье, источниками средств для оплаты возрастающего

импорта этих товаров стали доходы от экспорта нефти, эксплуатации Суэцкого канала, а также денежные переводы на родину египтян-эмигрантов. Эти поступления имели ненадежный характер в силу их тесной зависимости от конъюнктуры мирового рынка. Особая уязвимость подобной экономической структуры обнаружилась к середине 80-х годов после резкого понижения цен на нефть, сопровождавшегося уменьшением доходов от ее экспорта, а также сокращением денежных переводов на родину египетских эмигрантов, сосредоточенных главным образом в странах – крупных экспортерах нефти. В этих условиях египетское правительство, ограниченное в средствах, вынуждено было под давлением МВФ начать политику постепенной отмены субсидий на ряд товаров первой необходимости, что, как показывает опыт городских выступлений 1977 и 1985 гг., приводило к усилению социальной напряженности в египетских городах и обострению политической ситуации в стране.

Однако и в 70-80-е годы миграции сельских жителей в города определялись не только факторами притяжения (индустриализация, расширение сферы обслуживания, возможность удовлетворения в городах качественно новых потребностей, желание мигрантов получить выше оплачиваемую работу в странах – крупных экспортерах нефти), но также и возрастающим воздействием факторов выталкивания из деревни. Это было связано как с усилением земельного голода в условиях сокращения темпов прироста обрабатываемых площадей, так и с сохранением низких закупочных цен на «обязательные культуры», резким сокращением капиталовложений в земледелие и, наконец, с воздействием политики «инфитов», а точнее, ускорившегося развития капитализма «сверху» и «снизу», на процесс расслоения крестьянства. О масштабах капиталистической дифференциации населения деревни свидетельствуют данные об изменении структуры землевладения. Если в 1974 г. на долю хозяйств с участками менее 5 федд. (95% общего числа хозяйств) приходилось около 65% всей земли, то к началу 90-х годов – всего 41% земельных угодий, в то время как аналогичные показатели по крупным хозяйствам с участками более 10 федд. (3% общего числа хозяйств) составили 18 и 47% соответственно.

Наличие двух разнородных типов причин перемещения сельских жителей в города (выталкивание деревней и притяжение городом) обусловили два вида миграции трудовых ресурсов. К первому относится переселение представителей обездоленных слоев деревенского населения, которые направляются в города в поисках работы, ко второму виду принадлежит миграция лиц с более высоким экономическим и социальным статусом.

В целом вклад миграции в прирост городского населения в 70-е – начале 80-х годов достигал, по нашим подсчетам, 33%, что было несколько ниже аналогичного показателя по другим развивающимся странам (40-45%). Это было связано, во-первых, с высоким естественным приростом городского населения, который в Египте практически не отличался от деревенского уровня, и, во-вторых, с оттоком значительной части египетской рабочей силы из сельской местности и городов в другие страны.

Для Египта были характерны как прямые (деревня – крупный город), так и ступенчатые (деревня – провинциальный город – столичный центр) сельско-городские миграции. Вместе с тем вследствие компактности обжитой территории страны, а также относительно развитой транспортной системы преобладали прямые миграции. При этом в структуре указанных миграционных потоков особую роль играли два крупнейших египетских города – Каир и Александрия, – притягивавшие более 90% мигрантов.

Рассматривая социально экономические последствия миграции, следует подчеркнуть, что значительная часть мигрантов сравнительно быстро находила себе работу. В этой связи характерно, что уровень безработицы среди коренных жителей Каира оказался в два раза выше, чем среди лиц, прибывших туда из деревни или других городов. При этом большинство мигрантов улучшало свое материальное положение (средние доходы мигранта до и после миграции соотносились как 1:2), повышало свой профессиональный статус. Вместе с тем определенная часть мигрантов находила приложение своему труду в неформальном секторе экономики, концентрировавшем в Египте около 25% городской занятости, или вообще оставалось без постоянной работы, пополняя ряды маргиналов. На наш взгляд, неправомерны как утверждения о безусловно положительном характере миграции, так и заявления о том, что в ходе миграции происходило простое перемещение безработицы и неполной занятости из сельской местности в города, порождая феномен «сверхурбанизации». В конкретных условиях Египта 60-90-х годов XX века процесс миграции из деревни в город имел неоднозначные последствия для различных категорий мигрантов, которые, однако, в большинстве случаев улучшали свое социально-экономическое положение.

Урбанизация в Арабской Республике Египет, отражающая качественные изменения в социально-экономической и общественно-политической жизни страны, фокусирует одновременно все сложности и противоречия капиталистического развития египетского общества, его неравномерность.

Одним из проявлений этой неравномерности в ее территориально-пространственном аспекте стал усилившийся в 70-90-е годы разрыв между городом и деревней по целому ряду социально-экономических показателей: производительности труда, доходам, социально-бытовым условиям проживания, медицинскому обслуживанию, образовательному уровню населения, способам проведения досуга. При этом постепенно изменялись также структура и характер материально-вещественных потоков между городом и деревней. Разумеется, город по-прежнему был заинтересован в поступлении из деревни продовольствия и традиционных видов сырья для текстильной и пищевой промышленности. Однако в силу отмеченных ранее факторов возрастающую роль в продовольственных и, отчасти, сырьевых поставках стал играть импорт из других стран. Иными словами, традиционная связь между городом и деревней все в большей степени переносилась из внутренней во внешнюю сферу и выступала как связь египетских городов, с одной стороны, и «деревней», а точнее, сель-

ским хозяйством развитых капиталистических стран, – с другой. К тому же появление новых отраслей промышленности (металлургии, машиностроения, химического производства) означало усиление их зависимости от поступления минерального, а не сельскохозяйственного сырья, а также комплектующих изделий и других промежуточных товаров, производимых в самом Египте или за его пределами. Все это означало, что роль сельского хозяйства в его прямых связях с национальной промышленностью объективно относительно уменьшалась.

Одновременно по мере расширения воздействия «зеленой революции», процессов механизации и химизации сельского хозяйства последнее оказывалось в своих связях все более зависимым от национальной промышленности, а также от многих поставок из-за рубежа. Такой «асимметричный» тип зависимости усиливал экономическое размежевание города и деревни, что, в конечном счете, вело к усилению различий в интересах многих слоев сельских и городских жителей АРЕ.

В ходе урбанизации усиливались социальные контрасты и в самих египетских городах. При общем более высоком по сравнению с сельской местностью уровне жизни горожан неравномерность в распределении доходов между ними значительно увеличилась. По нашим подсчетам, коэффициент концентрации Лоренца, характеризующий эту неравномерность, в 90-е годы в городах составлял 0,52, а в деревнях – 0,43 единицы. Следовательно, именно в городах концентрация богатства на одном полюсе египетского общества и нищета – на другом выражена наиболее ярко.

Процесс урбанизации в Египте сопровождался ростом безработицы и неполной занятости в городах: к 1995 г., только по официальным данным, число египтян, лишенных работы, достигало 1877 тыс. человек (11% самодостаточного населения), причем большинство их было сосредоточено в городах.

Расширение масштабов потребления, повышение его качества в ходе урбанизации – процессы, безусловно, прогрессивные. Вместе с тем в результате воздействия «демонстрационного эффекта», затрагивающего в первую очередь городских жителей, в условиях социально-экономических трудностей, переживаемых страной, разрыв между все возрастающими потребностями и ограниченными возможностями национального производства увеличивался. Частично противоречие между производством и потреблением в Египте разрешалось путем импорта товаров и услуг. При этом на смену зависимости в основных и особенно промежуточных товарах, а также предметах длительного пользования, потребности в которых вследствие успехов политики индустриализации Египет уже сейчас удовлетворяет на 40-60% за счет местного производства, пришла новая, продовольственная, зависимость, затрагивающая самые основы процесса потребления египтян, что дает западным партнерам АРЕ мощные рычаги для оказания давления как на внутреннюю, так и на внешнюю политику крупнейшей страны арабского мира. В настоящее время Египет

покрывает за счет импорта более 50% спроса на продовольствие. Более 54% потребляемой в стране пшеницы импортируется из США, Австралии и Канады. Египет – одна из нескольких стран, где потребление пшеницы на душу населения – одно из самых высоких в мире и превышает 300 кг.

Одним из проявлений противоречивого характера урбанизационного процесса в Египте является также гипертрофированное развитие двух крупнейших городов – Каира и Александрии, концентрировавших к началу 90-х годов 70% городского населения страны, 73% промышленного потенциала, около 70% всех капиталовложений, свыше 65% городской занятости, 68% лиц с высшим образованием. Небывалая концентрация экономических и людских ресурсов на сравнительно небольшом территориальном пространстве до предела обостряет жилищную, транспортную, экологическую проблемы Каира и Александрии, превращает эти города в основные центры дестабилизации социально-политической ситуации в стране.

В 80-90-е годы в АРЕ в процессе урбанизации появились некоторые новые тенденции.

В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что по итогам переписи населения 1996 г. удельный вес горожан Египта не изменился и составил 44% всего населения, как и в 1986 г. Относительная стабилизация доли городского населения связана, по нашему мнению, со следующими факторами:

1. Выходом из фазы «демографического взрыва» городского населения, что выразилось в резком сокращении естественного прироста жителей городов с 26 промилле в 1986 г. до 16 промилле в 1996 г. за счет снижения рождаемости с 35 промилле до 23 промилле соответственно и относительной стабилизации смертности на уровне 8-9 промилле. При этом в сельской местности соответствующие показатели изменились не так существенно. В 1996 г. рождаемость в сельской местности составляла 32 промилле, а естественный прирост – 23 промилле, что вело в абсолютном выражении к более быстрому росту сельского населения по сравнению с городским. Сокращение рождаемости было связано как с воздействием социально-экономических факторов (вовлечением женщин в трудовую деятельность и образовательный процесс, количественным и качественным изменением материальных и духовных запросов в условиях рыночной экономики, сокращением государственных субсидий на продовольствие, медицинское обслуживание и школьное образование, социальной дифференциацией общества, ростом цен на квартиры и сворачиванием государственных программ строительства дешевого жилья), так и с широкой пропагандой и относительной дешевизной контрацептивов, которыми в 1995 году пользовались более 60% всех жительниц Каира и Александрии. (Аналогичный показатель по сельским районам Верхнего Египта не превышает 10-15%).

2. Изменением направленности миграционных потоков. Значительная часть египтян продолжает работать за рубежом (в 1996 г. число эмигрантов составляло 2,18 млн. человек). Кроме того, египетские власти под

руководством Х.Мубарака активно привлекают население страны к освоению новых земель на Синайском полуострове, в Западной Нуберии, в Северном Тахрире, в районе Нью Вэлли (от Асуана до впадины Каттара). Всего с 1986 по 1996 гг. было введено в оборот 1,4 млн. федд. (588 тыс. га), что позволило увеличить обрабатываемые площади на 17,4% и несколько ослабить традиционное для Египта высокое давление на землю, а значит, и смягчить воздействие фактора «выталкивания» из деревни в город. Однако в самое ближайшее время усилия правительства по смягчению земельного голода могут быть полностью сведены на нет. 2 октября 1997 г. в Египте вступил в силу закон, отменяющий ограничения на арендную плату за землю и снимающий запрет на владение определенным количеством федданов. По прогнозам египетских экономистов, арендная плата за 1 феддан (0,42 га), которая составляла до октября 1997 г. 600 фунтов, вырастет в 22 раза. По тем же оценкам, в течение ближайших двух лет более 2 млн. египетских крестьян и членов их семей окажутся согнанными с земли и пополнят ряды мигрантов. Иными словами, уже в ближайшее время следует ожидать резкого усиления миграционных потоков из деревни в город.

Если в 70-80-е годы для Египта был характерен преимущественный рост двух крупнейших городов – Каира и Александрии, то в 90-е годы в результате целенаправленной политики государства активно развивались и новые города – спутники. В 1986 году таких городов было 9, и в них проживало 200 тыс. человек. В 1996 г. их число достигло 19, а население – 620 тыс. человек. Создание таких городов в пустыне преследует сразу несколько целей:

1. расширение посевных площадей за счет освоения пустынных земель;
2. децентрализация промышленного производства;
3. решение жилищной проблемы для молодых семей, которые скорее поедут осваивать новые места.

Частный капитал активно привлекается в эти города путем предоставления экономических льгот. Начинающие здесь новое дело на 10 лет освобождаются от подоходного налога и таможенных пошлин.

Новые города активно развиваются и обладают современной промышленной и социальной инфраструктурой. Их развитие является, на наш взгляд, одним из наиболее перспективных направлений на пути решения проблем, связанных с урбанизацией.

Важным направлением политики государства в области смягчения наиболее острых «городских» проблем выступает поддержка мелкого и среднего бизнеса, способного в силу своей гибкости и мобильности существенно расширить сферу занятости населения и тем самым ослабить социальную напряженность египетского общества, поскольку государственный сектор уже не в состоянии абсорбировать приток новой рабочей силы и к тому же является крайне неэффективным (по подсчетам египетских экономистов, в среднем египетский чиновник эффективно работает 27 минут в день). С 1991 по 1996 гг. в египетских городах на малых и

средних предприятиях было создано более 700 тыс. рабочих мест. В марте 1996 г. правительство решило предоставить населению льготные кредиты на сумму от 12 до 35 тыс. египетских фунтов (1 ег. Фунт = 0,3 \$). На эти деньги в основном открывались небольшие магазинчики, кафе и киоски на семейной основе. Правительство надеется, что именно малое предпринимательство внесет существенный вклад в формирование городской экономики рыночного типа и заменит собой так называемый «неформальный сектор».

В целом процесс урбанизации в Египте привел к глубоким сдвигам в жизни миллионов людей, которые на протяжении 20-30 лет сменили профессию, место и тип поселения, характер труда, общественно-бытовую среду обитания, социально-классовую принадлежность, многие материальные и духовные запросы. Возникающее в ходе этих изменений противоречие между новыми условиями жизни горожан и традиционным характером их представлений и привычек, сложившихся на протяжении многих веков, неизбежно ведет к росту социально-политической напряженности в египетских городах, массовым выступлениям представителей самых различных классов и социальных групп городского общества.

История постколониального общества на Ближнем Востоке, в частности в Египте, за прошедшие три десятилетия ярко демонстрирует трудности примирения арабско-мусульманского характера общества с нуждами экономического развития. В условиях смены социально-экономических тенденций городской средний класс столкнулся с противоречивыми требованиями. С одной стороны, для успешного развития нужна была ускоренная интеграция в мировое хозяйство и западную систему культурных ценностей. С другой, – зависимость Египта от его западных партнеров, социальные последствия реализации программы МВФ способствовали углублению пропасти между богатыми и бедными, при этом концентрация богатства на одном полюсе египетского общества и нищеты – на другом наиболее ярко была выражена в городах. В 70-90 гг. ислам использовался городским средним классом Египта для сопротивления политике открытых дверей во имя культурной автономии и национализма. Однако замедление темпа экономических реформ помешало бы решению проблемы слабозанятости.

Система открытых дверей отчетливо высветила расходящиеся интересы двух частей городского среднего класса АРЕ – либеральной и консервативной – в обществе, где они живут. К первой относятся обученные за границей и нанятые на работу филиалами международных компаний представители городского среднего класса, те, кто занимает ведущие посты в госаппарате, а также высококвалифицированные специалисты, эмигрировавшие в страны Персидского Залива и Европы. Они хранят верность западному стилю и образу жизни. Ко вторым относятся те работники госсектора, которые в результате застоя последнего и уменьшения доходов вынуждены были понизить свой социальный статус и испытать на себе экономические и социальные невзгоды.

Обращение части населения к религиозным и национальным лозунгам неизбежно в обществе социальных потрясений. Уход многих египетских горожан – специалистов разных профессий, мужчин и женщин – в исламские ассоциации (аль-джамаат аль-исламия) укрепляет консервативное крыло в среднем классе. Члены этих групп разочаровались в обществе, свободном от влияния религии, они не приемлют как насеровскую социалистическую модель, так и варианты политики «открытых дверей» А.Садата и Х.Мубарака. Они – сторонники такой социальной организации, где повседневной жизнью правит шариат, и где открытая западная система несовместима с мусульманской природой общества.

Усиление противоречий урбанизационного процесса в Египте в 70-90-е годы, своеобразное переплетение традиционных и современных, внутренних и внешних факторов роста городов во многом обуславливают необходимость радикального преобразования многих составляющих социально-экономической и политической структуры Египта, а также его положения в системе мирохозяйственных связей. Решение острых проблем, связанных с ускоренной урбанизацией Египта и ее последствиями, возможно лишь на основе комплексного подхода, требующего изменения динамики, характера и направленности воспроизводственных процессов в рамках всего народного хозяйства.

**МАРОККАНСКАЯ МОНАРХИЯ
И ИСЛАМСКИЕ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ:
НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 90-Х ГОДОВ**

Мусульманские неправительственные организации впервые заявили о себе на политической арене Марокко в 70-х годах. Эти подпольные группировки изначально отмежевались от официальных духовных инстанций и встали на антиправительственные позиции. Вдохновленные успехом иранской революции 1979 г., они активно противостояли королевскому режиму, аккумулируя недовольство населения и призывая к установлению «исламской республики» в Марокко. Экстремистские методы борьбы, применявшиеся исламистами, вызывали крайне жесткую ответную реакцию марокканских правящих кругов. На протяжении 80-х годов спецслужбы и органы юстиции королевства неоднократно проводили аресты фундаменталистов, крупномасштабные судебные процессы над ними, закрывали их печатные издания. Одновременно государство усилило контроль за официальным религиозным комплексом, направляя свои усилия на монопольное распоряжение исламом как орудием проведения политики короля Хасана II.

90-е годы ознаменовались новыми тенденциями в отношениях власти и исламских неправительственных организаций. Здесь нужно выделить два момента. С одной стороны, изменилась сама палитра исламистских движений, а с другой, – власти, стремясь направить подъем исламизма в русло контролируемого развития, сделали ставку на дифференцированный подход к его представителям.

На протяжении последнего десятилетия в Марокко и за его пределами наиболее заметны три значительных исламистских движения, объединяющих марокканцев. Первое из них – сравнительно радикальная организация «Аль-Адль ва-ль-ихсан» («Справедливость и благодеяние»), напоминающая по своим программным установкам алжирский Исламский фронт спасения, либо египетский «Аль-Джихад». Второе – движение умеренного толка «Аль-Ислах ва-т-таухид» («Реформа и единобожие»), пропагандирующее реформаторский путь постепенной исламизации общества через образование, моральные и социальные акции с последующим созданием исламского государства. По своим позициям оно родственно египетским «Братьям-мусульманам»² или алжирскому движению «Ан-Нахда». Наконец, третья, только формирующаяся группировка действует за пределами Марокко – в странах Западной Европы. Она получила среди исследователей условное название «Вооруженная исламская группа – ма-

рокканская», чтобы не смешивать их с алжирскими «тезками». Это движение отличается предельной нетерпимостью к королевскому режиму.

Отношение марокканского государства к первой из этих группировок можно охарактеризовать как стабильное неприятие, не ведущее, однако, к массовым репрессиям. «Аль-Адль ва-ль-ихсан» была создана в 1980 г. Год спустя она подала прошение о регистрации в качестве политической партии, но ее запрос остался без ответа. С 1990 г. организация находится под формальным запретом, а ее лидер, 70-летний духовный отец марокканских исламистов Абд ас-Салам Ясин, без суда и следствия пребывает под домашним арестом в охраняемой резиденции в г. Сале - спутнике Рабата. Представители «Аль-Адль» неоднократно обращались к правительству с требованиями отменить режим домашнего ареста для Абд ас-Салама Ясина, разрешить публикацию периодических изданий организации, ослабить контроль за мечетями, освободить 30 находящихся в заключении ее активистов³. В целом, как явствует из заявлений лидеров этой полуподпольной организации, «Аль-Адль» выступает за радикальные изменения в стране, но без применения насилия⁴. Подвергая резкой критике марокканский парламент и правительство за неэффективность, лидеры «Аль-Адль» планируют расширение своей базы во всех слоях общества, осуществление социального давления на двор и достижение права на легальное существование. До сих пор они отвергают возможность включения «Аль-Адль» в политическую жизнь страны в рамках какой-либо из легально действующих партий. Такая позиция отражает неверие руководства движения в парламентские методы политической борьбы.

Допуская насилие как «законную оборону» в ответ на насилие со стороны государства, руководство «Аль-Адль» убеждено, что западная демократия – продукт исторического процесса, чуждого мусульманскому обществу. Оно пропагандирует «третий путь, который близок к исламу и недалек от принципов, которые защищает демократия»⁵. Лишь в последние месяцы наблюдается некоторое «потепление» в отношениях между властями и «Аль-Адль». Это выразилось в восстановлении на работе представителей руководства движения, уволенных из государственных учреждений в 1989 г., а также в разрешении экспонировать публицистические работы Абд ас-Салама Ясина на 7-м международном книжном салоне, прошедшем в Касабланке в ноябре 1998 г.

Намного более конструктивно развиваются отношения официального Рабата с умеренным крылом исламистских движений. Государство терпимо отнеслось к выделившемуся из «Аль-Адль» в начале 90-х годов движению «Аль-Ислах ва-т-таухид» («Реформа и единобожие») во главе с Абд аль-Илахом Бенкираном и Ахмадом Райсуни. Хотя это движение не было зарегистрировано официально⁶, власти не препятствовали его просветительской и издательской деятельности. Более того, государство позволило Бенкирану и его единомышленникам участвовать в политической жизни страны под прикрытием легальной светской партии. Поначалу умеренные исламисты поддерживали тесные контакты со старейшей в Марокко наци-

оналистической партией Истикляль⁷, но в 1996 г. они объединили свои усилия с малочисленной светской партией Народное демократическое и конституционное движение (НДКД) на основе принципов «священных ценностей ислама», уважения конституционной монархии и осуждения насилия⁸. На выборах в местные органы власти летом 1997 г. исламисты из «Аль-Ислах» вышли в качестве независимых беспартийных кандидатов и победили в целом ряде округов, превзойдя по числу мест даже некоторые легальные партии.

Фактическая (но не юридическая) легализация умеренных исламистов на политической арене Марокко произошла 14 ноября 1997 г., когда они впервые в истории страны были допущены к выборам в Палату представителей (нижняя палата парламента по конституции 1996 г.) в составе партийных списков НДКД. Вместе они выставили 142 кандидата, среди которых было до 50 исламистов. Им удалось завоевать 9 депутатских мандатов в 325-местной палате и тем самым продемонстрировать респектабельность своих позиций⁹. В ряде округов их кандидаты оказались на вторых и третьих местах – впереди представителей традиционных партий-«старожилов» марокканской политической арены. Хотя умеренным исламистам не удалось получить 12 депутатских мандатов (что позволило бы им сформировать депутатскую группу), они смогли «продемонстрировать флаг»¹⁰ и укрепить свои позиции в обществе. С этого момента «Аль-Ислах» активно использует парламентскую трибуну для открытой пропаганды своих идеалов.

Примечательно, что всегда чуткие к исламистским инициативам власти никак не отреагировали на «пробный шар» – решение исламистов впервые в истории Марокко баллотироваться на выборах. Молчание официального Рабата оттенил сам Абд аль-Илах Бенкиран, неизменно подчеркивавший лояльность своих сторонников правящему режиму и признание существующих в конце XX века реалий¹¹. Более того, заочно полемизируя с радикальными единомышленниками из «Аль-Адль», Бенкиран подверг критике Абд ас-Салама Ясина за «самоизоляцию в собственных убеждениях» и за протестный характер его движения¹². Делая ставку на создание для своего движения имиджа центристской политической силы, он подверг ревизии учение основателя организации «Братья-мусульмане» Хасана аль-Банни об исламском государстве. В первой половине 1998 г. движение «Аль-Ислах» отчетливо продемонстрировало намерение строить отношения с властями на бесконфликтной основе, ведя дело к своей легализации и завоеванию новых позиций в обществе. Исламисты отвергли возможность своего участия в правительстве Абд ар-Рахмана Юсуфи, сформированном левой оппозицией и центристскими партиями, однако в парламенте неизменно выдвигали умеренные и реалистические требования. По заявлению одного из лидеров «Аль-Ислах» Мустафы Рамида, движение осталось в рядах «конструктивной оппозиции» правительству и «поддержит все его действия, которые пойдут на благо страны и будут позитивными с точки зрения ислама»¹³. Демонстративный отказ движения

«Аль-Ислах» от планов создания новой исламистской партии был с лихвой компенсирован 3-4 октября 1998 г. на съезде НДКД, который переименовал движение в Партию справедливости и развития (ПСР). Коммюнике съезда фактически провозгласило переход НДКД от роли союзника исламистов к функциям легальной происламистской партии¹⁴.

Таким образом, официальный Рабат, справедливо считающий движение политического ислама серьезным противником, в то же время успешно отыскивает точки соприкосновения с их умеренными представителями. Думается, что главной целью такого курса является внесение раскола в стан исламистов¹⁵. Действительно, участие умеренных исламистов из «Аль-Ислах» в парламентских выборах вызвало брожение умов в «Аль-Адль», спровоцировав новый раскол в этой полуподпольной организации¹⁶.

Третья группировка исламистских сил – «Вооруженная исламская группа – марокканская» (ВИГ-М) – представлена на марокканской политической сцене неявно. Впервые о ней заговорили после арестов марокканских исламистов в Бельгии в апреле 1998 г. Сведения о ней крайне противоречивы. Известно, что она возникла в июне 1997 г. и объединяет порядка 100 активных функционеров и примерно 500 «сочувствующих» из числа марокканских эмигрантов, проживающих главным образом в Бельгии, Голландии, Дании, Швеции и Италии. Излюбленными местами их собраний являются Большая мечеть в Роттердаме, Исламский культурный центр в Копенгагене, «Исламское радио» в Стокгольме¹⁷. 90% участников и сочувствующих ВИГ-М – выходцы из традиционно непокорных Алаутской династии племен марокканского Севера, исторически связанных с Алжиром и промышлявших контрабандой¹⁸. Этими обстоятельствами, очевидно, объясняется экстремизм воззрений участников ВИГ-М, а также связь этой организации с алжирской Вооруженной исламской группой.

По документам, захваченным у арестованных, и текстам газеты ВИГ-М, выходящей с 1996 г. в Лондоне под названием «Эхо Марокко», были реконструированы программные установки этой организации. Главной своей задачей ВИГ-М полагает физическое устранение марокканского монарха и свержение существующего режима с последующим созданием в Марокко исламского государства. Программные документы организации подвергают яростной критике существующие в Марокко реалии и провозглашают обязанностью и долгом верующих марокканцев борьбу против существующей власти. Тексты документов пронизаны свирепой юдофобией и разнообразными угрозами в адрес тех, кто составляет военнополитическую и духовную основу режима – личного состава армии, полиции, жандармерии, спецслужб, а также служителей «официального» ислама. Уничижительной критике подвергаются и лидеры действующих в Марокко исламистских организаций – Абд ас-Салам Ясин и Абд аль-Илах Бенкиран – за их «робость и склонность к компромиссам».

О практической деятельности ВИГ-М судить довольно сложно. По оценкам европейских аналитиков, эта формирующаяся организация уже прошла в процессе своего становления «риторическую стадию»¹⁹. Наряду

с пропагандой исламистских идей среди иммигрантов из Марокко ВИГ-М, очевидно, готовится и к проникновению на территорию королевства. Об этом свидетельствует интерес организации к контрабанде оружия через европейские порты, развитие ею иммиграционных каналов для вывоза магрибинских исламистов в Европу, ее тесные контакты с алжирской Вооруженной исламской группой, негласная передача изданий ВИГ-М в библиотеки марокканских вузов и др.²⁰

Официальные представители власти неизменно отрицают существование какой-либо «активной исламистской вооруженной группы, состоящей из марокканцев, внутри страны и за ее пределами»²¹. Примечательно, что в этом с ними солидарны и их оппоненты из «Аль-Адль», считающие «маловероятными» утверждения о деятельности ВИГ-М в Европе²². При этом официальные лица ссылаются на стремление западных и алжирских СМИ посеять путаницу относительно реалий в королевстве, а исламисты полагают, что за появлением подобной информации может стоять «зарубежная сторона», стремящаяся втянуть их в деятельность, которую они «категорически отвергают»²³.

Таковы основные исламистские организации, действующие в Марокко в более или менее подпольном режиме. Их многообразная активность в самом королевстве и за его пределами развивается по двум основным направлениям: с одной стороны, в русле идеологического наступления на позиции властей, с другой, – в форме конкретных акций и мероприятий, зачастую откровенно противоправного характера. В плане духовно-политическом марокканские исламисты придерживаются испытанной тактики критики королевского режима за «уступки требованиям чуждой исламу цивилизации». К примеру, в сентябре 1998 г. после ракетных ударов, нанесенных США по Судану и Афганистану, исламские организации Марокко развернули кампанию за бойкот американских товаров, сбор средств в поддержку пострадавших исламских стран и т.д. Звучавшие в ходе кампании обвинения США в проведении политики государственного терроризма и агрессии против мусульманских народов оттеняли собой сдержанную позицию официального Рабата, что позволило «Аль-Адль», «Аль-Ислах» и их единомышленникам усилить свои позиции в общественном сознании. Другим примером подобного рода могут служить выступления лидера партии Народное демократическое и конституционное движение Абд аль-Карима аль-Катиба, который неоднократно заявлял, что не приемлет точку зрения, согласно которой королевство является частью «франкоговорящего мира».

Касаясь практических акций исламистских группировок, необходимо остановиться прежде всего на студенческих волнениях, возобновлявшихся в ведущих университетах Марокко – в Касабланке, Фесе, Эль-Джадиде, – с началом 1997/98 и 1998/99 учебного года и продолжавшихся в обоих случаях более месяца. Ожесточенные столкновения между студентами-исламистами и студентами левых убеждений, а также между исламистами и силами правопорядка наглядно демонстрируют особое внимание, кото-

рое сторонники фундаменталистских организаций уделяют работе в молодежной среде. К примеру, на содержании «Аль-Ислах ва-т-таухид» находятся многочисленные школы и колледжи, цены за обучение в которых значительно меньше, чем в других учебных заведениях, мероприятия этой группы нередко переносятся в студенческие городки, а в Национальном союзе студентов Марокко имеют сильные позиции активисты как «Аль-Ислах ва-т-таухид», так и «Аль-Адль ва-ль-ихсан». В последние годы, очевидно, чувствуя уверенность в своих силах, марокканские исламисты пытались организовать в ряде учебных заведений и бедных кварталов патрулирование самопровозглашенной «исламской полиции нравов». Участники этих дружин незаконно задерживали лиц, нарушавших, по их мнению, предписания ислама, «судили» их и даже подвергали физическим наказаниям. Наряду с подобными деяниями полукриминального характера исламисты регулярно организовывали в последние годы митинги, пикеты, сидячие забастовки перед зданиями местных администраций с требованиями морализации общественной жизни, недопущения создания феминистских организаций, закрытия винных магазинов, беспощадной борьбы против проституции и наркомании и т.д.

Перед лицом столь многообразных вызовов со стороны «исламского популизма» правящие круги Марокко проявляют высокую адаптивность и адекватно реагируют на новые формы деятельности исламских организаций. По-прежнему любые попытки открытого противостояния королевскому режиму пресекаются немедленно и со всей возможной жесткостью. В этой связи следует отметить, что Марокко почти не затронул всплеск исламского терроризма, столь печально заявившего о себе в Египте и Алжире²⁴. Однако умеренные исламские организации, действующие в рамках закона (или почти в рамках закона), пользуются в Марокко значительной свободой. Терпимость властей в их отношении простирается столь далеко, что они, не имея официальной регистрации, пользуются свободой собраний и митингов, без каких-либо препятствий со стороны государства издают свои газеты, оказывают социальную поддержку неимущим и инвалидам, ведут подготовку собственных проповедников и низшего персонала мечетей. Более того, государство систематически поощряет интеллектуальную элиту исламских движений к диалогу. Для этого королевская администрация и правительство организуют международные исламские и межконфессиональные форумы, на которых обсуждаются актуальные для мусульманского мира вопросы духовного развития, богословия, культурной и общественной жизни, экологии и т.д.²⁵

Перемены последних лет в отношении марокканского руководства к исламистским силам демонстрируют гибкость его подходов к насущной проблеме сосуществования с ними. Отказавшись от широкомасштабных репрессий, дискредитировавших себя в Алжире и Египте, правящие круги придерживаются двойной стратегии в политической борьбе. С одной стороны, используя религию в качестве своей духовной основы, они не допускают легализации собственно религиозных партий и вынуждают исла-

мистов идти на союз со светскими организациями. Тем самым поддерживается монополия государства на политическое использование ислама. С другой стороны, власть жестко контролирует радикалов и успешно обуздывает подъем экстремистских настроений, одновременно делая ставку на терпимость в отношении умеренных исламистов. Переход к диалогу с умеренными и их включение в избирательный процесс не только позволяет режиму сохранить относительную стабильность общества, разделить «политический ислам» и социальный протест, но и успешно вносить раскол в ряды исламистского движения.

Каковы позиции исламистских организаций в марокканском обществе? Отвечая на этот вопрос, следует учитывать то, что их истинный рейтинг никак нельзя сопоставлять с показанными ими на выборах результатами (100 активистов «Аль-Ислах», избранных в местные органы власти и 9 мест в Палате представителей) или с оценочными данными по численности их членов²⁶. Эти цифры нерелевантны, поскольку в выборах не приняли участия представители самой влиятельной исламистской организации «Аль-Адль ва-ль-ихсан», да и критерии влиятельности исламистских движений не сводятся к простой численности их активистов. Многие известные марокканские политики, формально не входящие в состав подобных движений, разделяют позиции исламистов и при резком изменении политической ситуации могут оказаться в их лагере. Как «Аль-Адль», так и «Аль-Ислах» обладают внушительной социальной базой в бедных кварталах городов, опираясь на «низший средний класс». С другой стороны, сельские районы Марокко, особенно с преобладанием берберского населения, слабо воспринимают пропаганду исламистов в силу господства трайбалистского мировоззрения в сознании крестьян-общинников. С учетом того, что жители села составляют 45% населения страны, победа исламских неправительственных организаций на очередных парламентских выборах представляется маловероятной²⁷.

Насколько возможен всплеск радикального исламизма в Марокко в ближайшем будущем? Думается, что существование в королевстве социально-экономического кризиса и далее будет подпитывать исламистские организации любого толка пропагандистскими аргументами и кадрами. Эта тенденция настораживает тем более, что деление исламистов на «терпимых государством умеренных» и «нетерпимых государством радикалов» вполне условно, поскольку конечная цель и тех, и других – создание в Марокко исламского государства. Вместе с тем допуск умеренных исламистов к легальной политической борьбе наглядно демонстрирует способность королевских спецслужб контролировать их или манипулировать их структурами. Не исключено, что терпимые властями исламистские организации являются их собственным порождением. Благосклонность двора и государственного аппарата к «Аль-Ислах» можно объяснить тем, что сторонники Абд аль-Илаха Бенкирана являются естественными противниками левой оппозиции, а при необходимости могут выступить в образе «врагов престола», лишенных прав на легальную деятельность и в

силу этого уязвимых. Неудивительно, что умеренные исламисты всецело принимают действующие в современном Марокко правила политической игры и не рискуют опротестовывать прерогативы короля Хасана II как верховного «повелителя верующих» (*амир аль-му'уминин*). Что же касается радикалов-экстремистов, не настроенных на конструктивный диалог с правящими кругами, то их репутация в массовом сознании понесла заметный ущерб в связи с событиями в Алжире, чем не преминула воспользоваться официальная пропаганда. Будет ли успешным марокканский вариант мирного сосуществования государства с умеренными исламистами? Выдержат ли сами сторонники Бенкирана предложенный им властями тест на терпимость? Может ли в Марокко повториться алжирский сценарий со скатыванием к гражданской войне? Пока чрезвычайно трудно дать ответы на эти вопросы. Ближайшие годы покажут, насколько действенен и обоснован избранный монархией «новый курс».

¹ Автор приносит искреннюю и глубокую благодарность к.и.н., заведующему региональным корреспондентским пунктом ИТАР-ТАСС в Рабате С.Э.Бабкину за ценную информацию и советы при работе над проблематикой этой статьи.

² Старейшая и наиболее влиятельная международная организация исламских фундаменталистов, основанная в Египте в 1928 г.

³ См. коммюнике этой организации в газете «Аль-Алям» 09.01.1998. В январе 1998 г. представитель Абд ас-Салама Ясина по печати Фатхаллах Арсалан обратился к политическим партиям страны с призывом начать национальный диалог с тем, чтобы в королевстве «не случилось того, что происходит в Алжире». – L'Opinion, 13.01.1998.

⁴ Интервью дочери Абд ас-Салама Ясина Надии еженедельнику «Ле Журналь». – Le Journal, 26.10.1998. В то же время сам Абд ас-Салам Ясин в своих многочисленных работах допускает наряду с «исламизацией сверху» (возможным переходом в стан исламистов руководства страны) и «использованием демократических рамок государства» (победой на выборах) и такой путь создания исламского государства, как народное восстание, руководимое «партией Аллаха», что подразумевает использование насилия.

⁵ Там же.

⁶ В 1992 г. Абд аль-Илах Бенкиран попытался создать на базе «Аль-Ислах» Партию национального обновления и зарегистрировать ее в министерстве юстиции, но соответствующие прошения были отклонены властями.

⁷ В интервью арабоязычной газете «Аш-Шарк аль-Аусат» Абд аль-Илах Бенкиран подчеркнул, что его взаимоотношения с лидером Истикляль Мухаммадом Бусеттой были «более духовными, чем политическими». – Аш-Шарк аль-Аусат, 12.12.1997.

⁸ НДКД, возглавляемое Абд аль-Каримом аль-Катибом, как бы приняло «Аль-Ислах» в свои ряды. В 1996-1998 гг. генеральный секретариат НДКД состоял из 8 человек с равным представительством собственно Движения и «Аль-Ислах».

⁹ Умеренные исламисты перед выборами действовали достаточно осторожно. В представленной 1 ноября 1997 г. программе НДКД отсутствовали прямые ссылки на ислам. Там, где они были необходимы, они преподносились в тщательно закамуфлированном виде. Например, при разработке системы беспроцентных ссуд на жилищное строительство НДКД ссылается на опыт Франции, а не на соответствующие нормы шариата. Также умеренные исламисты выступили за «принятие мер, которые позволят избежать негативных моральных последствий открытости в сфере туризма». Другими пунктами их программы были полный запрет алкоголя, беспощадная борьба против проституции, преступности, производства и сбыта наркотиков, требование перенести выходной день с воскресенья на пятницу.

¹⁰ Gazette du Maroc, 18.11.1997.

¹¹ Уже в конце ноября лидер умеренных исламистов в отличие от всех без исключения лидеров оппозиции заявил, что в стране «существует реальная, пусть и не всеобщая, политическая открытость», и оценил итоги выборов как «позитивные для нашего движения и государства». – Le Journal, 24.11.1997.

¹² Там же.

¹³ Gazette du Maroc, 26.03.1998.

¹⁴ Умеренные взгляды «Аль-Ислах» отчетливо прослеживаются и в программных установках новой партийной структуры. Это подтвердило интервью члена генерального секретариата ПСР Лахсена Дауди еженедельнику «Ви экономик», в котором он заявил о продолжении «критической» поддержки правительства, необходимости реформы административной и юридической систем, совершенствования работы парламента. Особое внимание ПСР, по словам Лахсена Дауди, обращает на соблюдение прав человека, решение проблем незаконных арестов и преследований за убеждения. – Vie économique, 10.10.1998.

¹⁵ Согласно мнению, распространенному в исламистских кругах Марокко, Абд аль-Илах Бенкиран в начале 90-х годов расколол одно из самых радикальных движений марокканских исламистов – Ассоциацию исламской молодежи (АИМ), а затем и «Аль-Адль». При этом он, скорее всего, выполнял «заказ» государства. Утверждается, что объединение «Аль-Ислах» и НДКД в 1996 г. благословил все сильный министр внутренних дел Марокко Дрис Басри. Примечательно, что на этот же период пришлось позитивные перемены в отношении марокканских властей к исламистам.

¹⁶ По данным «Газетт дю Марок», летом 1997 г. в «Аль-Адль» росло число сторонников участия в выборах, в то время как во главе инстанций, принимающих решения, находились радикалы. Подобный расклад сил привел к тому, что из «Аль-Адль» вышел ряд видных фигур исламистского движения, выполнявших функции связующего звена между радикалами и умеренными. – Gazette du Maroc, 25.08.1997.

¹⁷ Jeune Afrique, 14.06.1998.

¹⁸ В этой связи любопытен тот факт, что ВИГ-М почти не известна в марокканской диаспоре во Франции. Там сосредоточились преимущественно выходцы из южных районов Марокко (*суси*). По традиции те из них, кто симпатизирует

исламистам, обращают свое внимание к полулегальным «Аль-Адль ва-ль-ихсан» и «Аль-Ислах ва-т-таухид», действующим на родине.

¹⁹ Le Soir. 15.04.1998.

²⁰ Там же. См. также: Jeune Afrique, 08-14.06.1998.

²¹ Интервью министра внутренних дел Марокко Дриса Басри «Би-Би-Си» 11.06.1998.

²² Интервью представителя «Аль-Адль ва-ль-Ихсан» Фатхаллаха Арсалана «Радио Франс Интернасьональ» 21.04.1998.

²³ Как в официальных кругах, так и в полулегальных исламистских структурах Марокко принято возлагать ответственность за появление радикальных исламских движений в королевстве на алжирскую разведку.

²⁴ Последний террористический акт против иностранных граждан произошел в Марокко в мае 1994 г. в Марракеше. С тех пор не было отмечено ни одного покушения на жизнь и достоинство немусульман по религиозным соображениям.

²⁵ В этой связи следует упомянуть о прошедшей в феврале 1998 г. в Рабате международной конференции «Диалог между тремя монотеистическими религиями: к культуре мира» с участием 30 выдающихся религиозных деятелей, представлявших христианство, ислам и иудаизм. Она была организована ЮНЕСКО при патронаже короля Марокко Хасана II. В итоговых документах форума подчеркивалась необходимость пресечения любых форм нетерпимости, принуждения, дискриминации и насилия, творимого от имени религии. Другим существенным вкладом в диалог власти с исламистами стали ежегодные сессии университета «Исламское пробуждение», которые проводятся с 1990 г. с приглашением деятелей исламистских движений и влиятельных богословов-алимов мусульманского мира. В 1998 г. в работе университета в массовом порядке приняло участие исламистское движение «Аль-Ислах ва-т-таухид».

²⁶ По оценке Абд аль-Илаха Бенкирана, его движение насчитывает от 10 до 15 тысяч активистов.

²⁷ Тем не менее именно расчетом на следующие выборы во многом можно объяснить разработку марокканскими исламистами модели общественного устройства, к которому они стремятся, а также реализацию ими отдельных механизмов такого общества (структуры социального обеспечения детей в многодетных семьях, поддержки малообеспеченных и т.д.) и даже создание целых экономических проектов.

РЕФОРМЫ ПРЕЗИДЕНТА АЛЖИРА ЛАМИНА ЗЕРУАЛЯ

В апреле 1999 г. закончился период президентства Ламина Зеруаля. Он пробыл на этом посту немногим более пяти лет – с января 1994 по апрель 1999 г. Не преувеличивая, можно сказать, что это был один из наиболее тяжелых и ответственных периодов в недавней истории Алжира.

Как известно, в декабре 1991 г. на первом туре парламентских выборов, которые впервые в стране проводились на многопартийной основе, внушительную победу одержали исламисты в лице религиозной партии Исламский фронт спасения (они получили 187 мест из 430). Не было сомнений, что эта победа будет закреплена в ходе намечавшегося на 11 января 1992 г. 2-го тура голосования. Чтобы не допустить исламистов к власти, военные и контролируемый ими Высший совет безопасности (ВСБ) совершили, по сути, военный переворот. Уже в начале января 1992 г., т.е. две недели спустя после парламентских выборов, был отстранен от власти тогдашний президент Алжира Шадли Бенджедид и руководить страной назначен коллективный орган – Высший государственный Совет (ВГС). Последний тут же аннулировал итоги 1-го тура парламентских выборов и отменил 2-й тур голосования. Иначе говоря, в течение двух недель были упразднены высшие конституционные институты власти. Спустя несколько месяцев новые алжирские власти запретили деятельность Исламского фронта спасения, т.е. победившей на выборах партии. Исламистские партии предвидели такой ход событий и подготовились к переходу на нелегальное положение, создав базу для развертывания вооруженной борьбы против алжирских властей. В борьбу были втянуты разные социальные слои Алжира. Страна оказалась на грани гражданской войны, хотя, объективно анализируя ситуацию, можно утверждать, что эту грань она переступила.

Действия военных вызвали протест не только у исламистов, но и у многих светских партий, в частности, таких как ФНО и ФСС, которые наряду с другими политическими партиями и движениями оказались в оппозиции к официальным властям. В течение двух последующих лет, т.е. 1992 и 1993 гг., новым алжирским властям приходилось доказывать свою легитимность не только согражданам, но и зарубежным странам. В этих условиях Высший совет безопасности решил отказаться от созданных им структур так называемого переходного периода и перейти постепенно к избираемым структурам власти. Первым должен был уйти с политической сцены вызывавший всеобщее раздражение ВГС, тем более, что в январе 1994 г. истекал срок его полномочий. До этого он должен был подготовить

Национальную конференцию для избрания главы государства на переходный трехлетний период, после которого намечались всенародные выборы президента.

Следует отметить, что уже в это время в качестве кандидата на пост главы будущего президентского совета чаще всего звучало имя А.Бутефлики, хорошо известного еще во времена Бен Беллы, а также бывшего в правительстве покойного Х.Бумедьена министром иностранных дел. Тем не менее 30 января 1994 г. Национальная конференция избрала президентом тогдашнего министра обороны Ламина Зеруаля. Он сохранил за собой пост главы Министерства обороны. Зеруаль пользовался большим авторитетом не только среди алжирского офицерства, но и армейской элиты. Он не запятнал себя ни коррупцией, ни кровью. Был известен своей решительностью, выдержкой. Будучи командующим округа Константины избежал кровопролития во время обострившейся обстановки в берберских районах. С первых же дней прихода к власти и до конца его пребывания на президентском посту был противником кровопролития и выступал за диалог с исламистами при условии их отказа от насилия и террора.

Режим Зеруаля получил поддержку со стороны практически всех североафриканских государств, особенно со стороны Туниса и Египта. Они прекрасно понимали, что в случае прихода к власти исламистов автоматически образовывался треугольник Алжир-Судан-Иран, который создавал угрозу правящим светским режимам во всем регионе.

Основной задачей Ламина Зеруаля после его прихода к власти стало воссоздание государственных институтов, упраздненных в ходе военного переворота 1992 г. Ему потребовалось почти два года, чтобы провести в ноябре 1995 г. всенародные президентские выборы и тем самым как бы легализовать себя на этом посту. Через год после президентских выборов 29 ноября 1996 г. последовал референдум, на который были вынесены поправки к действующей конституции, а затем и принята новая конституция. Поправки, в частности, позволяли властям запрет политических партий, прежде всего тех, которые создавались на религиозной основе. Поправки были внесены и в закон о выборах. В июне 1997 г. состоялись выборы в парламент и была сформирована нижняя палата – Национальная Народная Ассамблея. Осенью этого же года прошли выборы в местные органы власти. Они были последним этапом строительства новых властных структур Алжира. Их результаты стали основой для формирования не только представительных органов власти на местах, но и верхней палаты парламента – Совета нации, куда вошли вновь избранные губернаторы. Спикер Совета нации в соответствии с новой конституцией является вторым лицом в государстве после президента.

Выборы проводились на альтернативной основе, начиная с президентских и кончая муниципальными. В них участвовали почти все ведущие партии страны. Как и ожидалось, самых больших успехов добилась партия власти Национальное демократическое объединение (НДО), созданная

накануне президентских выборов на базе мелких политических партий. После раскола в ФНО и отставки генсека А.Мехри, а также после того, как часть ФНО вошла в правительственную коалицию, он по своим результатам занимал на выборах не ниже третьего места.

Трудно сказать, насколько выборы были честными. Многие оппозиционные партии обвиняли официальные власти во всякого рода злоупотреблениях. В частности, отказе избирательных комиссий демонстрировать контролерам до голосования урны. Были случаи, когда не допускались наблюдатели на некоторые избирательные участки, отсутствовали избирательные бюллетени некоторых партий и др.

Выборы показали также сокращение числа лиц, которые голосовали за исламистов. Если на парламентских выборах 1991 г. и на предыдущих выборах в местные органы власти за них голосовало свыше 3 млн. человек, то в 1997 г. они получили на парламентских выборах 2,5 млн., а на муниципальных менее 2 млн. голосов.

Приход к власти Ламина Зеруаля произошел не только в период острейшего политического кризиса, но и совпал по времени с тяжелым финансово-экономическим кризисом. В 1994 г. Алжир находился на грани финансового краха и был вынужден временно прекратить внешние платежи. Его выплаты сравнивались с экспортными поступлениями и достигали почти 9 млрд. долл.

Алжирское руководство было вынуждено подписать трехлетнее соглашение с МВФ на 1995-1998 гг. Условия соглашения были достаточно жесткими. Оно предусматривало почти стопроцентную девальвацию алжирского динара в течение одного года, расширение приватизации государственных учреждений, широкое привлечение иностранного капитала, но главное, – болезненное сокращение расходов на социальные нужды.

Взамен МВФ пошел на реструктуризацию внешнего долга. Кроме того, Алжиру был предоставлен кредит на общую сумму в 1,8 млрд. долл. для стабилизации финансового положения. По данным Центрального банка Алжира, стране удалось к концу действия соглашения с МВФ стабилизировать финансовую ситуацию и выполнить все свои обязательства перед кредиторами.

Выходу из финансового тупика, помимо внешней помощи, благоприятствовала конъюнктура мирового рынка углеводородов в 1994-1996 гг., которая позволила ему получить 6 млрд. долл. сверх доходов, предусмотренных соглашением с МВФ. В последующие годы, правда, падение цен на нефть с 18 до 11,5 долл. за баррель несколько осложнило ситуацию, но руководство страны частично компенсировало эти потери за счет наращивания добычи нефти и газа. В 1997 г. в ходе конференции в Джакарте стран-членов ОПЕК Алжир добился увеличения своей квоты до 900 тыс. баррелей в день. Прирост составил в 150 тыс. баррелей.

Нормализации финансовой ситуации способствовало также завершение в 1996 г. строительства газопровода Магриб-Европа и ввод в действие двух новых заводов по переработке попутного газа в Хасси-

Мессауде и Альраре. Это позволило на 23% увеличить производство сжиженного газа и довести его до 40,6 млн. куб. м.

Таким образом, несмотря на достаточно сложную и противоречивую внутреннюю обстановку, Алжиру в основном удалось преодолеть острейший финансовый кризис. Об этом свидетельствует отказ алжирского правительства от процедуры подписания нового соглашения с МВФ после того, как в мае 1998 г. истек срок действия предыдущего договора.

На это решение, освободившее Алжир от необходимости следовать рекомендациям МВФ, не повлияла даже неблагоприятная конъюнктура на мировом рынке нефти. Если в 1993 г. страна расходовала на обслуживание долга 80% поступлений от экспорта, то в 1997 г. этот показатель благодаря финансово-экономическим мероприятиям, о которых уже говорилось выше, а также благодаря строгой политике ограничения импорта снизился до 30%. Алжир, и в дальнейшем, по мнению экспертов МВФ, в состоянии выполнять свои обязательства по обслуживанию внешнего долга (33 млрд. долл.), благодаря накопленным валютным резервам.

Достижение относительной финансовой стабильности поставило перед руководством Алжира вопрос о развитии не только нефтегазового комплекса, который продолжает оставаться основным источником валютных поступлений, но и о развитии других секторов экономики.

Сегодня алжирская экономика состоит как бы из двух частей: процветающей, к которой относится добыча и переработка нефти и газа, и находящейся в кризисном состоянии, куда относится большинство обрабатывающих и других отраслей. Такая ситуация сказывается на основных экономических показателях. В период с 1993 по 1995 гг. не только не происходило никакого роста ВВП, но этот показатель выражался отрицательными величинами, незначительный рост начался после 1995 г. В 1997-1998 гг. он составил около 2% при росте населения в 3% в год. По данным независимых экспертов, ВВП рос еще медленнее. Его рост сдерживается спадом промышленного производства, которое только в 1997 г. сократилось на 4%.

Проблема осложняется реструктуризацией и последующей неэффективной приватизацией государственных учреждений, которая осуществляется в рамках экономической реформы и соглашений с МВФ. Правительство вынуждено направлять крупные средства для функционирования убыточных предприятий госсектора. Так, в 1998 г. на поддержку крупных заводов и фабрик было ассигновано 100 млрд. алж. динаров (1,6 млрд. долл.). В то же время следует отметить, что в последние годы значительно возросла активность малого и среднего бизнеса в легкой и особенно пищевой промышленности страны.

Несмотря на сложную политическую и экономическую ситуацию, все больше зарубежных компаний проявляет интерес к восстановлению и развитию с Алжиром деловых отношений. Притягательность Алжира для иностранных инвесторов увеличивалась по мере финансовой стабилизации и углубления экономических реформ. В 1997-1998 гг. было подписано

множество соглашений о сотрудничестве и реализации инвестиционных проектов. Все они касаются, главным образом, нефтегазового сектора.

В последние два года иностранные инвесторы стали проявлять интерес и к другим секторам экономики (машиностроению, электронике, фармацевтической промышленности и др.). Однако объем прямых иностранных инвестиций в ненефтяную сферу остается пока невысоким.

Как известно, бывший Советский Союз был одним из крупнейших торгово-экономических партнеров Алжира. Однако российско-алжирские связи по сравнению с прежними временами существенно ослабли. Большинство российских ведомств покинуло эту страну еще в начале 90-х годов.

Среди основных причин резкого сокращения объема экономического сотрудничества следует назвать изменения, которые произошли в экономической ситуации в России. Это – переход к расчетам с иностранными партнерами в СКВ, отказ от клиринговой системы расчетов, изменения в географической ориентации внешнеэкономической политики, переориентация на связи с партнерами из промышленно развитых стран, обострение проблемы внешнего долга России, свертывание связей по линии военных поставок в страны Арабского Востока и др.

Заметную роль сыграли и факторы, связанные с изменением обстановки в самом Алжире, где глубокий экономический кризис, политическое противостояние властей и исламских экстремистов способствовали свертыванию сотрудничества с иностранными государствами, включая Россию. Сократился не только объем сотрудничества, но и объем торговли. В 1997 г. доля России в алжирском внешнеторговом обороте едва достигала 0,5%, включая поставки Алжира в счет погашения долга.

Долг Алжира России оценивается в 4 млрд. долларов и является одним из препятствий для развития отношений между странами. Алжирское руководство неоднократно выражало готовность решить этот вопрос. Алжир уже начал осуществлять погашение долга поставками в Россию потребительских товаров. Однако они были приостановлены после вступления нашей страны в «Парижский клуб», по условиям которого торговля не может заменить выплату долга.

В условиях перехода России и Алжира на рыночную экономику и становления частного предпринимательства возникли предпосылки для поиска и внедрения новых форм делового партнерства, в том числе на уровне российских коммерческих структур и частных алжирских фирм.

В конце мая 1998 г. состоялся визит в Алжир группы российских предпринимателей. В ходе майского бизнес-форума был подписан ряд предварительных соглашений между предпринимателями двух стран. Наиболее значительные из них достигнуты в сфере строительства. Они, в частности, касаются поставок российской стороной стройматериалов, специальной техники, обмена технологиями, выполнения значительных по объему подрядных работ.

Обсуждался также вопрос о подписании контракта с российскими фирмами на строительство в столице Алжира Парламентского центра.

Российские и алжирские предприниматели не имеют достаточного профессионализма и опыта международного сотрудничества. Кроме того, бизнес как в России, так и Алжире, действует в основном в сфере теневой экономики, частично криминализирован, что оказывает сдерживающее влияние на развитие делового партнерства между странами.

Следует также отметить, что в России и особенно в Алжире пока не завершен процесс реальной приватизации, идет перераспределение собственности, что мешает стабилизации положения новых собственников. Сегодня наше сотрудничество развивается, главным образом, в двух сферах: ирригационное строительство и военная область. (В 1999 г. подписано соглашение на поставку в Алжир вооружений на сумму 400 млн. долл.)

Отсутствие в России финансово-экономической стабильности ограничивает возможности быстрого восстановления прежнего объема сотрудничества с Алжиром. Хотя, по имеющимся данным, в Алжире сохраняется интерес к возврату России на алжирский рынок и ее участию в разработке и реализации проектов социально-экономического развития АНДР.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СТРАН СОЮЗА АРАБСКОГО МАГРИБА (САМ) С ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ (ЕС)

К началу 80-х годов за счет опережения в технологии и получения избыточной прибавочной стоимости развитые страны добились крупных достижений в научно-техническом прогрессе, производительности труда, уровне жизни. В настоящее время идет процесс объединения, координации усилий развитых стран. Европейские страны объединились, чтобы защищать свои экономические и стратегические интересы. Процесс интеграции начался в 1957 г. с подписания шестью европейскими государствами Римского договора¹. Были устранены все внутренние препятствия на пути движения товаров, в 1972 г. предприняты первые шаги для создания условий валютного сотрудничества. В 1973 г. был создан Европейский фонд регионального сотрудничества для оказания помощи нуждающимся регионам.

Сообщество было не только экономическим объединением. По мере его развития и расширения входящие в него государства принимали все больше решений на уровне Сообщества, передавая по мере необходимости свои полномочия его структурам: Комиссии Европейских Сообществ, Совету министров. Европейскому парламенту и Суду Европейского Сообщества². В декабре 1978 г. в Брюсселе руководители восьми из девяти стран-членов ЕС достигли согласия относительно создания Европейской валютной системы – ЕВС. С 13 марта 1979 г. ЕВС вступила в действие. В нее вошли все девять стран, являвшихся тогда членами Европейского Сообщества (ЕС), – первоначальная «шестерка» плюс Великобритания, Ирландия и Дания. ЕВС основывалась на уже достигнутых результатах: коллективной денежной единице и механизме совместного плавления валют шестерки, получившем название «валютной змеи». Как и в рамках «валютной змеи», участвующие страны сохранили за собой право официально пересматривать курс своей валюты. Вместе с тем предусматривался ряд новшеств: механизм совместного плавления и коллективная единица были впервые увязаны в одну систему; появилась Европейская валютная единица (European Currency Unit) – Экю³, курс которой определялся на основе корзины валют всех тогда уже 13 стран-участниц; значительно увеличились источники средств для проведения валютных интервенций. Страны ЕС внесли в Европейский фонд валютного сотрудничества (ЕФВС) 20% своих официальных золото-долларовых резервов и получили выпущенные взамен ЭКЮ. Благодаря этому фонд увеличил максималь-

ные сроки кредитования до 2 – 5 лет; допустимые пределы отклонения курса той или иной национальной валюты от курса ЭКЮ или другой входящей в ЕВС валюты были установлены в размере плюс-минус 2,25%⁴.

Как отмечает российский исследователь В.Г.Шемятенков, создание ЕВС явилось настоящим прорывом в области валютной интеграции. Во-первых, – считает он, – не выходя из глобальной валютной системы, Европейское Сообщество совершенно определенно провозгласило свою валютную независимость, что полностью отвечало его возросшей роли в мировой экономике. Во-вторых, вместо равнения на доллар и синхронизированное движение обменных курсов по отношению к нему западноевропейские страны решили ориентироваться на стабильность самих этих валют. Стабильное соотношение паритетов должно было рассматриваться впредь как нормальное состояние. Оно могло быть подвергнуто пересмотру лишь в случае крайней необходимости, причем не в одностороннем порядке, а по решению Комиссии европейских сообществ и государств-участников. И, в-третьих, на смену бесхребетной «змее» (имеется в виду механизм совместного плавания валют «шестерки») пришла более структурированная система, имевшая, по крайней мере, теоретически определенный внутренний стержень – ЭКЮ. Это была принципиально новая коллективная расчетная единица. Двухуровневый механизм определения обменных курсов (в двустороннем порядке и через ЭКЮ) позволил создать дополнительные гарантии стабильности. В-четвертых, создав ЕВС, государства-участники пошли на беспрецедентный шаг сознательной передачи в коллективное ведение значительной части своего национального суверенитета в области валютной политики⁵. Исходя из вышеуказанного, создание ЕВС можно считать первым шагом на пути подлинной валютной интеграции.

Следующим шагом явилось создание Экономического и валютного союза (ЭВС). В июне 1988 г. сессия Европейского совета в Ганновере учредила комиссию, которой было поручено подготовить предложение о создании ЭВС, а в апреле 1989 г. был представлен итоговый документ под названием «доклад Делора», названный по имени председателя Комиссии европейских сообществ Жака Делора. Авторы доклада предлагали полностью либерализовать движение капиталов внутри ЕС, объединить финансовые рынки государств-членов, достичь полной и необратимой конвертируемости национальных валют, жестко зафиксировать обменные курсы и свести к нулю существующие пределы колебаний, а затем заменить национальные денежные единицы на единую европейскую валюту, создать единый рынок, обеспечивающий полную свободу движения людей, товаров, услуг и капиталов, координировать макроэкономическую политику структурных изменений и регионального развития и т.д.⁶. Все эти мероприятия планировалось проводить в три этапа.

С июня 1990 г. Сообщество приступило к реализации программы. 7 февраля 1992 г. главами государств и правительств ЕС был подписан Маастрихтский договор, в соответствии с которым Европейское сообще-

ство было преобразовано в Европейский Союз (ЕС), имеющий целью «создать устойчивую и гармоничную экономику и содействовать социальному прогрессу». Договор о Европейском Союзе заложил прочную правовую основу будущего Экономического и валютного союза и единой валюты, была создана институциональная структура ЭВС, главным учреждением в ней явился Европейский центральный банк. Были также согласованы и утверждены четыре критерия конвергенции, которые являлись обязательными условиями вступления в ЭВС:

1. Стабильность цен. Для вступления в ЭВС стране-кандидату необходимо добиться успехов в борьбе с инфляцией, причем в контрольном 1997 г., по результатам которого и определился круг участников, средняя норма инфляции в данной стране не должна была превышать норму инфляции в трех наиболее продвинутых в этом отношении государствах-членах ЕС более, чем на 1,5 %.

2. Устойчивость государственных финансов. Потолком бюджетных дефицитов и государственного долга должны быть средние величины для всех 12 стран – членов ЕС по состоянию на 1990 г., соответственно 3 % и 60 % ВВП.

3. Уровень процентных ставок по долгосрочным кредитам не должен превышать более чем на 2% уровень, достигнутый уже отмеченными тремя странами с самым низким уровнем инфляции.

4. Соблюдение установленных внутри единой валютной системы пределов колебаний обменных курсов без напряженности и девальваций в течение двух лет⁷.

К 1993 г. практически завершилось формирование единого внутреннего рынка. Этому способствовало подписание государствами-членами ЕС в 1987 г. Единого европейского акта (ЕЕА), в соответствии с которым Договор об учреждении ЕЭС был дополнен новой статьей 8 а (ныне статья 7 а Договора о ЕС), гласившей: «Сообщество примет меры для постепенного создания внутреннего рынка к 31 декабря 1992 г., ... [представляющего собой] пространство без внутренних границ, в котором обеспечивается свободное движение товаров, лиц, услуг и капиталов»⁸. Были устранены препятствия на пути свободного их движения: физические, технические, налоговые. Предприятия Сообщества ныне имеют возможность участвовать в государственных контрактах любой страны, входящей в ЕС, на равных условиях с местными предприятиями, что открывает для них обширный рынок, на котором они могут конкурировать. Налогоплательщики ЕС получают от этого прямую выгоду, поскольку государственные власти будут платить меньше своим поставщикам товаров и услуг. Упразднение налоговых барьеров вызвало необходимость перестройки системы взимания прямых и косвенных налогов. Ключевым звеном в обеспечении свободного движения товаров было уменьшение различий в налогообложении, влияющих на международную торговлю в зоне ЕС. С первого января 1999 г. одиннадцать стран Европейского Союза (Австрия, Бельгия, Германия, Испания, Италия, Ирландия, Люксембург, Нидерланды, Порту-

галия, Финляндия и Франция) ввели единую европейскую валюту евро. С этого момента их денежно-кредитная политика перешла под контроль Европейского центрального банка. В течение 1999-2000 г. евро будет существовать в безналичной форме, а с начала 2002 г. в обращение поступят банкноты и монеты евро. К июлю того же года евро полностью заменит ныне существующие валюты «европространства». Введение единой валюты позволило превратить зону евро в однородное экономическое пространство. Как отмечается в работе «Практика глобализации: игры и правила новой эпохи», введение евро, особенно после трагического поражения проекта ЭКЮ, блестяще торпедированного в сентябре 1992 г. международными спекулятивными капиталами американского происхождения, становится, без всякого преувеличения, важнейшим событием новейшей истории человечества. Как представляется, оно способно не просто качественно изменить геополитическое и геофинансовое соотношение мировых сил, но и, по крайней мере на какое-то ограниченное время, вернуть в экономическое, политическое и интеллектуальное развитие человечества конкуренцию, близкую к равноправной⁹. В мае 1999 г. наблюдалось снижение курса евро по отношению к доллару до 1,04 по сравнению с 1,17 долл. за один евро в январе 1999 г.¹⁰ Оно сопровождалось и снижением темпов роста ВВП в странах Евросоюза с 3% в 1998 г. до 2,2% (по прогнозам Европейской комиссии) в 1999 г. Однако Комиссия считает, что замедление темпов роста здесь будет кратковременным, и уже в 2000 г. они достигнут 2,7%.

Главной причиной экономического спада, как считают здешние экономисты, явилось сокращение европейского экспорта из-за сужения ВВП в Японии в 1998 г. на 2,8%, финансового кризиса в Восточной и Юго-Восточной Азии, Латинской Америке и в России. Тем не менее, по их мнению, евро станет прочной мировой валютой уже хотя бы в силу масштабов европейской валютной зоны. Они считают, что и доллар в свою очередь уязвим, а именно: может произойти резкое падение курсов акций на Уолл-Стрит, увеличится дефицит бюджета США по статьям текущих операций, который (поскольку американцы не делают достаточных сбережений) должен будет финансироваться иностранцами, в конце концов, замедлится экономический рост в Америке, и соответственно увеличатся темпы роста в странах зоны евро¹¹.

Важнейшим направлением деятельности ЭВС и всего Сообщества ныне является выработка общей экономической политики. На третьем этапе ЭВС возросла необходимость согласованных действий стран-участниц в области экономики. Координацией их деятельности стал заниматься Совет министров экономики и финансов (совет ЭКОФИН). С 1 января 1999 г. действовавший ранее Валютный комитет заменен Экономическим и финансовым комитетом (ЭФК), который наблюдает за финансово-экономическим положением в странах-участницах и в Сообществе в целом, докладывает Совету и Комиссии о состоянии финансовых взаимоотношений с международными организациями, третьими странами и т.д.

На сессии Европейского совета в декабре 1998 г. был принят доклад о координации экономической политики в рамках ЭВС. В нем говорилось, что, хотя денежно-кредитная политика теперь находится в ведении наднационального органа, тем не менее многие рычаги управления экономикой, в частности рынок труда, остались в руках национальных правительств, что может оказывать существенное влияние на динамику инфляции и состояние рынков капитала. Это обуславливает необходимость постоянного контроля динамики основных макроэкономических показателей стран-членов, усиления надзора за обменным курсом евро и других валют ЕС, необходимость следить за движением номинальной и реальной заработной платы, анализировать национальные планы действий в области занятости, отслеживать процесс структурных преобразований на рынках труда, товаров и услуг¹².

Таким образом, за сравнительно короткий период (четыре десятилетия) западноевропейские страны добились внушительных успехов на пути интеграции. Если ранее ее содержание исчерпывалось в основном таможенным союзом и общей сельскохозяйственной политикой, то к концу XX в. им удалось создать единый внутренний рынок, создать экономический и валютный союз, ввести единую валюту евро, координировать экономическую политику стран-участниц ЕС, успешно расшириться в восточном и южном направлении (а в перспективе в Экономический и валютный союз могут вступить и бывшие социалистические страны Центральной и Восточной Европы: Чехия, Словакия, Венгрия, Польша, Болгария, Румыния, а также Латвия, Литва, Эстония). Как отмечает российский ученый М.В.Каргалова, «Европейский Союз превратился в мощное наднациональное объединение, представляющее собой новый тип экономически и политически регулируемой структуры... Огромный экономический потенциал пятнадцати государств членов и ЕС в целом, формирующаяся координация в сфере внешней политики позволяют рассматривать его к началу XXI в. как один из полюсов многомерного мира»¹³.

Следует отметить, что одно лишь создание единого рынка вызвало некоторое беспокойство у торговых партнеров как Европы, так и других регионов. Возникли опасения, что Европейское Сообщество станет «крепостью», замкнувшейся в себе. В настоящее время на партнеров по ЭВС приходится 61,2% экспорта и импорта стран Сообщества и 65% их прямых зарубежных инвестиций¹⁴. Однако, согласно заявлению Ж. Делора, Сообществу удалось создать образ «Европы-партнера», поскольку Единый рынок открыт для предприятий всех стран, способных включиться в конкурентную борьбу. Но в связи с тем, что ЕС открывает свои рынки для внешних предприятий, работа его участников состоит в том, чтобы, в свою очередь, добиться доступа их предприятий на внутренние рынки конкурентов¹⁵.

Для развивающихся стран (РС) европейская интеграция может иметь как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, усиление предпринимательской деятельности должно способствовать повышению темпов роста импорта стран-членов ЕС. С другой, условия про-

движения товаров РС в страны Сообщества ухудшаются, так как их положение по сравнению с производителями внутри ЭВС становится менее выгодным. В будущем, очевидно, можно ожидать снижения импорта странами ЕС из-за растущей возможности удовлетворять свои потребности в товарах за счет собственного производства вследствие дальнейшего расширения обоюдной торговли.

В сложившихся условиях развивающиеся страны также проявляют тенденцию к объединению. 17 февраля 1989 г. на встрече руководителей пяти стран Алжира, Марокко, Ливии, Туниса и Мавритании в г. Марракеше (Марокко) был подписан договор о создании Союза Арабского Магриба (САМ). Надо сказать, что эти страны в силу географического положения, особенностей исторического развития имели довольно тесные торгово-экономические отношения со многими странами-членами ЕЭС: Францией, Италией, Испанией и другими. Одной из важнейших целей такого объединения явилось стремление сообща добиваться более равноправных условий сотрудничества со странами, входящими в ЕС. Основными целями создания САМ являлись: достижение прогресса в экономическом развитии; поэтапное установление свободы передвижения граждан, товаров и капиталов между пятью странами; выработка совместной политики в различных областях. В экономической области эта политика предусматривала создание благоприятных условий для развития промышленности, сельского хозяйства, в военной – обеспечение независимости каждого государства-члена Союза, на международной арене – установление тесного дипломатического сотрудничества и т.д.

Были созданы руководящие органы Союза. В качестве высшего органа учреждался Президентский совет в составе глав государств – членов, представительство в котором осуществляют поочередно главы государств в течение шести месяцев. Президентский совет проводит очередные сессии каждые 6 месяцев. Решения совета принимаются с общего согласия всех его членов. Президентский совет учреждает и определяет задачи специализированных министерских комиссий. Совет имеет Генеральный секретариат, в который входят по одному представителю от каждого государства и Консультативный совет. Для толкования договора и заключаемых соглашений учрежден Судебный орган, в который входят по два судьи от каждого государства-члена, назначаемые на шестилетний срок. Решения Судебного органа обязательны и окончательны¹⁶.

В октябре 1989 г. в г. Рабат состоялась 1-я сессия Консультативного совета САМ, на которой был принят внутренний устав совета и сформированы пять рабочих комиссий: по иностранным делам, планированию, юридическим вопросам, финансам и экономике, культуре, образованию, информации.

По мере совершенствования организационной структуры САМ активизировались двусторонние отношения между его участниками. Велась работа по расширению морского судоходства, развитию рыболовства, созданию единой энергосистемы, разработке проекта строительства газо-

провода из Алжира в Марокко. В июле 1989 г. был образован алжирско-ливийский банк с капиталом 100 млн. долл. для финансирования совместных проектов, в том числе создания смешанных предприятий. В Алжире построен алжирско-тунисский цементный завод, при содействии Алжира модернизирован нефтеперерабатывающий завод в Мавритании. Тунис и Ливия начали совместно разрабатывать нефтегазовое месторождение на континентальном шельфе. Приняты решения об образовании совместных компаний по морским, железнодорожным и воздушным перевозкам, в частности о создании авиакомпании «Эль-Магриб», развитию морских портов. В 1990 г. состоялось совещание директоров центральных банков, на котором обсуждался вопрос о введении в обращение единой валюты. В конце 1991 г. на встрече министров торговли был подписан протокол, предусматривающий ряд практических мер по активизации торговых отношений между пятью странами, выполнению положений таможенного и торгового соглашений.

Наиболее успешно осуществлялось сотрудничество в области транспорта и энергетики. Введен в действие трансмагрибинский газопровод протяженностью 400 км и пропускной способностью 3 млрд. куб. м газа в год от Уэд сафсаф (Алжир) через Гафсу и Зарзис (Тунис) до г. Зуара (Ливия). Газопровод предназначен для обеспечения топливом промышленных объектов прежде всего совместного алжиро-ливийского предприятия по производству алюминия в г. Зуара. Введена в строй линия трансмагрибинской железной дороги Тунис-Алжир-Касабланка протяженностью 2262 км, что значительно сократило время передвижения поездов между Тунисом и Касабланкой. Построена автострада Нуадибу (Мавритания) – Тобрук (Ливия). Установлены льготные тарифы на наземный и морской виды транспорта, телефонную, телеграфную и телексную связь. Были предприняты реальные шаги по созданию Магрибинского банка инвестиций и внешней торговли с уставным капиталом в 150 млн. долл.

Наиболее плодотворным в деятельности САМ оказался период 1993-1994 гг., когда его деятельностью руководил президент Туниса З. Бен Али. Во время его руководства начало по-настоящему функционировать большинство из структур, созданных на основе решений предыдущих встреч на высшем уровне. В этот же период странами-участницами Союза был ратифицирован ряд ранее заключенных соглашений и конвенций, касающихся взаимного поощрения инвестиций и гарантий их безопасности, свободы перемещения капиталов, товаров, услуг, людей, отказа от двойного налогообложения. Тем не менее, хотя формирование организационных структур за пятилетний период было в основном завершено и появились конкретные результаты их деятельности, странам-участницам САМ пока не удалось добиться всех поставленных целей, достичь высокого уровня интеграции, многие соглашения остались лишь на бумаге. Поэтому руководство Туниса приняло решение об усилении прежде всего экономических отношений между странами – участницами и о разработке соответствующей правовой базы. Оно представило членам Союза программу

действий до 2000 г. Основными направлениями программы были: установление беспопышленного торгового обмена в рамках САМ и образование общего рынка, обеспечение взаимодополняемости национальных экономик стран-участниц, т.е. экономической интеграции, достижение продовольственного самообеспечения, свободное перемещение товаров, капиталов, людей в границах Союза, введение единого удостоверения личности, унификация образовательных программ, укрепление сотрудничества в социально-культурной области, создание единой системы связи и обмена информацией.

В перспективе планировалось создать Магрибинский банк инвестиций и внешней торговли, единую таможенную систему, единый рынок и достичь полного объединения с унификацией планов и политических систем.

Естественно, реализация выдвинутых целей потребует приобщения к современным технологиям, финансовых средств. Поэтому страны Союза заинтересованы в расширении сотрудничества со странами ЕС, с которыми их издавна соединяли многообразные исторические, культурные и торговые связи. В первые послевоенные десятилетия западноевропейские страны стремились сохранить свои позиции в Средиземноморье путем внедрения системы ассоциаций со своими бывшими колониями. Целью ассоциации с заморскими странами провозглашалось увеличение торговли и содействие их социально-экономическому развитию¹⁷. При этом предусматривалось, что государства-члены ЕЭС будут применять в своей торговле со странами и территориями тот же режим, который они предоставляют друг другу и, наоборот, каждая развивающаяся страна или территория будет применять в своей торговле с государствами-членами ЕЭС тот же режим, который применялся к европейскому государству, имевшему для них статус привилегированного партнера¹⁸.

Государства-члены ЕЭС обязались осуществлять капиталовложения, необходимые для развития стран и территорий. В Римском договоре детально регламентировался вопрос о таможенной политике: на страны и территории, имевшие особые отношения со странами ЕЭС, распространялись в основном положения, касающиеся самих государств-членов ЕЭС. Однако вопросы здравоохранения, государственной безопасности, общественного порядка, свободы движения рабочей силы должны были стать предметом следующих соглашений, а конкретные условия и процедуры функционирования ассоциаций между ЕЭС и странами и территориями, имевшими особые отношения с входящими в него государствами, определялись конвенцией, приложенной к Римскому договору. Из всех государств-членов ЕЭС в Средиземноморье «особые отношения» имели лишь Франция и Италия. Это касалось их бывших колоний – Алжира и Ливии. Так, статья 227 Римского договора предусматривала, что к Алжиру применяются общие и особые положения (о свободе движения товаров, сельском хозяйстве, либерализации услуг, институтах). Относительно Ливии Декларация о намерениях, приложенная к Договору, выражала готовность заключить с ней конвенцию об экономической ассоциации с Сообществом¹⁹.

Политика ЕЭС в отношении средиземноморских стран стала более активной после того, как эти страны, освободившись от колониальной зависимости, проявили себя как субъекты международной жизни. В результате в 1969 г. были подписаны торговые и экономические соглашения с Марокко и Тунисом, а в 70-х гг. и позже заключен ряд соглашений с Алжиром, Тунисом и Марокко. Однако в отличие от некоторых других РС, с которыми заключались конвенции о режиме торговых преференций, технической и финансовой кооперации и т.д., сотрудничество со странами Средиземноморья развивалось медленно.

Противоборство Западной Европы с США, которые все более активно проникали в Средиземноморский регион и теснили западноевропейские компании, а также проведение странами Средиземноморья все более независимой политики, создание ими региональных союзов и группировок вынудили КЭС пересматривать отношения со средиземноморскими странами. В декабре 1990 г. Совет КЭС принял решение о проведении так называемой «новой средиземноморской политики». В ее рамках упор делался на партнерство с третьими «средиземноморскими странами», т.е. отношения ЕС с этими странами выводились на более высокий привилегированный уровень. В качестве основного направления провозглашалось содействие развитию современного агропромышленного комплекса, решение проблемы занятости, повышение уровня жизни населения. Приоритет в отношениях ЕС со средиземноморскими странами принадлежал тем странам, в которых осуществлялись экономические реформы²⁰.

Крупнейшей акцией в рамках «новой средиземноморской политики» стала Евро-средиземноморская конференция в Барселоне, в которой приняли участие представители 15 стран-членов ЕС и 12 государств Средиземноморья, в том числе участники САМ Алжир, Тунис, Марокко. Она означала создание по сути новой модели евро-средиземноморского партнерства. ЕС ставил перед собой следующие цели: ускорить темпы социально-экономического развития в странах Южного Средиземноморья, улучшить условия жизни, чтобы сократить разрыв между процветающим Севером и испытывающим экономические трудности Югом, усилить региональную интеграцию и региональное сотрудничество. Как отмечал представитель Европейской Комиссии ЕС в России Дюбуа Жильбер, «признавалось, что существуют, по меньшей мере, три проблемы, тесно связанные со Средиземноморьем: слабое экономическое развитие Юга, отсутствие экономического паритета по линии Север-Юг и нестабильность в отношениях по линии Юг-Юг. Никогда раньше ЕС не подходил к проблемам средиземноморского региона, исходя одновременно из этих трех аспектов и признавая, что эти проблемы не могут быть решены по отдельности»²¹. В заключительном документе Барселонской Конференции были определены три основные области сотрудничества, называемые также «опорами» партнерства: политическая, экономическая, социальная. На конференции была принята программа конкретных мер в области безопасности и военного сотрудничества. Партнерство в области экономики и

финансов предусматривало введение к 2010 г. режима свободной торговли, создание благоприятного инвестиционного климата, поддержку малых и средних предприятий, модернизацию сельского хозяйства, развитие системы водоснабжения, образование единой средиземноморской энергетической системы, совершенствование инфраструктуры с особым упором на развитие транспорта и телекоммуникаций. Развитие этой «опоры» предусматривало также значительное увеличение помощи ЕС его средиземноморским партнерам. На встрече руководителей ЕС в Каннах было принято решение о выделении на нужды региона суммы в 4685 млн. ЭКЮ на период 1996-1999 гг.²²

После 1995 г. осуществлялась реализация Барселонских решений. Евро-средиземноморская конференция по энергетике в 1996 г. приняла решение о разработке пятилетнего плана, предусматривающего объединение электросетей, газопроводов и создание Евро-средиземноморского энергетического комплекса. Ведутся работы по строительству газопровода «Магриб – Западная Европа» через территорию Марокко и Гибралтарский пролив, по которому алжирский газ будет поступать в Испанию, Португалию, Францию и Германию. В области транспорта крупнейшими проектами являются строительство автомагистрали и сверхскоростной железной дороги, которые свяжут страны САМ между собой, а также с европейскими странами-участницами ЕС. Осуществление этих проектов будет способствовать интеграции стран Южного Средиземноморья, в частности членов САМ, в экономику Европы.

Осуществляются конкретные шаги по укреплению сотрудничества между государствами-членами САМ и ЕС в разведке и добыче полезных ископаемых, промышленности, сельском хозяйстве, морском сообщении, рыболовстве, а также в защите окружающей среды, культурной и социальной сферах.

После снятия санкций с Ливии в апреле 1999 г. возобновляется ее сотрудничество с западноевропейскими, английскими, канадскими нефтяными компаниями «ЭНИ», «АДЖИП», «Репсол», «Ласмо», «Оксидентл», «Тоталь», «Эльф-Акитэн» и др. «ЭНИ» подписала с Ливийской национальной нефтяной корпорацией соглашение о строительстве газопровода для транспортировки газа с месторождения Вафа на юго-западе Ливии в Италию. Французская компания «Альстом», швейцарская «АББ» (Асса Браун Бовери) и консорциум немецких компаний «Сименс Бабкок» намерены принять участие в строительстве электростанции мощностью 1200 МВт и опреснительной установки в Сирте. Британское воздушное агентство возобновило контракт с Триполи на оснащение гражданского воздушного флота новыми самолетами, оборудование аэропортов и подготовку пилотов. Страны-члены ЕС рассматривают также возможность участия их компаний в реконструкции и расширении железнодорожной сети, модернизации портов, телекоммуникаций²³. Восстанавливаются торговые отношения Ливии с ее традиционными партнерами, прежде всего Италией, Францией, Германией, Англией, а также с Европейским Сообществом в целом, о чем

свидетельствует присутствие ливийских представителей в качестве наблюдателей на встрече глав европейских и средиземноморских государств в 1998 г. в Штутгарте. Это открывает и для Ливии перспективу быть охваченной программой ЕС «Средиземноморская инициатива», предусматривающей, как уже отмечалось, оказание финансовой помощи, заключение соглашений об ассоциированном членстве, а также тесное экономическое и политическое сотрудничество с ЕС. В течение двух последних лет страны-участницы САМ Тунис и Марокко (наряду с Египтом и Иорданией) подписали соглашения об ассоциированном членстве в ЕС. Эти договоренности станут исходными элементами для создания в Средиземноморье к 2000 г. зоны свободной торговли²⁴.

Осуществление евро-средиземноморского сотрудничества наталкивается на определенные трудности, прежде всего политического характера. Это связано с тем, что ряд арабских стран выступает против участия Израиля в ходе средиземноморского процесса. В области экономики разногласия возникают в связи с тем, что, по мнению руководителей некоторых средиземноморских стран, Европейский Союз проводит политику ограничения импорта в свои государства-члены и одновременно внедряется во внутренний рынок стран Средиземноморья, ущемляя интересы местных производителей. На конференции министров иностранных дел в Штутгарте в апреле 1999 г. удалось посадить за стол переговоров представителей Израиля и арабских государств, возобновить переговоры по проблемам безопасности, экономического развития²⁵. Встреча министров иностранных дел в Штутгарте (как и другие акции в рамках средиземноморского сотрудничества) свидетельствует о том, что, несмотря на определенные трудности, в целом удается продвигаться по пути осуществления целей, провозглашенных на Барселонской конференции.

Что касается перспектив развития политических и внешнеэкономических отношений ЕС со странами САМ, то они также будут развиваться в соответствии с «обновленной средиземноморской инициативой» Европейского Союза. Страны САМ в силу географической близости и условий исторического развития ориентированы на страны ЕС как на устойчивые рынки сбыта сырья, сельскохозяйственной, а в перспективе и промышленной продукции. В современных условиях растут их потребности в импорте новой техники и технологий, в финансовой помощи, без которой невозможно выполнение программ социально-экономического развития. Поэтому правительства стран Союза Арабского Магриба рассматривают развитие экономических связей с ЕС как один из способов решения сложных задач преодоления хозяйственной отсталости. В свою очередь, страны САМ остаются для ЕС важнейшим источником минерального и, прежде всего, энергетического сырья, сельскохозяйственной продукции, рынком сбыта промышленных товаров, техники и технологий. Следует учитывать и геополитические интересы ЕС в этом стратегически важном районе мира. Исходя из всего вышесказанного, можно предположить, что сотрудничество стран-членов САМ не только сохранится, но и будет расширяться.

Не исключено, что межгосударственные отношения между странами ЕС и Союза Арабского Магриба поднимутся на новый уровень в связи с усилением влияния последних в международных отношениях. Развитие в целом отношений САМ с ЕС также может быть выведено на качественно новый уровень «Сообщество» – «Сообщество», но для этого странам-участницам САМ необходимо преодолеть существующие политические разногласия, добиться подлинной экономической интеграции для превращения Союза Арабского Магриба в конкурентоспособное региональное политико-экономическое объединение.

¹ Англия, Франция, Италия, Германия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург.

² Европейский Союз: Прошлое, настоящее, будущее. От единого рынка к Европейскому Союзу. – М., 1994. – С. 10-11.

³ С 1 января 1999 г. перестала существовать в связи с введением евро.

⁴ Более подробно см.: Буторина О. Что такое евро? – М., 1999. – С. 11.

⁵ Шемятенков В.Г. Евро: две стороны одной монеты. М., 1998. – С. 73-74.

⁶ Буторина О. Что такое евро? – М., 1999. – С. 14.

⁷ Шемятенков В.Г. Евро: две стороны одной монеты. – М., 1998. – С. 97, 99, 100.

⁸ Цит. по: Европейский Союз: Прошлое, настоящее, будущее. Европейская интеграция. – М., 1996. – С. 39.

⁹ Практика глобализации: игры правила новой эпохи. Под ред. М.Г.Делягина. Институт проблем глобализации. ИНФРА – М., 2000.

¹⁰ Wall Street Journal, June 1999.

¹¹ Ibid., June 1999.

¹² Буторина О. Что такое евро? – М., 1999. – С. 30-31.

¹³ Каргалова М.В. Социальная политика ЕС (концептуальные аспекты и тенденции развития в 80-е – 90-е годы): Автореф. дис. ... док. ист. наук. – М., 1999. – С. 4.

¹⁴ Report on the progress towards convergence and recommendations with a view to the transition to the third stage of economic and monetary union // Com. Doc. – Luxembourg, 1998. – N 1999. – С. 189-191.

¹⁵ Цит. по: Европейский Союз: Прошлое, настоящее, будущее. – М., 1994. – С. 13.

¹⁶ Jeune Afrique, 1989, N 1477, с. 46.

¹⁷ Договоры, учреждающие Европейские сообщества. – М., 1994. – С. 101.

¹⁸ Европа на пороге XXI века: Ренессанс или упадок. – М., 1998. – С. 142.

¹⁹ Там же, с. 143.

²⁰ Le politique mediterranneenne de la Communaute europeenne. Bruxelles. – 1993. – С. 32-33.

²¹ Цит. по: Европа и Россия: Проблемы южного направления. Средиземноморье – Черноморье – Каспий. – М., 1999. – С. 112.

²² Там же.

²³ The MEED, 18.06.1999.

²⁴ БИКИ, № 120-121, 12.10.1990.

²⁵ Проблемы европейского регионализма, – М., 1999. – С. 37.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФИДАИЗМА В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ В НОВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Конец уходящего столетия для стран Северной Африки был ознаменован ростом политической роли ислама и усилением религиозного экстремизма. Деятельность отдельных организаций исламского толка осуществлялась террористическими методами, которые приводили к беспорядкам, политическому хаосу и дестабилизации как в отдельных странах Северной Африки, так и в целом в регионе. Сочетание религиозной нетерпимости и политического террора породило новую, еще более страшную форму терроризма – фидаизм. Деятельность религиозно мотивированных террористов в странах Ближнего Востока и Северной Африки вызвала широкий резонанс во всем мире. Теракты фидаев имели место в Египте, Палестине, Алжире, Ливане, Кувейте и других странах арабского мира. Масштаб религиозно мотивированного терроризма, вышедший за рамки отдельных случаев и эпизодических акций отчаянных одиночек, позволяет охарактеризовать его как тревожный фактор, накладывающий свой отпечаток на всю политическую жизнь арабских стран. Фидаизм не ограничен пределами только арабского мира. Подобно раковой опухоли, он стал распространяться на другие регионы. Подтверждением тому служат недавние события на Кавказе и в Средней Азии. Опасный оборот, который в последнее время принял фидаизм, вызывает необходимость проанализировать и дать оценку перспектив его развития в грядущем тысячелетии.

Фидаизм как форма религиозно мотивированного терроризма уходит корнями в средневековье. В XI – XIII веках террористы-смертники из исмаилитской секты Хасана ибн-Саббаха наводили ужас на правителей многих ближневосточных государств. Тактика фидаев была выработана в условиях жесткой борьбы, где фидаям противостояли превосходящие силы армии, полиции и спецслужб. Здесь сложился особый стиль фидаев. Они действовали малочисленными группами, дерзко нападая и нанося удары в самых неожиданных и наиболее уязвимых местах противника.

Если тактика фидаев сложилась на Ближнем Востоке, то идеологическое обоснование их действий было выработано в североафриканских странах. В основу идеологии фидаизма легли труды лидеров организации «Братья-мусульмане» Хасана аль-Банны и Сейида Кутба. Обвиняя всех современных правителей арабских стран в отходе от ислама, они призывали к джихаду всех мусульман и требовали установления истинного, по

их мнению, исламского правления. При этом смерть в ходе джихада рассматривалась как символ наибольшего величия веры для адептов ислама.

Этот момент стал основной отличительной чертой религиозно мотивированного терроризма. Готовность к самопожертвованию является главным качеством, характерным для фидаев. В тех условиях, когда объявлен джихад, фидай рассматривает себя как «инструмент в руках Аллаха», ибо погибший в джихаде мусульманин считается «святым мучеником» и автоматически попадает в рай. Осознавая правоту и святость своих действий, фидай видит в теракте не только способ борьбы с врагами ислама, но и свой путь религиозного спасения. Сам термин «фидай» в переводе с арабского языка означает «жертвующий собой», что подчеркивает религиозную направленность террористов. Религиозная мотивация действий фидаев придает мощный импульс их террористической деятельности. Теракты фидаев носят дерзкий, иногда даже вызывающий характер. Это достигается во многом потому, что фидаи не заботятся о своей безопасности при совершении терактов.

Временные рамки появления современного фидаизма на Ближнем Востоке и в Северной Африке примерно одинаковы. Это связано с национально-освободительной борьбой алжирского и палестинского народов. Необходимо отметить, что первоначально фидаизм был распространен в Северной Африке. Это можно объяснить тем, что в Алжире борьба против французских колонизаторов традиционно велась под исламскими лозунгами: «Алжир – моя родина, ислам – моя вера, мой язык – арабский» [1]. Иная ситуация была в Палестине, где действия фидаев не были заметны на общем фоне, а идеология сил сопротивления опиралась на арабский национализм. Это подтверждает «Хартия Организации Освобождения Палестины», где нет ни одного упоминания об исламе, ни одной цитаты из Корана [2]. Однако после грандиозного поражения арабских стран в войне 1967 года ситуация стала меняться. Военная катастрофа, территориальные потери, сотни тысяч беженцев вызвали сомнения в правильности секулярного развития арабских стран, что дало начало массовому процессу переоценки базовых ценностей. Лидеры движения сопротивления, ориентированные на секулярный национализм, не смогли решить ее военными силами. Это породило уверенность в том, что освобождение Палестины могут осуществить только религиозно мотивированные патриоты.

Новый импульс развития фидаизма дала победа исламской революции в Иране в 1979 году. Идеи имама Хомейни нашли горячих приверженцев во многих арабских странах. Особенно они были популярны в районах проживания шиитского населения. Это объясняется существованием особого «культа мученичества» среди мусульман-шиитов. Наиболее приемлемым для деятельности фидаев стало заявление имама Хомейни о том, что «кровь сильнее меча».

Рассмотренные выше внешнеполитические факторы, несомненно, оказали влияние на развитие фидаизма в арабских странах, но домини-

рующее положение здесь занимают факторы социально-экономического развития отдельных стран. Прежде всего это издержки политики модернизации, характерные для всех арабских стран. Примером тому является Египет, где деятельность исламских экстремистов достигла своего апогея в начале 80-х годов. Политика модернизации привела к разорению огромной массы крестьян, мелких ремесленников, торговцев, которые скопились в городах, пополняя маргинальные слои. Потеряв свое место в обществе, многие потеряли уверенность в завтрашнем дне. Традиционная система ценностей была разрушена, новая представляла собой слепок с системы ценностей Запада, чуждой арабскому миру. Ущемленное национальное самлюбие требовало компенсации. Так как в материальном плане это было невозможно, то она осуществлялась в духовной сфере за счет духовных ценностей ислама, якобы превосходящих западные. Это очень важный момент для понимания феномена фидаизма. Вера в духовное превосходство, в преобладание силы духа над материальной силой, освященная идеей религиозной святости и самопожертвования, приводит к появлению людей, готовых отдать свою жизнь во имя религиозных идеалов. Еще больше усиливает религиозность масс социально-экономическая разочарованность, вызванная крахом надежд на общее благополучие. Этот фактор приводит к отказу от западной системы гуманистических ценностей и порождает «выбор Хомейни», указанный в теории мир-системного анализа Валлерстайна [3].

Неспособность арабских правителей обеспечить обещанное процветание приводит к подрыву доверия ко всем партиям и правительствам, что еще больше усиливает религиозный экстремизм. Более того, постоянным напоминанием об общеарабском кризисе является нерешенная палестинская проблема, затягивание которой служит увеличению политического авторитета экстремистов.

Другим важным фактором является рост урбанизации в странах Северной Африки. Пример стран Ближнего Востока свидетельствует, что религиозный экстремизм имел сильные позиции именно в городских кварталах, где проживало малоимущее население. Это наиболее хорошо видно на примере событий в Иране, Ливане и Палестине. В 1996 году удельный вес городского населения в странах Северной Африки составил 49% [4]. По сути дела, городское население сравнялось с сельским. Наиболее урбанизованными странами являются Алжир, Ливия, Египет. Население городов арабских стран ежегодно увеличивается за счет прибытия сельских жителей. За пять лет, начиная с 1990 года, среднегодовой процент роста городского населения в странах Северной Африки составил 4% [5]. Прогнозы специалистов свидетельствуют, что в середине будущего столетия удельный вес городского населения достигнет в Алжире 73%, в Египте 67, Ливии 92, Тунисе 80% [6]. Рост городского населения сопровождается ростом религиозности горожан, о чем свидетельствует число построенных мечетей. В тот же период в Каире действовало 15 тысяч мечетей, почти 1/3 всех

мечетей Египта [7]. В столице Алжира за эти годы число мечетей увеличилось в девять раз и достигло 5000 [8]. Однако это лишь верхушка айсберга, потому что кроме этих мечетей существуют еще и неофициальные мечети. Такое положение благоприятствует развитию исламского экстремизма и фидаизма. В данный момент в одном только Египте действует более 100 религиозно-политических организаций.

Другой важной чертой, способствующей развитию фидаизма, является наличие в странах Северной Африки большого числа молодых людей в возрасте до 25 лет. Так в Египте, Алжире и Ливии это число достигает 50% от всего числа населения этих стран [9]. События политической жизни арабских стран конца XX столетия свидетельствуют о том, что исламский экстремизм опирается в основном на молодежь и из нее черпает своих приверженцев. Это можно объяснить тем, что чаще всего на молодежи сказываются факторы, вызвавшие к жизни современный фидаизм, – неуверенность в завтрашнем дне, безработица, разрушение прежних духовных ценностей. Важную роль при этом играет склонность молодежи к крайним экстремистским действиям. Этому способствуют неконформизм молодежи и готовность отказаться от всего во имя какой-либо идеи. Так число молодых людей в наиболее известных исламских организациях Египта составило более половины: «Аль-Джихад» – 55%, «Ат-Такфир валь-Хиджра» – 52% [10].

Говоря о прогнозах, о будущем развитии фидаизма, необходимо отметить, что наиболее благоприятной почвой для его развития являются политическая нестабильность и экономические трудности. Эти факторы имеют место во многих арабских странах в конце XX столетия и наверняка будут присутствовать в будущем. Кроме того, городские агломерации будут являться оплотом исламского экстремизма. Однако следует учитывать некоторые нюансы, которые будут сдерживать развитие фидаизма в странах Северной Африки. Прежде всего, это наличие армии, не заинтересованной в установлении исламских порядков. Большая часть буржуазии, связанной с Западом, также не желает усиления исламского экстремизма. Против исламизации и религиозного экстремизма будут выступать различные категории населения, не желающие арабизации. Более того, несмотря на то, что в странах Северной Африки проживает в 2 раза больше мусульман, чем в арабских странах Ближнего Востока, этот регион не станет оплотом исламского экстремизма. Во многом это можно объяснить отсутствием здесь значительного числа мусульман-шиитов, которые являлись «горючим материалом» для религиозного экстремизма на Ближнем Востоке. Вместе с тем хотелось бы отметить, что наилучшей гарантией предотвращения развития фидаизма является стабильность социально-экономического развития арабских стран.

Проблема фидаизма имеет важное значение для будущей политической жизни стран Северной Африки и заслуживает внимания исследователей.

Литература.

1. Ланда Р.Г. История алжирской революции (1954 – 1962). – М.: Наука, 1983. – С. 286.
2. The Palestinian National Covenant. The (as yet unchanged) Charter of the Palestinian Liberation Organization – PLO – < [http:// www.womeningreen.org](http://www.womeningreen.org)>
3. Wallerstein I. The cold War and Third World: The good old days? – N.Y., 1990. – С. 153.
4. Urban agglomerations 1996. – N. Y. UN, 1997. – С. 13.
5. Ibid.
6. Ibid.
7. Игнатенко А.А. Халифы без халифата. – М.: Наука, 1988. –С. 75.
8. Ланда Р.Г. Есть ли будущее у исламского фундаментализма в Алжире? // Восток. – 1993. – № 1. – С. 140.
9. Коровиков А.В. Исламский экстремизм в арабских странах. – М.: Наука, 1990. – С. 83.
10. Ibrahim S. Egypt's Islamic Militants. – MERIP Reports. 1982. vol. 12, № 2. – С. 132.

**СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ:
ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА
И МЕСТО ИСЛАМСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ОБЩЕСТВЕ**

Моральные ценности и связанные с их соблюдением и сохранением общественные нормы, традиции и институты составляют основу каждой из мировых религий, включая ислам. По своей сути моральные ценности основных мировых религий гуманны, однако это не мешало в прошлом, в догражданских обществах под знаменем религии, ее чистоты вести войны, попирая элементарные человеческие права...

С достижением политической независимости во второй половине XX века, в условиях биполярного мира и «холодной войны» в арабских странах Северной Африки сформировалась и утвердилась авторитарная форма власти. Она была представлена в различных вариантах от конституционной монархии (в Марокко) до президентской парламентской республики (в Египте). Для них были характерны различные оттенки и тональности, придававшие власти специфическую и в какой-то степени уникальную конфигурацию от умеренно жесткого светского полувоенного авторитарного режима (в Алжире и Египте) до гибкого просвещенного гражданского авторитаризма (в Тунисе) или умеренно жесткого авторитарно-теократического полувоенного режима (в Ливии).

В этот период, вплоть до 80-х – начала 90-х годов ценности и нормы исламской морали и обслуживающие их институты (официального) ислама оказывали в основном «мягкое» (не носившее характер жесткого императива) влияние как на государственное устройство, так и на всю общественную жизнь. Сложившееся положение стало следствием того, что в одних странах произошло своеобразное, частичное слияние ислама с высшей властью (Марокко, Ливия), представленной довольно разными (скорее, по своей форме, чем по сути) режимами, которые в результате этого слияния в основном поставили мечеть под свой контроль; в других – со светскими режимами (Египет, Тунис, Алжир) – духовенство было поставлено под жесткий контроль государства. Для этого периода были характерны отдельные попытки со стороны режимов или их представителей (президента Египта А.Садата, президента Алжира Ш.Бенджедида, премьер-министра Туниса М.Мзали) заигрывать с мечетью и даже манипулировать ею, используя ее влияние для укрепления своих позиций вплоть до легализации политической деятельности исламских движений и течений, направив ее против оппозиции. Попятно, что в этих условиях нормы и ценности ислама, за от-

дельными исключениями, уже имели разную шкалу значимости для верхней и нижней частей социальной пирамиды. В определенной степени это обозначило достаточно зримо для общественных слоев, движений и политических сил, партий наряду с социальным положением водораздел между вершиной и основанием социальной пирамиды.

Для всех без исключения стран региона в постколониальный период панарабизм, национализм постепенно утрачивают свою привлекательность в шкале моральных и духовных ценностей широких социальных слоев, уступая ведущее место, вытесняясь нормами морали и традициями ислама. Происходит как бы «внутренняя» социализация ислама, являющаяся прологом к его политизации. Что касается политической и деловой элиты, то, напротив, этот процесс для нее не был характерен (некоторое исключение составляет Ливия): ценности и нормы ислама никогда не были системой (по крайней мере, единственной системой) высших ценностей и ориентиров для правящих в странах региона режимов, хотя их исключительная общественная значимость бесспорно признавалась и декларировалась представителями режимов (по-другому, вероятно, и не могло быть). При этом власть отдавала себе отчет в том, что моральные нормы и ценности ислама в жизни подавляющей части общества начинают занимать все большее место (как выражение усиления исламизации общества).

Возникновение и развитие элементов политической демократии, начавшееся в основном в 70-80-е годы, в большинстве стран региона сопровождалось структуризацией и институционализацией исламских образований, течений и групп. Оно шло параллельно с процессами экономической либерализации и социального расслоения в обществе, совпало с периодом бурного демографического роста на фоне замедленного экономического роста. Свои возможности и потенциал этатистская модель общественного и экономического развития к этому времени в значительной мере исчерпала. Одним из многих свидетельств этого стали стабильно низкие темпы экономического роста, разрастание безработицы и в целом «социального дна», принявшая вопиющие формы и масштабы коррупция госаппарата.

Все эти условия способствовали вызреванию и бурному выходу на политическую арену исламистских сил и движений (неофициального ислама) от умеренного до радикального и крайне экстремистского толка, стремившихся легализоваться, конституироваться и занять свое (как правило, лидирующее) место на политической сцене. При этом они главным образом и прежде всего апеллировали к необходимости возрождения, сохранения и укоренения «истинных исламских ценностей и традиций», освященных веками, в особенности узами семейных, кровно-родовых связей, памятью предков... Исламские духовные ценности и традиции стали знаменем практически всех исламистских движений от умеренных до экстремистских. При этом историческая традиция различного, порой диаметрально противоположного их понимания и трактовки отдельными течениями и движениями сохранилась. Наибо-

лее отчетливо это проявляется в трактовке ислама, его ориентиров и ценностей, в практической линии, с одной стороны, умеренного крыла исламских сил, с другой, – радикально настроенных, экстремистских движений и групп.

Однако на раннем этапе «возрождения ислама», т.е. в 70-е – начале 90-х годов, эти различия в трактовке ислама еще не обозначили водораздел между исламом умеренным и радикальным, т.к. в основном и тому, и другому свод исламских моральных ценностей служил неким общественным зеркалом, которое отображало в переходном, претерпевающем модернизацию традиционном обществе пороки и изъяны, неизбежно олицетворявшиеся низами с «власть предержащими». В определенной мере исламские ценности стали неким модулятором общественного мнения, но в руках прежде всего и главным образом всей исламской оппозиции, охватывавшей большую и наиболее активную часть общества.

Захват власти (в Алжире) и волна преобразования североафриканских государств в теократические стали реальной возможностью в конце 80 – начале 90-х годов. Однако эта возможность была реализована лишь в Судане при сохранении своеобразной доминирующей коранической (исламской) традиции в Ливии.

Среди всей группы факторов, предопределивших политизацию ислама, одним из главных является коррупция среди различных эшелонов власти (при ее огромных масштабах и глубине) как концентрированное выражение утраты правящей элитой или ее значительной частью, а с ней и государством, моральных «рулей и ветрил» – ориентиров (в их коранической, исламской форме в понимании низов, исламских групп, движений и партий). Рост коррупции наглядно олицетворял в представлении широкого спектра социальных низов мусульманского общества попрание краеугольных норм исламских ценностей и морали. Коррупция понималась как проявление самых низменных человеческих пороков в крайних их формах, оскверняющих веру.

Также значительна роль в политизации ислама таких факторов, как социальная поляризация общества и глобализация экономического и информационного пространства. Первые (поляризация общества и глобализация экономического пространства) углубляют социальные контрасты, единое информационное пространство привносит западные потребительские и духовные стандарты и нормы, не совместимые в представлении социальных низов с исламскими.

Проблема исламских ценностей, их места в жизни современного арабского (мусульманского) общества как бы попала на стык с особой силой проявляющихся в последние десятилетия («восходящих») противоположных (антагонистических) тенденций общественного развития, усиливая «разломы» (кризис) в общественном развитии.

В связи с этим правомерен вопрос: возможно ли изменение сложившегося положения, которое характеризуется беспрецедентным

столкновением ключевых, судьбоносных тенденций в общественно-политическом развитии, ведущим или могущим привести, как показывают события последних лет и десятилетий, к катастрофическим последствиям?

Во-первых, процессы модернизации, глобализации, расширения информационного пространства и другие не могут быть полностью или надолго заблокированы. В противном случае общество ждет вариант Афганистана, опыт Ирана и Судана также говорит в пользу такой оценки.

Во-вторых, может быть, альтернативой такому варианту является некая гармонизация, хотя бы частичная, этих процессов и тенденций с тенденцией усиления или сохранения если не ведущей, то значительной, исключительной роли исламских ценностей в обществе? Более преуспевающие (саморазвивающиеся) общества в странах-экспортерах углеводородного топлива Персидского залива дают некоторые основания для утвердительного ответа. Но нельзя забывать, что для ближневосточного региона они скорее являются неким исключением, чем правилом, впрочем, далеко не единичным, да и реалии, с которыми они сталкиваются в социальной сфере, не следует идеализировать.

В связи с этим вопросом необходимо отметить следующее. В данной группе стран Персидского залива почти отсутствуют социальные низы, основу социальной пирамиды составляет средний класс (как и в промышленно развитых странах). Экстремизм, терроризм, прикрывающийся знаменем ислама, порожденный афганской войной (точнее говоря, афганской авантюрой) и ближневосточным кризисом, здесь, вероятно, обречен на самоизоляция, хотя пока он и представляет реальную опасность. У «внутреннего» экстремизма здесь нет широкой социальной базы.

В-третьих, «алжирская драма», как и в целом террор под знаменем ислама, не имеющий ничего общего с ценностями одной из наиболее массовых и значимых мировых религий, отталкивают общество от крайних, радикальных движений и течений. Их место постепенно занимают представители умеренного ислама. Эта «большая» перегруппировка пока далека от своего завершения, и ее итоги зависят от многих факторов, в том числе средне- и долгосрочного действия, и прежде всего от того, какое место будет принадлежать истинным религиозным ценностям внутри эволюционирующего многоликого и неоднородного ислама (исламского движения). Но в любом случае обозначился «отлив» части общества от воинствующего, радикального, политизированного ислама. Если эта тенденция будет поддержана позитивными подвижками в экономическом развитии, она может стать доминирующей в арабском обществе, претерпевающим сложную и драматическую эволюцию на рубеже двух тысячелетий. Ключевое значение для ее укрепления имеет поддержка со стороны государства малого и среднего бизнеса, которая может относительно быстро и радикально изменить социальную структуру общества. Такая поддержка даст возможность не только трансформировать социальные низы в массовый средний класс, но и укрепить пошатнувшийся имидж государства,

содействовать перетоку разросшейся государственной бюрократии в предпринимательский пласт, приблизить становление гражданского общества.

Подобный ход развития, возможно, позволит гармонизировать основные векторы модернизации (переходного) арабского общества с истинными (гуманными) ценностями ислама. В центре этой тенденции, такого варианта развития лежат программы поддержки малого и среднего бизнеса в сельском хозяйстве, ремесленном производстве, в сфере услуг и промышленности. При этом особое место в них должно принадлежать современным формам малого и среднего предпринимательства, выполняющим функции лидера.

СЛУЖИТЕЛИ ИСЛАМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ АЛАУИТСКОГО МАРОККО

Спецификой мусульманского государства до сих пор вследствие огромной роли религии в жизни общества является слияние духовного и светского начал, политической администрации и религиозной власти. Марокко представляется не исключением, а ярким примером этого слияния, которое отнюдь не означает бесконфликтного сосуществования этих двух институтов, опиравшихся друг на друга: на протяжении всей истории Дальнего Магриба нередко случалось, что представители мусульманского духовенства входили в противоречия с политикой административного руководства страны. Цель данной работы состоит в том, чтобы проследить политику Марокко и проанализировать роль служителей ислама в этих событиях, их отношение к происходящим в то время переменам к стране. Нижняя граница временного отрезка, рассматриваемого автором, определяется приходом к власти Мухаммада бен Абд ар-Рахмана в 1859 г., а верхняя – 1912 г., вошедшим в историю как год подписания договора о протекторате Франции над Дальним Магрибом. События этого периода, несомненно, имели решающее значение и влияние на последующее развитие страны во всех сферах жизни марокканского общества.

Следует заметить, что марокканский ислам являет собой вечное колебание между пуританской религией грамотной городской буржуазии, придерживавшейся «ортодоксальных» верований, основанных на текстах Корана и Сунны, и вследствие своей грамотности отвергавшей ритуальные излишества и практику посредничества между мусульманином и Аллахом, и насыщенной обрядами религией неграмотных племен, веривших в посредничество суфийских шейхов, мурабитов и шурафа. Каждая из данных ветвей играла немалую роль не только в социальной, но и в политической жизни шерифской империи. Издание фетвы, которая обычно разрабатывалась улама в ответ на запросы султанов, стремившихся всегда соответствовать исламскому закону, было одной из двух наиболее заметных политических задач улама наряду с подписанием бай'ы при воцарении новых султанов. Султаны, в теории, должны были действовать, принимая во внимание декреты улама. По этому поводу кажется интересной мысль Донны Ли Боуэн о том, что улама и султаны обладают разными видами бараки: у последних барака наследственная, от пророка, которая обеспечивает благоденствие государства, а значит, исламской уммы; у первых же иной вид бараки, не передающейся по наследству, – как знато-

ков ислама и толкователей мусульманских текстов. Следовательно, султаны и улама должны работать в тандеме, сообщая, чтобы оба вида бараки дополняли друг друга. На практике так получалось не всегда, хотя султаны обычно открыто не бросали вызов уламу, и наоборот. Отношения между уламом и султаном в предколониальном Марокко строились все же обычно на подчинении первых последнему, частично вследствие исламской традиции, по которой султан имел непререкаемый авторитет, однако, кажется, важнее было понимание улама того, что султаны могли вознаграждать Рями и , как и наказывать. Они могли, например, поощрять улама собственностью и деньгами, оплачивать их хаджи в Мекку. Такие практические соображения препятствовали открытым высказываниям недовольства. Все же фактически в каждом периоде находился «истинный» алим.

В Дальнем Магрибе суфизм был очень распространен, ордены, имевшие в большинстве своем местное происхождение, различались по масштабу, по уровню близости к официальной религии и по другим параметрам. В основном исследователи магрибинского ислама подразделяют их на следующие группы: субрегиональные (такие как Беккайя, Шейхия, Айсава, Керзайя), локальные (Амхауш, Ахансаль, Шаркауя), региональные братства широкого масштаба (Насирийя, Даркауийя, Тиджанийя), а орден Кадийя, например, имел своих адептов по всему мусульманскому миру. И по сей день источник духовной мощи ассоциируется с орденами. Невозможно провести четкое различие между орденами и культом святого, так как сами уалийя тоже состоят в орденах.

Мурабиты известны в Дальнем Магрибе с первых веков его арабо-исламской истории. Ими были и первые миссионеры ислама в Магрибе, как основатель Феса, легендарный Мулай Идрис, и присвоившие себе духовную, религиозную власть в том или ином регионе члены доисламского общества. Нужно заметить, что мурабиты пользовались большой популярностью и имели огромное влияние в труднодоступных для центральных правителей и удаленных от имперских столиц и воздействия «официального» ислама регионах, где они зачастую сосредотачивали в своих руках огромную духовную и светскую власть. До конца девятнадцатого столетия мурабитизм являлся фактически преобладающей формой и сельского, и городского ислама повсюду в Северной Африке, активизирующей социальные связи и расширяющей обычные экономические, социальные и административные границы. Это можно объяснить тем, что мурабиты, основываясь на местных традициях и культах племен, примиряли ислам и традиционные обряды сельского населения, которое к концу XIX века составляло около 95% населения страны. К тому же сфера священного в мурабитическом культе была открыта для женщины (женщины-святые наибольшей популярностью пользовались в восточном Марокко), что способствовало увеличению числа его приверженцев. Мурабитизм, как и суфизм, восполнял вакуум в социокультурной жизни страны, который по культурно-цивилизационным причинам не могли заполнить улама. Чаще всего власть мурабитов являлась наследственной благодаря идее о возможности наследования бараки,

поэтому, располагаясь на территории крупных племенных союзов, кланы мурабитов осуществляли в большинстве случаев благотворное сплочение родов и племен. Мурабиты обладали и достаточным политическим влиянием в Дальнем Магрибе: именно мурабиты помогли представителям сначала Саадидской, а позже Алаутитской династий прийти к власти, в то же время не забыв оговорить собственную региональную автономию; султанам такое положение было выгодно тем, что через местных, локальных мурабитов, популярных среди берберского сельского населения, они могли рассчитывать на поддержку своей власти; когда влияние мурабитов становилось реальной или потенциальной угрозой власти махзена, сутаны умело управлялись с негодными.

«Популярная» религия не была исключительно сельским явлением, распространяясь также и на городскую бедноту, многие улама были суфиями, считая свои ордены не противоположными, а дополняющими «ортодоксальную» религию. Дело в том, что на протяжении нового времени улама абстрагировались от актуальных вопросов повседневной жизни уммы, в силу своей немногочисленности и достаточной замкнутости служители «официального» ислама не оказывали сильного воздействия на социально-культурную жизнь марокканцев. Поэтому, хотя многие улама и относились к суфизму и мурабитизму с пренебрежением и высокомерием, все же в XIX веке около 25% улама состояли в братствах, правда, в достаточно «ортодоксальных», интеллектуальных, преимущественно городских, таких как Тиджанийя и Тайбанийя. Конечно, наряду с такими «интеллектуальными» орденами, члены которых проповедовали единение с Аллахом путем духовных упражнений, существовали и более «популярные», менее «ортодоксальные» братства, критиковавшиеся большинством улама, такие как Айсауа и Хмадша, делавшие акцент на упрощенные способы приближения к божественной истине путем самоистязания, частой рецитации магических формул и буйных зикров. Чаще всего они находили своих сторонников среди сельского населения, горных племен, но имели своими адептами и представителей городской плебса. Существовало даже некоторое количество суфийских университетов, например, завийя Уаззан от ордена Уаззанийя или завийя Тамгурт от ордена Насирийя, в которых учились многие знаменитые улама. Некоторые улама периодически осуждали суфизм в общем. Прямое осуждение почитания святых, однако, было чрезвычайно редко в Марокко до 1920-х годов. В конце XIX – начале XX столетия подавляющее большинство улама Дальнего Магриба продолжало считать почитание святых неотъемлемой частью ислама.

Так, в Марокко имеет место удивительно тесное смешение всех ветвей религии, каждая из которых заслуживает права называться служителями ислама и каждая из которых играла достаточно большую роль в политической жизни страны. И если представители «официального» ислама участвовали в политике, в основном используя цивилизованные методы, то несогласие с государственной политикой представителей «народного»

ислама выражалось в племенных и городских восстаниях. В работе автор попытается осветить оба явления.

Среди мусульманских государств Марокко отличалось высокой степенью сохранности средневековых черт исламского духовно-политического комплекса, оберегаемого от иностранных веяний, и наибольшей «сопротивляемостью» любым религиозным новшествам. Марокко считалось замкнутой, закрытой страной, особенно для европейцев, а его правители традиционно являлись поборниками «ортодоксального» ислама. Султаны Марокко до середины XIX века, прислушиваясь к мнению улама, шли даже на экономические контакты с иноземцами очень редко и неохотно. Такую нелюбовь и даже ненависть к иностранцам можно объяснить памятью марокканского народа к иноземцам, которые из века в век приходили лишь с оружием в руках, с чуждой религией и неуважением к исламу. Легкое завоевание Европой Туниса, Египта и Алжира, разгром марокканских войск на реке Исли (в августе 1844 г.) вызвало в Дальнем Магрибе огромные опасения. В Марокко при поражении от христиан разразились внутренние восстания, инспирировавшиеся местными мурабитами: племя рахамиа восстало в пригороде Марракеша, грабя рынки и путешественников, и оставило весь город без запаса зерна. Султан Мухаммад IV (1859-1873) не мог немедленно помочь южной столице из-за другого восстания на севере, также связанного с поражением 1860 г. Восстание на севере произошло в области Курт к югу от Уаззана. Его лидер, аль-Джилани аль-Ружи, объявил себя святым: при потере доверия к правительству этого было достаточно, чтобы собрать вокруг себя группу единомышленников. Восстание длилось до февраля 1862 г. (как и на юге), когда армия султана усмирила верхушку восставших, аль-Джилани же был убит в завийи Мулай Идриса на горе Захрун.

Если сражение при Исли демонстрировало военную слабость Марокко против Европы, то война с Испанией в 1860 г. и ее последствия показали, что независимость Марокко могла быть сохранена, только пока европейские державы не договорились о разделе и проверяли амбиции друг друга. Внутренний суверенитет султана к этому времени уже был поставлен под угрозу независимыми действиями религиозных местных лидеров. Очень заметной фигурой в этот период становится шериф Уаззана, шейх Таийбийи, практически независимый от султана, признававшийся главой теократического княжества. Султан вынужден был признать его власть, чтобы сохранить хоть некоторый косвенный контроль над непослушными племенами в регионах около Танжера и Сеуты. Французы установили более тесные контакты с орденом Уаззанийя в Танжере, и в 1884 г. шейх Уаззанийи признавался под защитой французских властей, сотрудничая с ними.

Марокко, казалось, находилось на пути к возрождению в годы правления Мулай Хасана (1873-1894). Этот султан понял причины снижения внутреннего и внешнего авторитета правительства и разработал программу реформ, предназначенных для устранения этих причин и централизации страны. Хасан I старался изо всех сил сдерживать даже экономи-

ческую экспансию европейских держав. После смерти Хасана I трон достался мальчику четырнадцати лет, его регент Ба Ахмад объявил султаном мальчика без совета с улама. Этим шагом он вызвал противодействия сторонников старшего сына Мулай Хасана, поддерживаемого великим визирем умершего султана аль-Джамма, племенами санхаджа региона Тадия и южным племенем рахамна, но Ба Ахмад благодаря своему опыту смог уберечь власть и авторитет Абд аль-Азиза. Правление султана Абд аль-Азиза бен Хасана можно разделить на два периода: с 1894 по 1900 гг., когда он правил при своем регенте Ба Ахмаде, который продолжал политический курс, заданный Хасаном I, и с 1900 по 1908 гг., когда 22-летний молодой человек попал под влияние иностранных советников. Ссылаясь на близкие отношения султана со своим британским советником, Гарри МакЛином, некоторые марокканцы злословили, утверждая, что Абд аль-Азиз сын не Хасана I, а МакЛина, и называли его христианином, укоряя султана тем самым за проевропейскую политику. Неудачи в противостоянии французской агрессии и окружение султана европейскими советниками давало возможность марокканцам утверждать, что Мулай Абд аль-Азиз продавал страну христианам. Абд аль-Азиз был полон решимости проводить необходимые реформы, но он был слишком молод, неопытен и порывист, чтобы справиться с давлением и влиянием сильных противостоящих сил вокруг него, в такой ситуации он был не способен проводить какую-либо последовательную политику.

После того, как Декласс стал министром иностранных дел в 1898 г., французская политика проникновения стала более агрессивной, настроенной на торможение правительственных реформ в Марокко, англичане же убеждали сутана заняться преобразованием администрации и системы налогообложения, но они не были готовы предоставить материальную помощь. В то же время консерваторы среди марокканцев, как, например, великий визирь Фаддл Гарнит, расценивали любые попытки модернизации как подрыв традиционных ценностей марокканского общества. Кроме того, немало европейских авантюристов, многие из которых появились в Марокко благодаря интересу Мулай Хасана к европейским техническим новинкам, наживались на чрезмерной страсти молодого султана к современным новинкам, выкачивая из него деньги, что отрицательно сказывалось на его авторитете и все больше сокращало государственные доходы. Затруднительное положение Абд аль-Азиза усугубилось случаем, связанным с убийством британского миссионера Купера 17 октября 1902 г., который оскорбил своим присутствием (как неверный) завийу Мулая Идриса II в Фесе. Убийца мог воспользоваться правом религиозных святых мест укрывать преступников (хорм), но султан вызвал его во дворец и, несмотря на то, что убийца прибыл к нему в сопровождении заступников и шурафа идрисидской завийи, султан расправился с ним в присутствии нескольких представителей британского консульства. С точки зрения сохранения международного согласия с англичанами, при немалом участии которых Марокко удавалось сохранять независимость на протяжении всего XIX

века, Абд аль-Азиз, скорее всего, действовал рационально. Мусульмане Дальнего Магриба, однако, видели инцидент с другой стороны: они считали, что христианин, нарушивший святость Мулай Идриса, заслуживал кары, и что султан нарушил эту святую обязанность, убив человека, ставшего на защиту священного места. Проблема отношения султанов к праву религиозных мест укрывать преступников, спасавшихся от правительственного суда, существовала еще со времен правления Мулай Слимана. Находившийся под властью ваххабитских идей, этот султан выступал против суфийских братств и старался запретить практику хорма. К недовольствию большинства улама и других служителей ислама Абд аль-Азиз возобновил политику своего предка в этой области. Расправа над убийцей английского миссионера вызвала волнения племен Среднего Атласа санхаджи и джбала (регион Уаззана), продолженные в 1903 г. Джилали бен Идрисом аль-Зархуни, обычно называемым Бу Хмара, объявившим себя шерифом и новоявленным махди, пытавшимся выдать себя за старшего брата султана Мухаммада, оставшегося без трона. Начав свое выступление с Уджды, он поднял восточные районы и Средний Атлас против султана. Бу Хмара, чье прозвище переводится с марокканского как «хозяин ослицы», был всего лишь одним из множества сельских не слишком грамотных людей, которые появлялись, чтобы заполнить вакуум, оставленный властью, слыли мурабитами и заявляли о своем стремлении вести святую войну против неверных. Следует заметить, что недовольство улама сыграло немалую роль в успехах начальной стадии движения Бу Хмара; многие улама первоначально сочувствовали ему, некоторые из них даже видели его предвестником махди, если не самим махди. Однако Абд аль-Азиз достаточно легко добился от улама Феса выпуска фетвы, осуждающей восстание Бу Хмара.

Все же внутренняя политическая фрагментация увеличилась с момента начала восстания Джилали, расширившего свое влияние севернее от Уджды и обосновавшегося в Селуане. На западе шериф Ахмад бен Мухаммад аль-Райсуни в качестве религиозного лидера сплотил вокруг себя племя джбала к югу от Танжера, его действия главным образом были направлены против христиан. В мае 1904 г. Райсуни выкрал в Танжере богатого греко-американца и его зятя, потребовав за их освобождение большой выкуп и назначение его правителем района. Он получил то, чего требовал, но продолжал бороться с засильем иноверцев на своей территории путем захвата заложников (интересно, что в числе его пленников побывал и знаменитый Гарри МакЛин, военный советник султана, за которого был запрошен выкуп в размере 20 тыс. фунтов стерлингов); усмирить Райсуни удалось только при окончательном установлении там господства испанцев.

Какова была политическая роль улама Феса, религиозной и политической столицы, перед лицом европейской угрозы при правлении Мулай Абд аль-Азиза? В основном все исследователи этой проблематики сходятся во мнении, что большинство улама было традиционно относительно

послушно правительству султана, но при этом замечают, что они стали политически более активны в последние годы правления Абд аль-Азиза, когда Марокко отчаянно боролось против установления французского колониализма. Некоторые улама осудили занятие французами Туатского оазиса в 1900 г., однако никаких реальных действий они не предпринимали. Многие улама критиковали султана за введение некоранического налога в 1901 г., который устранил традиционное освобождение шурафа от налогов: султан отменил наibu (не твердо установленный налог для племен, не предоставлявших махзену обязательную военную помощь) и закят, а ввел тертиб для всего населения, который должен был собираться специальными агентами, а не каидами, чересчур злоупотреблявшими своим положением. Консервативные мусульманские группы резонно оправдывали свой отказ платить противоречащие исламскому закону налоги, ссылаясь на то, что султан тратил государственный доход на ненужные и вредные прихоти и развлечения, которыми его обеспечивали европейцы по непомерным ценам.

Но необдуманные реформы Абд аль-Азиза, к тому же ущемлявшие права улама, не побудили их восстать против султана и его проевропейской политики. Улама редко действовали как организованная, сплоченная группа, каждого из них волновали свои интересы. Но Клиффорд Гиртц утверждает, что в 1904-1905 гг. «решительные коллективные действия фесских улама позволили правительству бросить вызов предложенным Францией реформам». Он ссылается здесь на множество важных событий, начинающихся с англо-французского соглашения от 8 апреля 1904 г. Французы воспользовались преимуществом их нового дружеского соглашения с Великобританией, чтобы вынудить султана согласиться на новые ссуды и ряд, других «реформ», которые дали Франции контроль в области экономики, армии и полиции и воспринимавшиеся марокканцами как предзнаменование прямого французского правления. В начале октября 1904 г., султан созвал «меджлис аль-айан» или «совет нотаблей», чтобы обсудить французские требования. Клиффорд Гиртц рассматривает это событие как выражение серьезных намерений улама противостоять давлению, однако, сам он обращает внимание, что большинство участников меджлиса составляли торговцы и светские лица, улама же представляли в нем незначительное меньшинство. Меджлис даже не был непосредственно вовлечен в переговоры 1905 г., так как французы отказались от предложения Абд аль-Азиза обсуждать их требования с меджлисом, считая это предложение уловкой, предназначенной для того, чтобы позволить султану перенести ответственность за несговорчивость непосредственно на совет, который, по их мнению (причем небеспошвенному), не обладал реальной политической властью, являясь лишь отголоском султана, поддерживая и равняясь во всех решениях на него. Правдоподобие этого предположения демонстрируется тем фактом, что после того, как султан побудил совет требовать созыва международной конференции, чтобы обсудить французские планы относительно Марокко (веря, что Германия,

поддержкой которой он заручился, сумеет отклонить их), он никогда больше не консультировался с меджлисом, не попросив даже одобрить Альхесирасский акт 1906 г. — результат желанной конференции, не принесшей никаких положительных результатов и не защитившей страну от Франции. Следовательно, бессмысленно говорить о созыве совета как совещательного органа на пути демократизации политического курса, а уместнее расценивать меджлис как орудие султана для достижения определенной цели. Немецкое давление (немецкий министр иностранных дел 2 января 1905 г. и кайзер во время своего посещения Марокко в марте 1905 г. уверяли султана, что Германия поддержит его сопротивление французам), а не мнения совета нотаблей или улама Феса побудило Мулай Абд аль-Азиза противиться французским предложениям реформ.

Меджлис султана, однако, включал, по крайней мере, одного ученого, который был определенно больше, чем марионетка дворца, говорившая то, что хотел слышать султан, это был аль-Каттани. Его роль в событиях 1904-1909 гг. часто рассматривается как отражение активности улама вообще, хотя нужно отметить, что он не являлся типичным религиозным деятелем того периода. Улама Феса даже пробовали обвинить его в ереси в 1896-1897 гг., как обвиняли Ибн Тумарта альморавидские улама в двенадцатом столетии. Среди обвинений, выдвигаемых против него, наряду с доктринальными отклонениями ему приписывали стремление свергнуть Абд аль-Азиза, хотя, в конечном счете, это обвинение было снято. Сын аль-Каттани и его агиографы утверждают, что улама старались осудить его из зависти к тому, что его уважали люди всех социальных страт, и потому что новый орден Каттанийя, шейхом которого он являлся, привлекал к себе адептов других суфийских братств. Другим поводом, возможно, являлось то, что, подобно большинству ученых, которые иллюстрировали собой идеал праведного человека, аль-Каттани часто критиковал улама за их чрезмерную озабоченность собственными интересами, преобладающую над их обязанностями слугителей ислама.

Таким образом, отношения между улама и аль-Каттани были напряженными: хотя некоторые улама, в конечном счете, стали даже его последователями, все же в основном враждебность к нему осталась. Аль-Каттани воплотил идеал праведного алима в большей степени, чем любой из его современников, чем можно объяснить и его популярность как политического деятеля. Он проповедовал среди берберских племен, бедных ремесленников и заключенных, которые и стали его главными и самыми многочисленными сторонниками, призывая их присоединиться к его суфийскому ордену и жить праведно, по законам Аллаха во всех аспектах жизни. Аль-Каттани утверждал, что христиане осмелились на порабощение Дальнего Магриба потому, что улама больше не старались нести людям знания и обучать их правильной религии, перестали служить примерами для мусульман, которые, в свою очередь, вообще стали пренебрегать их верой и подражать христианам. «Как они могли не нанести нам поражение, когда мы забыли пути нашего пророка и заполнили наше вре-

мы их делами, их машинами (механизмами), их товарами, их пустяками, их новинками?» Это стало лейтмотивом движения фундаментализма XX века. Аль-Каттани запретил питье чая членам Каттанийи, потому что его производство и импорт осуществлялись европейцами. Он и его последователи обвиняли евреев Марокко в вовлечении европейцев во внутренние дела Дальнего Магриба: угрожая еврейским торговцам на рынках, они вынуждали их укрываться в еврейских кварталах.

Несмотря на то, что он являлся суфийским шейхом, многое из сказанного им (например, призыв к возвращению к истинному исламу времен пророка для преодоления европейского империализма) перекликалось с идеями возникающего в то время Салафийского движения. Привлекательность националистских и реформистских идей увеличивалась широко распространенной верой в его бараку, обладание которой признавалось даже его недоброжелателями. Он уважался как святой человек неграмотными ремесленниками и образованными соратниками. В отличие от большинства улама его времени он обычно укрывал свое лицо, как это делали во времена Альморавидов, что увеличивало ауру святости и тайны, которая окружала его. Всюду люди стремились получить хотя часть его бараки, в некоторых случаях даже целуя копыта его мула. Сын аль-Каттани утверждал, что никто не уходил от него, не увидев чуда.

Аль-Каттани отличался от большинства улама своей готовностью бросить вызов правящему султану. Этот вызов, однако, последовал за годами послушания и терпения. Аль-Каттани был оправдан в обвинениях, выдвинутых против него в 1897 г. благодаря вмешательству известного суфийского шейха Ма аль-Айнина, который объяснял, что все, кто выступал против аль-Каттани, просто не понимали его. В течение следующих семи лет аль-Каттани пользовался покровительством султана, который прибегал к его советам и помощи в умиротворении непослушных племен. В 1903 г. Мулай Абд аль-Азиз оплатил его паломничество в Мекку; огромные восторженные толпы приветствовали его во всех городах и деревнях, где он останавливался во время своего хаджа, из которого он возвратился летом 1904 г. Он считался лидером оппозиции французским требованиям и неоднократно старался убедить Абд аль-Азиза отклонить предложения Франции. Он выступал против разрешения приезда большого количества христиан (так называли европейцев вообще) в порты Марокко, мотивируя свое мнение тем, что, обосновавшись в Касабланке, они принесли свой уклад жизни в эти земли, считая их уже своими, и проявляли полное неуважение к исламу. Халифы прошлого никогда не искали помощи у неверных, и аль-Каттани просил султана не изменять традициям. Французские предложения противоречили Корану и Сунне и, по мнению мудрого алима, должны были быть отклонены. В феврале 1905 г. он призвал к джихаду против французов.

Не аль Каттани, а кайзер Вильгельм II в конечном итоге побудил султана Абд аль-Азиза отклонить французские требования до тех пор, пока они не будут одобрены международной конференцией: аль-Каттани

услышал об этом плане от султана и согласился с ним, тем самым укрепив султана в идее его целесообразности. Он предложил провести конференцию в Фесе, но султан отклонил его предложение в пользу ее проведения в Испании. Альхесирасский акт продемонстрировал слабость международных позиций Германии, которая фактически уступала Франции Марокко, и слабость улама во главе с аль-Каттани, безуспешно старавшихся убедить султана не подписывать это соглашение: 18 июня 1906 г. султан подписал документ, по которому христианам открывалась дорога к порабощению мусульман Дальнего Магриба. После того, как французы заняли Касабланку, и меньше чем через шесть месяцев после занятия ими северо-восточного города Уджды, Абд аль-Азиз послал своего визиря (МИД или морского) на встречу с улама и нотаблями Феса, чтобы оправдать неудачу правительства против иностранной агрессии. После выступления министра только аль-Каттани посмел бросить ему (и, соответственно, султану) вызов, публично поддержанный лишь одним алимом, факихом аль-Санхаджи, все остальные же промолчали.

Утром от 16 августа 1907 г. брат султана Абд аль-Хафид созвал встречу марракешской элиты, включая улама, шурафа, торговцев и кайдов (глав племен), где высказался в том смысле, что христиане занимают марокканские города, и никто в Марокко не поднялся, чтобы защитить своих мусульманских братьев, что противоречит Корану и исламской традиции и что волнует и тревожит его, не только как мусульманина, но как потомка пророка; поэтому он предложил выбрать другого кандидата из числа шурафа, который бы взял в свои руки правление и защиту государства от неверных. Один из собравшихся предложил, чтобы аль-Хафид непосредственно и был выбран как «султан джихада». Был подписан документ о смещении Абд аль-Азиза и бай'а Абд аль-Хафиду, новому имаму. Текст бай'ы подчеркнул классическую схему условного и договорного характера халифата: «Законность имамата основана на [следующих] условиях, без соблюдения которых он прекращает существовать: правосудие, знание, благоразумие..., которые способствуют внутреннему управлению, и храбрость, означающая защиту земли ислама и священную войну против врага; ...когда эти условия не выполняются, человек не может управлять. И если он – уже правитель, он должен быть смещен. Тексты относительно этого в Коране и хадисы на эту тему известны каждому, В этом не имеется никаких разногласий или сомнений.»

В некотором смысле Абд аль-Хафид не имел возможности выбора другой позиции по отношению к своему брату, кроме оппозиционной, потому что население Марракеша и вообще юга, меньше контактируя с европейцами, чем северные марокканцы, переоценивали способность марокканцев противиться европейскому проникновению, к тому же они были крайне недовольны подобострастным отношением их султана ко всему европейскому. Еще большие волнения охватили юг Дальнего Магриба после подписания соглашения 1904 г. Абд аль-Хафид должен был считаться с общественным мнением, к тому же он опасался новых волнений.

В августе 1907 г., когда окончательно выяснились планы Франции в Марокко и полная неспособность султана Абд аль-Азиза предотвратить их реализацию, его брат при активной поддержке племен глауи и рахампа восстал против него. Абд аль-Азиз, опасаясь за свою жизнь, сбежал из Феса в Рабат под защиту французов. Часто считают, что улама играли главную роль в этом восстании, которое и изображается как иллюстрация надлежащей политической роли религиозных деятелей ислама в отношениях с султаном. Фактически же улама не начинали восстание, большинство из них только вынужденно поддержало его. Восстание, таким образом, демонстрирует не активность, а пассивность большинства улама даже в ситуации, когда их страна постепенно колонизировалась неверными европейцами. Роль улама в написании и обнародовании бай'и также была незначительна, так как это было начато аль-Мадани аль-Глауи и другими могущественными южными каидами, которые, в свою очередь, были поддержаны немцами. Первым алимом, подписавшим бай'ю, был Мулай Мустафа аль-Алауи, главный судья Марракеша и член королевского семейства, и то, как свидетельствуют многочисленные источники, под угрозой со стороны аль-Глауи. Интересен тот факт, что некоторые улама пробовали избежать подтверждения «революционной» бай'и, уезжая на время из города. Таким образом, ясно, что улама не начинали смещение Абд аль-Азиза, хотя нельзя отрицать, что некоторые из них, особенно в Марракеше, сочувствовали восстанию. Их роль в этих событиях была пассивной по многим причинам. Некоторых страшила просто сама идея свержения «тени Аллаха»; независимо от того, что он сделал или не сумел сделать, принцип абсолютного подчинения султану продолжал преобладать в умах многих. Важно, что поведение улама в 1907 г. прежде всего диктовалось опасением, страхом, а не какими-либо принципами. Гибкость улама, основанная именно на страхе, иллюстрируется тем фактом, что несколькими днями позже подписания бай'и Абд аль-Хафиду в Марракеше, Абд аль-Азиз смог заставить двадцать семь видных улама Феса выпустить фетву, вновь подтверждающую законность его правления и незаконность восстания своего брата. Правда, султан привез этих почтенных ученых, чтобы написать и подписать данный декрет, в свой дворец ночью и велел, несмотря на просьбы отложить эту процедуру, дабы лучше разобраться в деле, немедленно все закончить, не отпуская никого из своей резиденции. Так, несмотря на тот факт, что многие фесские улама сочувствовали восстанию против Абд аль-Азиза, они написали и подписали фетву, отрицающую законность восстания, такую же, как несколькими годами ранее относительно восстания Бу Хмара. Пребывая во дворце султана под стражей, улама Феса (включая аль-Каттани) также подтвердили официальную версию французов и махзена о том, что Франция действительно вообще не вторгалась на мусульманскую территорию: если они занимают в этот момент некоторые пункты на границах, то, согласно их собственным декларациям, только для осуществления их права на получение репараций за убийства их подданных и для защиты других иностранцев, живущих в

стране. Таким образом, было установлено, что мусульманская земля не была захвачена, следовательно, в фетве говорилось о недопустимости каких-либо изменений в существующем состоянии дел, особенно восстаний против султана под знаменами незаконного мятежника, воспользовавшегося неосведомленностью масс. Улама, вынужденные написать этот документ, также отмечали, что только законный султан имел право объявить джихад, который он объявит, лишь уверившись в достаточной для победы силе мусульман.

Что касается случая смещения Абд аль-Азиза и бай'ы Абд аль-Хафиду в январе 1908 г., улама Феса опять же действовали скорее под давлением, чем по собственной воле. На сей раз, давление исходило от толп возмущенных крестьян, ремесленников и городской бедноты. 15 декабря 1907 г. они подняли восстание в Фесе, отказываясь платить рыночный налог, установленный Абд аль-Азизом, громя хранилища налоговых доходов, магазины, французские почтовые отделения и правительственные здания. Толпы также пробовали ограбить еврейский квартал, но его ворота успели заранее предусмотрительно закрыть его осторожные обитатели. После двух дней этих беспорядков торговцам удалось восстановить порядок посредством временной милиции, укомплектованной из их же работников. Армия султана отсутствовала, оставив Фес в сентябре, когда Абд аль-Азиз решил, что он будет в большей безопасности в Рабате, при непосредственной близости французских отрядов и судов. Именно в этой напряженной обстановке улама Феса согласились формально утвердить аль-Хафиду и подписать бай'ю, поклявшись ему в преданности. Взволнованная толпа из двадцати тысяч человек сопровождала некоторых наиболее видных улама к мечети и университету Аль-Карауийин. Следовательно, в данном случае воля улама была подчинена скорее грубой силе народа, нежели султана или каидов.

Отличительной особенностью фесской бай'ы было то, что преданность новому султану признавалась лишь при его принятии множества определенных условий, в том числе особенно: освобождение территорий, занятых Францией; устранение всякого европейского вмешательства в марокканские дела; обязанность консультироваться с уммой относительно переговоров с иностранными державами; устранение некоранических налогов; защита традиционных прерогатив улама и шурафа и общего возрождения принципов ислама. При всех условностях и недейственности бай'ы все же ни один из таких договоров ранее не включал в себя так много явных условий, сокращавших власть правителя. Некоторые из улама и нотаблей даже были против столь резкого ограничения полномочий султана, признавая, что это радикальное новшество в марокканской истории превращает абстрактный идеал договорной основы халифата в конкретную действительность. Таким образом, январскую бай'ю 1908 г. можно считать первым шагом к конституционной монархии, естественно, при условии, что ее пункты были бы соблюдаемы. Текст бай'ы проектировался Ахмадом Абд аль-Вахидом при содействии аль-Каттани, который старался

привязать условия договора к интересам всего мусульманского сообщества Марокко, за что он и поплатился: группу улама, приехавших в Мекнес, чтобы поздравить Мулай Абд аль-Хафида с восшествием на трон, в течение нескольких дней даже не пускали к султану, который был страшно рассержен и оскорблен условиями договора, по его словам, растворявшими его власть и препятствовавшими его управлению страной; растерявшиеся и испуганные гневом султана улама поспешили взвалить всю ответственность за этот документ на аль-Каттани, который якобы заставил их подписать бай'ю – это еще раз иллюстрирует призрачность реальной власти улама по отношению к султану.

В течение зимы и весны 1908 г. аль-Каттани, в отсутствие прежнего и нового султанов, возглавив революционный комитет из его сторонников-улама и представителей окрестностей города, играл важнейшую роль в Фесе. Эта группа вымогала большие суммы денег от семейств должностных лиц, служивших Абд аль-Азизу, и арестовала нескольких сторонников последнего. Совет также закрыл иностранные почтовые отделения города и бордели. Однако власть аль-Каттани в городе закончилась с прибытием в Фес Мулай аль-Хафида в июне 1908 г.

В течение оставшейся части 1908 г. и в начале 1909 г. отношения между аль-Каттани и султаном все более и более обостряются. Некоторые историки утверждают, что источником их разногласий было неприятие Абд аль-Хафидом суфийского ордена аль-Каттани и его суфийских методов, на что последний отвечал резко и предлагал султану ради чистоты ислама для начала отказаться не только от еретических тарикатов, но прежде всего от чрезмерной роскоши и потребления алкоголя. Хотя нужно заметить, что при сочувствии аль-Хафида к движению Салафийа все же он тоже принадлежал к суфийскому ордену, так что рассмотрение конфликта между аль-Каттани и султаном только с данной позиции не выдерживает критики. Французские источники иногда изображают столкновение между этими двумя людьми как соревнование за трон и иллюстрацию той напряженности, которая часто существовала между идрисидскими и алауитскими шурафа. Однако нет никаких очевидных свидетельств и высказываний аль-Каттани, подтверждавших его желание быть султаном или его приверженность той идее, что идрисидские шурафа имеют большее право на власть, – для этого он был слишком умным и праведным алимом. Его враждебность правильнее объяснить именно в разочаровании «султаном джихада», не выполнившим ни одного из условий бай'ы, не прибавившим денег в казну, не усилившим армию и, самое главное, неспособным противостоять христианской Франции, зато осуждавшим суфизм, который приносил гораздо меньше бед и проблем Марокко.

Весной 1909 г. аль-Каттани уехал из Феса в горы Среднего Атласа, где надеялся начать восстание против Абд аль-Хафида и святую войну против французов. Солдаты захватили аль-Каттани и его семейство и в цепях вернули в Фес. Султан приказал запороть его до смерти и похоронил тайком среди ночи, опасаясь новых восстаний при общественных по-

хоронах уважаемого алима. Принимая во внимание сложные вышеизложенные отношения аль-Каттани с другими улама и их марионеточную роль при реальной власти, неудивительно, что никто из них не сделал попытки предотвратить его смерть или хотя бы возмутиться его убийством. Он умер совсем молодым – приблизительно в возрасте тридцати пяти лет, и все же он достиг наибольшего влияния по сравнению с его современниками.

В это время на юге ситуация усложнилась вторжением мавританского лидера аль-Хибы. Его отец, известный сахарский шейх Ма аль-Айнан в начале XIX столетия признал зависимость северо-западной Мавритании от марокканского султана и с помощью марокканцев готовил сопротивление французской агрессии в Мавритании. Этот ученый пользовался большим уважением марокканских улама и протекционизмом султанов (и Хасана I, и двух его правивших сыновей, которые прислушивались к его советам). Он ратовал за очищение ислама от культов (и сыграл не последнюю роль в осуждении Каттанийского ордена во главе с Мухаммадом бен Абд аль-Кабиром аль-Каттани), членами его суфийского ордена являлись средние и высшие правительственные чины. После Альхесирасской конференции французы смогли повлиять на Мулай Абд аль-Азиза, чтобы разорвать его связи с мавританским лидером. Ма аль-Айнан тогда поддерживал Абд аль-Хафида. Но так как этот султан доказал свою неспособность противостоять французам, Ма аль-Айнан объявил себя султаном в начале 1910 г., объяснив свое решение обязанностью освободить мусульман от христианского нашествия. Он направил свои войска в Марокко весной 1910 г., но был быстро разбит французскими силами, ушел на юг и умер в октябре 1910г. в Тизните.

Выступление аль-Хибы прошло в том же самом духе признания единства Марокко и Мавритании под властью одного мусульманского правителя. И ввиду неспособности Алауитов сопротивляться «неверным» аль-Хиба считался защитником веры. Объявив себя султаном в Тизните в мае 1912 г., по прошествии месяца после подписания соглашения в Фесе он был на пути к Марракешу. Шериф, суфий Ахмад аль-Хиба утверждал, что он является махди. Многие из его сторонников и последователей верили в это. Он приобрел поддержку народа не только благодаря объявлению джихада французам, он выражал намерение устранить могущественных каидов, которые своей жесткой политикой вызывали недовольство многих марокканцев. Аль-Хиба был известен как пуританин, ревностно следивший за четким следованием предписаниям Корана. В умах простых людей существовала вера в его способность творить чудеса: благодаря его сильной бараке, по мнению марокканцев, почва долины Суса после неурожая многих последних лет стала плодородной. Также в народе ходили истории о том, что все пушечные ядра врагов аль-Хибы превращались в арбузы, все боеприпасы и провизия каидов, не желавших поддерживать аль-Хибу внезапно исчезали. Люди верили, что у аль-Хибы есть мешок ячменя, который никогда не оказывается пустым вне зависимости

от того, сколько народу он кормит из него. Такой была барака человека, который собирался выгнать европейцев из Дальнего Магриба. Крикуны на южных рынках пророчили тем, кто не присоединится к святой войне аль-Хибы, вечные муки в аду.

В области при Марракеше к тому времени племя глауи обладало реальной властью. После довольно оскорбительного отношения султана Абд аль-Азиза и его окружения к Мадани аль-Глауи, последний поддерживал тесные отношения с Абд аль-Хафидом, который после прихода к власти вознаградил его, сделав военным министром и даже на некоторое время великим визирем. За те три года, в течение которых Мадани аль-Глауи был под покровительством султана, он объединил юг под своей властью: поставил своего брата пашой Марракеша, назначил своего зятя кайдом союза племен в Высоком Атласе, не забыв и про других родственников и знакомых, предложив им значительные должности. Казалось, в Марокко появилась достаточно сильная арабско-берберская конфедерация, скрепившаяся и браками двух сторон, но в 1911 г. Абд аль-Хафид под давлением Франции разорвал отношения с Мадани при помощи племени мтуги, назначив одного из людей этого племени пашой Марракеша. Смещения Мадани с официальных постов было не достаточно, чтобы лишить его власти на юге, основанной на авторитете его рода в районе Высокого Атласа.

Когда аль-Хиба оказался у Марракеша, местные правители не посмели выступить против него открыто. Племя мтуги, которое было официально ответственно за защиту Марракеша, не сопротивлялось вступлению аль-Хибы в город 15 августа 1912 г., а племя Мадани пленило пять из шести французов, оставшихся в Марракеше по приказу Лиоте (ген. резидента) для организации сопротивления аль-Хибе. Аль-Мадани оставил у себя шестого француза, дабы при случае засвидетельствовать о своей лояльности к Франции. Когда же к городу подтянулись войска французов, то оба племени показывали свое активное содействие европейцам. За несколько недель французы разбили отряды аль-Хибы и вынудили его бежать. Многие из его сторонников подчинились в конце концов режиму протектората и стали обеспеченными каидами. Но аль-Хиба вместе с горсткой последователей продолжал сопротивление на крайнем юге, выживая благодаря поддержке местных сельских жителей. На все убеждения покориться и сотрудничать с представителями реальной власти в стране аль-Хиба отвечал, что принятие данных условий было равносильно для него отречению от Аллаха, при этом он стал бы неверным. «Я призываю вас к избавлению, а вы призываете меня к пожарам ада». В 1919 г. аль-Хиба умер в горах Антиатласа в возрасте 45 лет. До сих пор, по утверждению Генри Мансона, старики северных городов вспоминают это имя со страхом.

После того, как аль-Хиба в сентябре 1912 г. потерпел поражение от французской армии, стало ясно, что сотрудничество между французами и местными властями, особенно с племенем глауи как с сильнейшим и полезнейшим на юге, на данном этапе было выгодно обоим сторонам. Главы

племен мтуги, глауи и рахампа снабжались оружием и признавались каидами взамен на распространение влияния французских властей далее на юг. Брат аль-Мадани, Тани, был вновь назначен пашой Марракеша и удержал этот пост до установления независимости Марокко в 1956 г., к тому же он унаследовал власть и богатство аль-Мадани после его смерти в 1918 г. Зять аль-Мадани, Хамму, остался кайдом союза племен Высокого Атласа, но отказывался содействовать французам вплоть до своей смерти в 1934 г., после которой и подвластные до этого ему территории отошли к Тани, то есть стали подконтрольны Франции. Естественно, сотрудничество с местными правителями юга диктовалось французам не уважением, а политическими причинами: в 1912 г. это сотрудничество освободило французов от потребности стягивать большие силы к югу тогда, когда завоевание остальной части «полезного» Марокко не было закончено.

30 марта 1912 г. Мулай Абд аль-Хафид подписал соглашение по установлению французского протектората над Марокко, что привело к восстанию марокканских войск в Фесе 17 апреля 1912 г., которое было подавлено лишь после шестинедельной осады 31 мая. Султана Абд аль-Хафида, который не устраивал французов ввиду своей несговорчивости, принудили отречься от престола 12 августа 1912 г. в пользу его брата Мулай Юсуфа.

В стране, где люди искали спасение от трудностей жизни в суфийском образе жизни, было общепринято для свергнутых султанов найти суфийскую завийу для молитв и единения с Аллахом. Абд аль-Хафид сначала критиковал суфийские традиции: осуждал орден Тиджанийи, арестовал и казнил главу Каттанийского братства, старался восстановить правительственный авторитет и власть в главном оплоте ордена Уаззанийи – достаточно автономной области Уаззана. После потери трона он проживал в Танжере на французскую пенсию, там и приобщился к ордену Тиджанийи и даже писал стихи, восхваляя суфизм. В последние годы своей жизни судьба тесно связала бывшего султана с известным алимом Сиди Мухаммадом бен Джафаром аль-Каттани (умер в 1927 г.). В отличие от своего кузена аль-Кабира аль-Каттани он известен главным образом не действиями, а своими книгами, наиболее значимыми из которых являются «Салуат аль-анфас уа мухадасат ал-ак'йас би ман укбира мин ал-улама' уа' с-сулаха би Фас» («Утешение душ и беседы улама и праведных людей Феса»), изданная в 1899 г., и «Насихат ахль аль-ислам: тахлилль ислами 'илми ли-'ауамиль сукут ад-даула аль-исламиа уа 'ауамиль нухудиха» («Откровенные советы людей ислама: обсуждение с точки зрения научного ислама факторов бездействия мусульманского государства и его восстановления»), изданная в 1908 г. Первая из этих работ прославляет святых, суфиев, шураха и улама Феса, вторая призывает к возвращению к древнему исламу пророка, причем никаких противоречий между этими трудами Джафар аль-Каттани, как и большинство современных ему улама, не видел.

«Салуат аль-анфас» – превосходное этнографическое описание марокканской элиты и ее почитания в XIX веке. Многие улама почитались в роли святых и суфиев, относительно которых автор говорит: «Без них небо не дало бы больше дождя, на земле не взращивались бы растения, и несчастья пришли бы в мир людей». Большинство фундаменталистов принимают его теорию, считая выдающимся богословом, до сих пор. Во втором своем известном труде он развил мысль о том, что Аллах позволил первым мусульманам, «справедливым предкам», принявшим его законы, процветать и побеждать врагов. Но со временем мусульмане отклонились от праведного пути, поэтому неверные смогли их покорить. Автор предостерегает читателей от засилья европейцев, утверждая, что из всего исламского народа только около трети теперь (в 1908 г.) остаются свободными и независимыми, мусульмане теряют уважение в мире. Если бы они возвратились к истинной религии, то Аллах освободил бы их от неверующих и устранил бы несправедливость. Относительно Марокко аль-Каттани обращает внимание, что это государство было большим и мощным, но теперь стало жертвой европейцев, которые «пришли, чтобы погасить свет ислама». Ссылаясь на численное превосходство мусульман в Марокко и на достаточное количество денег, лошадей и оружия, чтобы бороться, аль-Каттани призывает к борьбе за независимость. Аль-Каттани утверждает, что Аллах давно мог нанести поражение неверным, но таким образом Он проверяет степень веры в Него Его приверженцев. Фактически книга была первоначально предназначена прежде всего для султана Абд аль-Азиза, хотя вышла она уже после его свержения. Аль-Каттани осуждает тот факт, что мусульмане (особенно мусульманские правители) не только поддерживают дружеские отношения с неверными, но и зависят от их совета и помощи, что противоречит законам Аллаха. Он рассматривает европейскую концепцию свободы как наиболее вредную для исламского мира, которая ведет к изменению и отрицанию исламских законов. Одной из причин ослабления позиций исламского мира аль-Каттани считает распространение несправедливых и тиранических мусульманских правительств в исламском мире, говоря, что «несправедливость приносит крушение, а правосудие приносит процветание». Аллах наказывает тех, кто управляет несправедливо и тиранически, и в этом мире и после этого (в будущем). Покорение и оскорбление репрессивных мусульманских правителей неверными из Европы – просто отражение гнева Аллаха. Три категории мусульман несут ответственность за осуществление возрождения ислама: правители, улама и шурафа. Аль-Каттани, являвшийся членом одного из наиболее уважаемых шерифских родов в Марокко, подчеркивает, что шурафа – естественные лидеры исламского мира. Пророк завещал всем мусульманам следовать им. Аль-Каттани также придерживается традиционной иерократической идеи, что повиновение правителю эквивалентно повиновению Аллаху, хотя он говорит, что правители, которые не консультируются с улама не заслуживают права править. Аль-Каттани

подчеркивает, что улама – толкователи и охранники исламского закона, так что правители должны советоваться с ними и слушать их.

В заключение своего труда аль-Каттани высказывает предположения о скором конце света, когда уже ничто не спасет мусульман, но все же он молится о помощи Аллаха и заступничестве пророка. Книга аль-Каттани напоминает послание аль-Юси Мулай Исмаилу, хотя менее категорична и резка. Написана она простым языком, рассчитанным на широкую читательскую аудиторию. Несмотря на его акцент на потребность соответствовать Корану и Сунне, аль-Каттани никогда не критиковал суфизм или мурабутизм, хотя общался со сторонниками движения Салафия (такими как Шакиб Арслан и Мухаммад Рашид Рида). Позже Аллал аль-Фаси внесет в ислам западные идеи. Аль-Каттани осудил бы большинство этих идей. Сам аль-Каттани, хотя и призывал к джихаду, никогда не участвовал в борьбе непосредственно. В 1907 г. он уезжает в Медину, предчувствуя занятие Марокко французами. Именно в Медине он написал «Насихат ахль аль-ислам». Он возвратился Марокко после того, как Мулай Абд аль-Азиз был свергнут своим братом. Мулай Абд аль-Хафид пригласил аль-Каттани во дворец по прибытию в Фес, но аль-Каттани отказался, ответив, что он посетит султана в другое время, «если пожелает Аллах». Весной 1909 г. Мулай Абд аль-Хафид расправился с Мухаммадом Абд аль-Кабиром аль-Каттани, тогда Мухаммад бен Джафар аль-Каттани прибыл во дворец султана и убедил его освободить оставшихся родственников. Аль-Каттани даже согласился посещать по просьбе султана один раз в неделю ученые советы по обсуждению хадисов, проводимые во дворце. Однако вскоре, в 1910 г. он получил разрешение и помощь султана для отъезда в Медину. Многие видные и богатые марокканские семейства убежали в Аравию и другие независимые мусульманские области в годы, непосредственно предшествующие французскому протекторату, и сразу после его провозглашения в 1912 г. Это отражало веру в то, что если мусульмане не смогли предотвратить занятие их земли неверующими, они должны эмигрировать в независимые мусульманской земли, где законы Аллаха все еще оставались в силе.

После отречения в августе 1912 г. Мулай Абд аль-Хафид посетил аль-Каттани в Медине. Сначала шейх приветствовал его холодно, но, поняв, что прежний султан «был подобно тонущему человеку, ищущему спасения», он сжалился над ним и велел ему идти к могиле пророка Мухаммада, и «раскаться перед Аллахом за все, что он сделал». Мулай Абд аль-Хафид выполнил все, что ему посоветовал алиим. 23 октября 1913 г. бывший султан Марокко написал бай'ю аль-Каттани, поклявшись быть послушным во всем муридом праведного шейха. Абд аль-Хафид, таким образом, использовал инверсию идеи бай'и. Теперь он был не правителем, а скорее управляемым. В 1927 г., когда умер Мухаммад бен Джафар аль-Каттани, французские газеты называли его самым большим врагом Франции в Марокко, некоторые другие источники утверждают, однако, что с 1919 по 1926 гг. в Сирии он жил на французскую пенсию.

Марокко было все еще традиционной исламской монархией, когда в 1912 г. был установлен французский протекторат. Европейское проникновение, начиная с 1840-х годов, поставило под угрозу уже слабую власть султана, но страна все же не была открыта культурному влиянию Европы, которое могло привести к появлению реформистских движений, как, например, движение во главе с Кайром ад-Дином в Тунисе, стремившееся к преобразованиям политических, социальных и образовательных учреждений страны. Реформы Хасана I были ограничены в возможностях, и, поскольку они были бессистемно и без подготовки, торопливо задуманы и выполнены, они только привели к дорого обошедшейся «модернизации» Абд аль-Азиза. Роль служителей ислама в данной ситуации, как постарался показать автор, была не слишком активной. Марокканские улама, придерживавшиеся салафийских идей, сочувствовали реформам, начиная с эпохи правления Мулай Хасана. Но их усилия заканчивались лишь небольшими изменениями в учебном плане Карауийинского университета, дававшимися нелегко из-за враждебности к проявлению любых изменений в консервативных кругах. Султан Абд аль-Азиз усилил государственный контроль над Карауийинским университетом, взяв в свои руки назначение профессоров и их научное продвижение. Кади Феса мог отныне лишь подавать список кандидатов на утверждение султану. Хотя данная централизация проводилась без конкретной программы и жесткого контроля со стороны махзена. Благие идеи Салафийского движения медленно и тяжело проникали в более широкие социальные и интеллектуальные слои населения, а до установления протектората вообще были узко распространены. До 1900 г. улама вообще очень мало вмешивались в политические проблемы страны: ни поражение при Исли, ни проигрыш в войне с Испанией не вызвал антифранцузского рвения у ученых мужей ислама. Лишь при завоевании Туатского оазиса улама осознали всю трагичность и опасность ситуации. Но ничего серьезного для отражения французской агрессии они уже сделать были не в силах; многие из них не только не бросали вызов Франции (или Испании на севере и юге), но извлекли немалую выгоду из сотрудничества с колониальными властями. И все же до сих пор среди марокканцев большим уважением пользуются немногочисленные улама, которые рисковали своим спокойствием и даже жизнью во имя борьбы с колонизаторами. Можно выделить основные спорные проблемы между улама и центральным правительством во взятом периоде:

1. введение новых некоранических налогов, которые сводили на нет льготы привилегированным слоям населения;
2. интриги и непомерная роскошь двора;
3. европейское влияние на султанов;
4. постоянные французские займы.

Апогей активности служителей ислама пришелся на момент низвержения Абд аль-Азиза, но и здесь, как выяснилось, главную роль играли отнюдь не улама, а разрозненные представители «народного» ислама, которые чаще всего лишь прикрывали свои честолюбивые планы идеями

борьбы против неверных и возрождения истинного ислама. При тесном смешении всех ветвей религии служители ислама в Дальнем Магрибе не смогли сплотиться против засилья европейцев под знаменем ислама и объединить усилия всех марокканцев, что является свидетельством их малого веса в политике страны.

В настоящее время королевство Марокко остается одним из консервативных мусульманских государств: здесь никогда не предпринимались попытки проведения светских реформ в системе государственного управления или образования, что могло бы вызвать сопротивление мусульманского общества. Из всех стран Магриба в Марокко тарикаты в наибольшей степени сохранили свои привилегии, владения и влияние, так как монархический режим, при достаточно сложных отношениях со многими орденами, гарантировал им свободу деятельности и даже опирается на некоторые из них в своей политике. Конечно, Марокко не обошло стороной появление исламистских движений, которые достаточно активно несут свою идеологию в массы последние 30 лет. Однако не стоит забывать, что в этом государстве очень сильна традиция абсолютизма, королевская власть играет первостепенную роль и в социально-экономической, и в политической жизни страны. Ни Хасан II, ни его преемник Мухаммад VI не принимают политический ислам, с 80-х годов проводится исламизация политики, то есть власть перехватывает инициативу у исламистских группировок, направляя консолидирующую силу исламских идей на благие цели. Вместе с тем королем в 80-х годах были предприняты меры для обеспечения поддержки режима со стороны официальной духовенства, т.е. расширение функций и привилегий улама. Также марокканское правительство держит курс на достаточно мирное сосуществование с исламистами, взгляды официального Рабата по широкому кругу вопросов во многом совпадают с воззрениями исламистов. Такая разумная политика в сочетании с рядом исторически сложившихся факторов (особая роль монарха, как духовного лидера марокканцев; постоянное ограничение вовлечения религии в жизнь королевства проблемами культуры и образования; широкое распространение мурабитической практики до сих пор) пока что успешно препятствовали широкому развитию исламизма. Многие исследователи придерживаются той идеи, что исламисты могут стать реальной угрозой центральной власти при условии нестабильности в стране, следовательно, основной задачей правительства в ближайшее время является урегулирование сложной экономической ситуации и решение связанной с ней проблемы безработицы.

**ИСЛАМ, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО:
ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Во многих странах мусульманского мира отношения между государством и обществом, как во времена колониального прошлого, так и после обретения независимости, отличались напряженностью и проявлениями насилия. Антигосударственные исламистские движения отражают бескомпромиссную приверженность исламу и его заповедям. Высшим выражением такой приверженности является готовность пожертвовать жизнью ради достижения цели. Приверженцы подобного течения в исламе рассматривают любые внутренние или внешние действия, направленные против них, как угрозу исламу. Постоянное использование насилия выступающими против государственной власти исламскими движениями, группировками является следствием ряда условий, таких, например, как эффективность действий руководства движением, твердость убеждений, неблагоприятные социальные и экономические условия, способность привлечь новых сторонников, уровень дисциплины внутри движения, степень давления, оказываемого правящими режимами на исламистские движения.

В традициях западных научных школ, как и в средствах массовой информации, нередко дискуссии об исламе и мусульманах протекают в форме абстрактных рассуждений, не учитывающих в полной мере, недооценивающих социальные, культурные, экономические, исторические, лингвистические и географические различия между людьми, исповедующими ислам. Упор в подобных дискуссиях и рассуждениях делается на различные элементы исламской религиозной традиции, философии, заложенной в Коране, а не на конкретные факторы, определяющие условия жизни в отдельных странах, формы и направления, в которых развивается ислам. Объяснение этого имеет исключительно важное значение; с одной стороны, это заставило бы пересмотреть отношение к исламу как единоподчиненной силе, одинаково влияющей на отдельные страны и на их курс развития. С другой стороны, все менее обоснованным становится взгляд на ислам, как на гибкий инструмент манипулирования обществом со стороны государства. В действительности оба подхода находят свое эмпирическое подтверждение, несмотря на то, что западные исследователи склонны рассматривать ислам и исламский мир с какой-либо одной из двух точек зрения. Эта статья базируется в основном на третьем, более продуктивном

подходе к изучению трактовки исламом отношений между государством и обществом.

Сосредотачивая особое внимание на отдельных арабo-мусульманских странах Ближнего Востока и Северной Африки, настоящая работа обращается к многочисленным фактам, позволяющим предположить, что более продуктивно рассматривать историю мусульманских стран, их социальное и экономическое развитие как динамический процесс, формировавшийся преимущественно под влиянием существующих условий, экзистенциальных факторов. Суть такой позиции состоит в том, что отношения между государством и обществом исторически определены и зависят в основном от текущих социальных, экономических и политических условий. Характерно, что в мусульманских странах Западной Азии и Северной Африки государственность формировалась колониальными властями, имевшими своей целью укрепление условий эксплуатации и контроля со стороны метрополий. Антиколониальные исламистские движения очень часто возглавлялись либо улемами, либо местными политическими лидерами, стремившимися настроить массы против западного колониализма. После обретения независимости исламистские движения продолжили выступления против западного неоколониализма и государственной политики, которые, по мнению исламистов, ведут к уничтожению исламских ценностей.

Описывая приемы и методы по выборочному исследованию мусульманских стран, данная статья предлагает типологию исламистских движений, базирующуюся на различных формах взаимоотношений между государством и обществом. Данная типология наглядно демонстрирует, что многим исламским группам и движениям ислам представляется не столько застывшей, сколько динамичной системой, которая находится в постоянном взаимодействии с социальным окружением, государственной доктриной и практикой.

В данной статье государство трактуется в том виде, в каком его понимал Вебер, – как политически суверенное образование в рамках определенной территории, признанное международным сообществом, контроль и управление которой включает монопольное право на использование принудительных силовых средств. Государство состоит из ряда институтов, включая исполнительную, законодательную и судебную ветви власти, армию, полицию, а также партию в рамках официально сложившейся партийной системы [Zartman, 1988, с. 8]. Государственное управление осуществляется через бюрократический контроль, контроль над финансовыми ресурсами и идеологической сферой [Owen, 1992, с. 4; and Zartman, 1988, сс. 6-9]. Длительное время марксисты и немарксистские ученые дискутировали между собой по вопросу об автономии или «относительной автономии» государства от социальных сил. Со всей определенностью государство можно рассматривать и анализировать отдельно от общества. Под термином «общество» здесь понимаются отношения между людьми, проживающими на территории государства, включая ма-

лые и большие группы, общности людей, добровольные ассоциации, социальные классы, общины и широкий круг институтов, таких как семья, система образования и экономика.

Отношения между государством и обществом находятся в специфическом контексте и взаимовлиянии. Эти отношения подвержены радикальным изменениям время от времени и являются итогом, результатом как новых, спонсируемых государством инициатив, так и социальной трансформации. В каждом случае старые общности оказываются сломанными и утратившими солидарные связи, и появляются новые социальные категории, группы и ассоциации. Взаимодействия и связи между государством и обществом проявляются на национальной политической арене.

Мусульманские страны в сильной мере отличаются друг от друга экономически, политически и в культурных отношениях. Они также имеют различную собственную историю, демографические характеристики, этапы и формы контактов с Западом, интеграции в мировое хозяйство. Аналитический процесс понимания стран, принадлежащих к арабо-мусульманскому миру, осложнен осознанием факта, что надгосударственные движения оказали важное воздействие на многие из этих стран. К ним относятся панисламизм, с одной стороны, и панарабизм или арабский национализм, с другой. Оба эти движения стремятся расширить границы любого государства, в первую очередь, покрывающего все исламское сообщество (или умму) и, во вторую, весь арабский мир, который состоит из 21 суверенного государства. Арабские и исламские политические лидеры тесно связаны тенетами религиозного диктата панисламизма или относительно более мощным секьюляристским диктатом арабского национализма.

Историческая основа: колониальный опыт. Колониальное прошлое является связующей нитью для всех стран Арабского Востока. Согласно Роджеру Оуэну [R.Owen, 1992, с. 13], одной из первых задач, вставших перед колониальными властями, было создать «основные атрибуты государства, дав ему столицу, юридическую систему, флаг и признанные международным сообществом границы... Это придало многим новым государствам некоторую искусственность их появления, образования с их новыми именами, новыми столицами, недостаточной социальной гомогенностью и их убийственно прямыми границами, что явилось отчетливо видимой работой британских или французских колониальных властей». Политический контроль колониальных властей осуществлялся с помощью ряда мер, включая, например, формирование новой бюрократии, лояльных полиции и служб безопасности. Кроме того, повсеместно было принято гражданское законодательство, предусматривались специальные гарантии для защиты этнических и религиозных меньшинств. Прямым результатом таких действий стало то, что мусульманские государства, попавшие под иностранный контроль, начали выглядеть как западные страны и приобрели «современные» черты (т.е. западные) в смысле особенностей их организации и исполнения властных функций [Zubaida, 1989; Owen, 1992, с. 3].

Колониализм привнес вместе со своим появлением высокую степень социальной и политической напряженности. С самого начала возникла сильная оппозиция иностранному политическому и экономическому контролю. Колониальная администрация усиливала свой контроль над населением, создавая альянсы и союзы с местными региональными и племенными лидерами, городской знатью, земельной аристократией. Местные лидеры подтверждали свою исключительную значимость как средство гашения конфликтов и недовольства, умиротворения населения по приемлемой для колониальных властей цене, выражавшейся в предоставлении им специальных привилегий и налоговых льгот. Эти элиты играли важную роль в политической жизни стран, находившихся под контролем колониальных властей и в последующий период их истории.

В колониальный период произошло не только становление государства, но и его выделение из общества, превращение в его автономную часть. Более того, в колониальный период при поддержке извне произошла радикальная трансформация самого общества. Так, многие рассматриваемые нами мусульманские общества предприняли попытку приступить к развитию капитализма, углублению сельскохозяйственной специализации, расширению международной торговли, произошло разделение общества на классы и интеграция в виде периферии в мировую экономическую систему, в которой доминирует западная хозяйственная модель [Owen, 1992, сс. 3-7]. После получения политической независимости, последовавшей для большинства мусульманских стран вслед за окончанием второй мировой войны, местные политические элиты унаследовали государственную машину и бюрократию, которые в свое время находились под контролем колониальной администрации.

По мере развития колониализма традиционные исламские институты теряли свою власть и влияние, оппозиционные группы уходили в подполье или переориентировали свою деятельность на развитие и реализацию социальных программ, направленных на улучшение доли беднейших [Belaid, 1988, с. 148]. Эти группы осуждали сотрудничество с иностранными правителями, и более того, некоторым коллаборационистам (или предателям, как их называли) постоянно угрожали физическим уничтожением.

Государство и общество в постколониальный период.

Получение политической независимости означало для многих мусульманских стран впервые за многие века на Ближнем Востоке и в Северной Африке мобилизовать национальные усилия на социальное и экономическое развитие. В начале особый упор был сделан на развитии системы образования, что означало привить западный тип школьного обучения во враждебном обществе. В последние десятилетия большинство мусульманских государств расширило национальную систему образования и продвинулось по пути формализации, универсализации и секьюляризации своих систем образования.

До первой мировой войны продуктивность сельского хозяйства в регионе была очень низкой, а промышленность в основном представлена

ручным и ремесленным производством, ориентированными на местный рынок. Различные попытки социального и экономического развития были предприняты в период между двумя мировыми войнами, но они не принесли особого успеха до окончания второй мировой войны. Мусульманские правительства в течение последних примерно тридцати лет не только поощряли, но и прямо участвовали в промышленном развитии, а некоторые режимы (в Египте, Алжире, Южном Йемене, Сирии и Ираке) объявили себя социалистическими. Это привело к росту бюрократии как в общественном, так и в частном секторе экономики.

Усилия мусульманских стран, направленные на социальное, экономическое и политическое развитие, были, по меньшей мере, разочаровывающими. Это, несомненно, было вызвано многими факторами, включая, например, высокий уровень сельской миграции в города, рост спроса, в особенности в городских центрах на государственные услуги и общественное достояние, неконтролируемый рост численности населения, зависимый статус от западнцентристской, по своей сути, мировой хозяйственной системы, дефицита капиталов и иностранной валюты, низкий уровень бюрократического управления и коррупцию [Ayubi, 1988]. Большую роль в этом играла также гораздо меньшая приверженность целям развития, нежели стремление к сохранению политического статус-кво.

Эти неблагоприятные условия способствовали расширению пропасти между чаяниями и надеждами мусульман и нищенскими социальными и экономическими условиями, в которых пребывало большинство. Более того, политическая легитимность многих режимов в странах ислама ставится под серьезное сомнение [См. Zartman, 1988, с. 7]. Существующие условия, в которых проживает население, являются питательной почвой для разочарования, брожений и радикализма.

Отношения между государством и обществом в исламском мире проявляются различными путями. Насильственная конфронтация между мусульманскими группировками, с одной стороны, и государством или иностранными интересами, с другой, находящаяся в центре общественного внимания этих стран и масс-медиа западных государств, является лишь одной из форм их проявления. Действительно, акты насилия и военных столкновений составляют лишь малую часть этих отношений в мусульманских странах Азии и Северной Африки.

В любой мусульманской стране имеется широкий спектр социальных сил, которые взаимодействуют с государством на национальной политической арене, такие как мусульманские организации, улама, этнические и религиозные группы, социальные классы, интеллектуалы, масс-медиа, женские организации и т.д. Рассмотрим некоторые из них.

1. Пример Египта

В Египте наиболее значимой мусульманской организацией с длительной историей отношений с государством является организация «Братья-мусульмане». Основанная в 1928 г., она начала действовать как реформистская организация, которая быстро разрасталась под ру-

ководством своего харизматического лидера и основателя Хасана эль-Банни. Ее численность увеличивалась за счет всех социальных слоев и классов, в особенности – выходцев из среднего класса. Сильные политические установки и позиции организации со временем привели к тому, что она стала рассматривать себя как политическую партию, выражающую умонастроения мусульманского сообщества. Более того, «Братья-мусульмане» были вовлечены в реализацию широкого спектра социальных программ и предоставления услуг населению, включая школьное образование, медицинские клиники и диспансеры, общественные клубы, кооперативы, промышленные и торговые предприятия. Эта деятельность помогла им расширить членство в организации, привлечь симпатии населения.

В сфере идеологии «Братья-мусульмане» использовали один из столпов-заповедей ислама – «закят» (налог на доход и собственность), но осуждали капиталистическую систему, допускающую «рибу» (взимание процента), а также разрешающую спекулятивные сделки и обогащение за счет различных манипуляций, а не трудовых усилий. Идеологически «Братья-мусульмане» выступили сторонниками восстановления положений Корана о наказании за воровство, прелюбодеяния и т.д.

«Братья-мусульмане» являлись антиколониальной организацией, борющейся вооруженными методами с британской армией в зоне Суэцкого канала в 1951-1952 гг. До этого организация провела призыв военных добровольцев для борьбы против резолюции ООН от 1947 г. по разделу Палестины. Она также выступала против правящих режимов в Египте и плела заговор с целью убийства Г.Насера в 1954 г. Время от времени организация запрещалась египетскими властями, ее члены заключались в тюрьмы, ее теоретический вождь Саид Кутб был повешен в 1966 г. по указу правившего тогда в Египте режима.

После поражения Египта в арабо-израильской войне 1967 г. и очевидной неудачи насеровских социальных и экономических программ развития «Братья-мусульмане» стали более громко заявлять о себе как об оппозиции, чем раньше. По принципиальным соображениям они осуждали и марксизм, и капиталистический культурный империализм, отдавая предпочтение тому, что они называли «исламским социализмом» (термин, который применялся ими, подразумевал экспроприацию, национализацию, налогообложение богатых, проведение аграрной реформы). «Братья-мусульмане» были одной из нескольких группировок в стране, которые открыто провозгласили оппозицию подписанию Кэмп-Дэвидских соглашений.

«Братья-мусульмане» способствовали распространению исламистских группировок в Египте, в особенности военизированных студенческих группировок, которые действовали на национальной политической арене независимо. Как те, так и другие продолжали мобилизовывать население вокруг слабых сторон государственного управления страной и коррупции, а также неудач в проводимом политическом и экономическом курсе. Тактика насилия, применяемая наиболее молодыми и наиболее бескомпро-

мисскими военизированными группировками, была прямым следствием неспособности правительства реформировать систему.

В более широком плане многие исламские группировки в Египте, включая «Братьев-мусульман», критиковали неокOLONиализм (т.е. западную культуру и экономический империализм), склонность египетского правительства к следованию за Западом, в особенности за США. Вследствие этого иностранные интересы и даже иностранные гости в Египте становились целью для атак военизированных исламских групп.

2. Пример Палестины.

«Братья-мусульмане» являются значительной организацией не только из-за численности ее членов, широкого распространения ее ячеек или политической ориентации, но также и потому, что она представляет собой прототип организаций, созданных в Сирии, Палестине, Иордании, Ливии, Тунисе, Судане, Марокко и Йемене. Особый интерес представляет антисионистская исламская группировка, действующая на подмандатной территории Палестины (Mandatory Palestine) и проводящая операции на Западном берегу р. Иордан и в секторе Газа, оккупированных Израилем в 1967 г.

Антисионистское движение подобно антиколониальному, сионизм рассматривается как форма европейского колониализма, целью которого является создание еврейского государства в Палестине за счет интересов и прав местного населения. Последователи исламского движения в Палестине, которые являются антисионистами и стоят на антиизраильских позициях, включают «Братьев-мусульман», «Исламский джихад» и ХАМАС. «Исламское братство», скопированное с египетской модели, является наиболее старым и организованным из трех палестинских организаций. В то время, как «Исламское братство» открыто признает в качестве цели создание исламского государства, оно избегает использовать насилие для достижения поставленной цели, предпочитая индивидуальную работу на низовом уровне. Для этого организация основала на оккупированных землях (Западный берег и сектор Газа) религиозные школы и детские сады, социальные клубы, благотворительные организации и т.д. Напротив, «Исламский джихад», численность которого существенно меньше, и который откололся от «Братьев-мусульман», был основан в начале 80-х гг. для вооруженного противодействия израильской оккупации Западного берега и сектора Газа. «Исламский джихад» действует, будучи убежденным в том, что единственный путь к созданию исламского государства лежит через вооруженное сопротивление сионизму и умеренным арабам, которые ищут путь переговоров с Израилем.

ХАМАС, являющийся также «осколком» «Братьев-мусульман», был создан Шейхом Ахмадом Яссином из Газы сразу после интифады в декабре 1987 г. ХАМАС привержен идее создания исламского государства и полномасштабной борьбы против Израиля и косвенно – против Организации освобождения Палестины (ООП).

3. Пример Сирии

В 1937 г. исламские ассоциации были созданы в различных сирийских городах под разными названиями, но все они сформировались «под зонтиком» «Братьев-мусульман». Опасаясь репрессий со стороны французских колониальных властей, эти организации сконцентрировали свою деятельность в основном в области образования, помогая молодежи направиться на обучение в колледжи Египта и Европы. В конце 40-х годов ассоциация избрала несколько своих членов в сирийский парламент и продолжала действовать мирными средствами. Однако ее антигосударственная ориентация проявилась в 60-е годы в результате позиции, занятой в отношении региональных и экономических проблем, а также усилившейся секуляризации образовательной системы. Конфронтация с государством имела место в 1963-1964 и 1965 гг. (волнения в Хаме), в 1973 и 1979 гг. (волнения в Алеппо). Последние носили локальный характер протеста против игнорирования правительством проблем экономического и социального развития Северной Сирии. Торговцы проявили активность в поддержке «Мусульманского братства» в Алеппо, а в столице страны – Дамаске они такой поддержки не оказали. В результате серьезных волнений в стране в 1979 г. около 500 «исламских» преподавателей начальных и средних школ были уволены, организация «Братьев-мусульман» запрещена, и членство в ней каралось смертной казнью.

4. Пример Северо-западной Африки

История исламистских групп в Северо-западной Африке совершенно иная, нежели та, которая была представлена выше [см. Grandguillaume, 1987]. Так, в Марокко, где довольно глубоко различия между арабами и берберами, хотя обе этнические группы относятся к мусульманам, мусульманская монархия действует как легитимная власть и является основой национальной идентификации. В этом контексте отношения между исламом и политикой протекают в рамках нации, где ее единство позволяет существовать высокой степени плюрализма, который не рассматривается как угроза. В Тунисе, с другой стороны, объединяющим символом в период независимого развития был Хабиб Бургиба. Вот почему в начале государство было в состоянии пойти достаточно далеко по пути секуляризации и не встретить серьезного сопротивления со стороны исламистов. В пост-бургибскую эпоху в Тунисе, где объединительный символ, подобный Бургибе, отсутствует, государство сталкивается с более сильной оппозицией со стороны исламских групп при проведении своей политики. Напротив, в Алжире ситуация разительно отличается от ситуации в двух соседних государствах из-за слабости стабильных структур, символизирующих власть, подобно монархии или Хабибу Бургибе. Хотя ислам представляет сердцевину алжирской идентичности, он открыт для использования в политических целях различными силами.

Подводя итоги сказанному, необходимо отметить, что исламистские движения на Ближнем Востоке и в Северной Африке находятся в центре внимания оппозиции, противостоящей существующим правя-

щим режимам, и стремящейся в ряде случаев создать исламское государство. Состояние этих движений таково, что они выступают против местных политических элит, как и против иностранных интересов и неокOLONиальной экспансии. Вдохновляемые примером Пророка после хиджры (переселившегося из Мекки в Медину), многие исламистские движения мечтают о создании исламского государства [McDonald, 1956].

В данной статье речь шла о широком спектре исламистских организаций, которые использовали или не прибегали к таким методам, как:

- вооруженная борьба;
- оказание социальной помощи;
- пассивное сопротивление;
- участие в политической деятельности;
- создание исламского государства.

Этот спектр исламских организаций отражен в таблице. Разумеется, в ряде случаев отдельные виды их деятельности совпадали. Так, спустя какое-то время антисионистские или антиколониальные движения могли трансформироваться в национальные или антигосударственные организации и движения.

Возрождающиеся и спонтанно развивающиеся исламские движения (см. таблицу) описаны более полно, чем другие виды движений, по своим целям и функциональным особенностям, но они зависели от определенного социального контекста, могли расширяться или трансформироваться в антигосударственные движения и организации.

Питательной почвой для вооруженных исламских течений и групп были неблагоприятные социальные условия, такие как бедность, высокий уровень безработицы, рост пропасти между бедными и богатыми, политические репрессии, западный материализм и секуляризм. Исламские движения в целом не выглядят преуспевшими, сравнивая их достижения и западный опыт. Например, на Западе существует формальное разделение между церковью и государством (понимаемое как секуляризм) в контексте либеральной демократической системы с ее акцентом на свободном рынке и правах личности. Интересно то, что термин «модернизация» появился для того, чтобы отразить эти черты и особенности и, следовательно, он стал синонимом вестернизации.

Наряду с социальными, экономическими и политическими особенностями, которые разделяют западные и мусульманские страны, существуют и нестыкующиеся религиозные характеристики между двумя мирами – христианским и исламским. В центре этого различия лежит тот факт, что Коран (священная книга ислама) и Сунна (высказывания и действия пророка Мухаммеда) рассматриваются мусульманами как высшее указание, направляющее жизнь мусульманина как в личных делах, так и в общественных, таким образом, как это должно быть. Следовательно, секуляризм и связанные с ним социальные условия, существующие в западном

мире, порождают в восприятии ортодоксального мусульманина определенные проблемы.

При всей неоднозначности и многообразии исламского мира его история формируется под влиянием сложившихся условий жизни в мусульманских государствах. На данном тезисе основывается предлагаемая ниже типология исламских движений и течений.

Таблица

Типы и виды деятельности исламских движений и групп

	Вооруженные действия	Оказание социальных услуг	Пассивное сопротивление	Участие в политической жизни	Создание государства
Антиколонизальные	+	+	+	—	+-
Антисионистские	+	+	+-	-	-
Антигосударственные	+-	+-	+-	+-	+-
Националистические	+-	-	-	+-	+-
Спонтанные	+-	-	-	-	-

Примечания: + да

— нет

+- позиция подвержена изменениям

S U M M A R Y

The history of the 20th century was marked with the increasing activity of the Muslim movements and groups including militant groups. This growth is caused by the political collapse of the Arab nationalist ideology and etatist model of national economy in some Arab countries. For preventing the deepening of system crises socio-economic reforms have been initiated. At all events the issue of the place and the role played by Islamic values in all countries of the region is still maintaining its poignancy and topicality. The collection of articles presented in the book deals with one of the more interesting issues of contemporary Middle East and North Africa societies – it analyzes various aspects of liberal reforms and place of Islam in its life.

Taking in comparative context the Arab countries as well as Ethiopia and Russia are systems of the civilization, which have some common and related elements. A common element is the domination of the Western civilization. The processes proceeding in these systems including economic and political reforms have some similar and different features. The Islamic economical doctrine which is contained in Koran, Sunnah and ijihad as well as in government's programs and practice of some Islamic states in the Middle East and North Africa have been elaborated between the problems enlightened in the book. The changes of last decades in attitude of some Arab countries governments to Islamist forces demonstrate flexibility of its approaches to the urgent problem of coexistence with them. Oil-producing countries of the Gulf in 70-90th and some North Africa countries in 90th present an impressive example of an accelerated leap from a patriarchal and backward social and economic organization toward sufficiently modern national reproduction complexes and social structures. Such successful strategy in Muslim societies hardly could be shaped without taking into account the world experience of liberal reforms, from one hand, the thesis of the Islamic socio-economic doctrine and the recommendations of public and religious institutes, from other.

СОДЕРЖАНИЕ

А.Ю.Даньшин ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ИСЛАМИЗМА	3
Г.Л.Гукасян ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ИСЛАМИЗМА: ВЛИЯНИЕ ИСЛАМА НА СТРАТЕГИЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (на примере арабских нефтедобывающих государств Аравии – членов ССАГПЗ)	8
Ю.М.Кобищанов СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИСТЕМАХ ЦИВИЛИЗАЦИИ АРАБСКИХ СТРАН, ЭФИОПИИ И РОССИИ	21
И.О.Абрамова ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРОЦЕССА УРБАНИЗАЦИИ В АРЕ	27
В.В.Орлов МАРОККАНСКАЯ МОНАРХИЯ И ИСЛАМСКИЕ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 90-х ГОДОВ	39
Е.И.Миронова РЕФОРМЫ ПРЕЗИДЕНТА АЛЖИРА ЛАМИНА ЗЕРУАЛЯ	49
Г.И.Смирнова ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СТРАН СОЮЗА АРАБСКОГО МАГРИБА (САМ) С ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ (ЕС)	55
В.В.Разумный ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФИДАИЗМА В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ В НОВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ	67
А.А.Ткаченко СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ: ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛИ ОБЩЕСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА И МЕСТО ИСЛАМСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ОБЩЕСТВЕ	72
Я.В.Мельникова СЛУЖИТЕЛИ ИСЛАМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ АЛАИУТСКОГО МАРОККО	77
Б.Абу-Лабан, Ш.Абу-Лабан ИСЛАМ, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ	97
РЕЗЮМЕ	107

CONTENTS

A.Y.DANSHIN ECONOMIC REFORMS AND ECONOMIC PROGRAM OF ISLAM	3
G.L.GUKUSSIAN THE MIDDLE EAST: ISLAM AND REFORMS IN A TRANSITIONAL SOCIETY (THE CASE OF THE OIL-PRODUCING MEMBER COUNTRIES OF THE COUNCIL OF CO-OPERATION OF THE ARAB GULF STATES)	8
Y.M.KOBISCHANOV MODERN PROCESSES IN THE SYSTEM OF CIVILIZATIONS IN THE ARAB COUNTRIES, ETHIOPIA AND RUSSIA	21
I.O.ABRAMOVA HISTORICAL UNIQUENESS AND MODERN CONTRADICTIONS OF URBANIZATION PROCESS IN EGYPT	27
V.V.ORLOV MOROCCAN MONARCHY AND ISLAMIC NON-GOVERNMENT ORGANIZATIONS. NEW TRENDS OF NINETIES.	39
E.I.MIRONOVA PRESIDENT ZERUAL'S REFORMS IN ALGERIA (NOVEMBER 1995 – APRIL 1999)	49
G.I.SMIRNOVA ECONOMIC RELATIONS BETWEEN MEMBERS OF THE UNION OF THE ARABIAN MAGHREB AND EUROPEAN COMMUNITY	55
V.V.RAZUMNY THE DEVELOPMENT OF FIDAISM IN THE COUNTRIES OF THE NORTH AFRICA IN THE THIRD MILLENNIUM	67
A.A.TKACHENKO NORTH AFRICA AND MIDDLE EAST: EVOLUTION OF THE MODEL OF SOCIAL STRUCTURE AND THE PLACE OF ISLAMIC VALUES IN THE SOCIAL LIFE	72
Y.V.MELNIKOVA OFFICERS OF ISLAM IN POLITICAL LIFE OF ALLAUITE MOROCCO	77
B.ABU LABAN, SH.ABU LABAN STATE – SOCIETY RELATIONS IN ISLAM: SOME CRITICAL REFLECTIONS	97
SUMMARY	107

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ
И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально–экономического и общественно–политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып.3.
17. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Сирийская Арабская Республика".

19. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
20. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 4.
21. "Турция: современные проблемы экономики и политики".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества (израильская модель)".
25. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
26. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян** "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (совместно с ИВ РАН).
27. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока".
29. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия".
31. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
33. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии".
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Государство Катар: проблемы развития".

39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 7.
42. **В.А.Ушаков** "Иран и Мусульманский мир (1979–1998 гг.)".
43. **Е.Я. Сатановский** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев** "Саудовская Аравия: пути эволюции".
48. **М.А.Сапронова** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989-1999)".
49. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник.
52. **М.Р.Арунова** "Афганская политика США в 1945-1999 гг.".
53. **С.Э.Бабкин** "Движения политического ислама в Северной Африке".
54. "Политическая элита Ближнего Востока".
55. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 9.

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio—economic and political development in the Arab World".
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy
of Sciences
4. "The contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf countries"
by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI—th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev** and
A.Fedorchenko
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and **N.Rogozhina**
12. "The Arab World in the end of the XX—th century", (collection of essays).
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of
Sciences
13. "The contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin** and **V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of
essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
16. "The contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)

17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "The Syrian Arab Republic"
19. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
20. "The contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)
21. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
26. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov** and **A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
27. "The contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"
29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria** and **A.Yakovlev**
33. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik** and **V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "The contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
42. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**
44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
54. "Political Elite in the Middle East"
55. "The contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)